18+

Поль Лакруа
Фердинанд Сери

Средневековье и Ренессанс. Том 1

Поль Лакруа
Фердинанд Сери
Средневековье и Ренессанс. Том 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73262728
ISBN 9785006907492

Аннотация

Первый том коллекции «Средневековье и Ренессанс» (1848) под редакцией Поля Лакруа и Фердинанда Серэ – это энциклопедический труд по истории европейской цивилизации V–XVI веков. Вместо политических событий в нём подробно рассматриваются социальная история, нравы, обычаи и материальная культура. Книга состоит из трёх основных разделов: религиозная жизнь (верования, суеверия), гражданская жизнь (феодализм, города, рыцарство, университеты, маргинальные группы) и частная жизнь (охота, кухня).

Содержание

Общее предисловие 5
Часть первая. – Нравы и обычаи 28
Состояние лиц и земель 29
Суеверия, народные поверья 79
Празднество дураков 171
Конец ознакомительного фрагмента. 198

Средневековье и Ренессанс. Том 1

Поль Лакруа
Фердинанд Сери

Переводчик Валерий Алексеевич Антонов

© Поль Лакруа, 2026
© Фердинанд Сери, 2026
© Валерий Алексеевич Антонов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0069-0749-2 (т. 1)
ISBN 978-5-0069-0750-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Общее предисловие

Собственно говоря, Средние века начинаются во мраке варварства, с падения Западной империи, в 476 году, и простираются, через тысячу различных переворотов, до взятия Константинополя Магометом II в 1453 году; Возрождение, которое обычно ведут от этой последней эпохи и которое открывает тогда новую эру, блистательно развивается до конца шестнадцатого века.

Однако эти два наименования – «Средние века» и «Возрождение», изобретенные для лучшей характеристики промежуточных эпох, отделяющих античные времена от современных, сегодня употребляются в менее определенном и более общем смысле. Под Средними веками особенно понимают самый прекрасный период феодализма, тот, что берет начало с одиннадцатого века и который под влиянием крестовых походов и рыцарства придает столь своеобразный и живописный облик нравам европейских народов; под Возрождением особенно понимают великое движение идей, пробуждающихся в середине пятнадцатого века и с жаром обращающихся к наукам, словесности и искусствам, чтобы преобразовать феодальный мир. Таким образом, мы не собираемся возвращать этим двум наименованиям, ныне принятым на всех языках и ежедневно употребляемым с некоторым, быть может, отступлением от их истинного происхождения

и первоначального значения, более строгий смысл.

Нам хотелось обозначить словами «Средние века» и «Возрождение» более конкретно весь промежуток времени с десятого по семнадцатый век; мы полагаем, что эти два слова не будут ни туманными, ни двусмысленными для кого бы то ни было, когда мы применим их к истории нравов и обычаев, наук и словесности, искусств и изящных искусств на протяжении этого шестисотлетнего промежутка.

Не то чтобы мы думали, что можем всегда и неизменно брать за точку отсчета этот одиннадцатый век, который является своего рода рубежом между мраком и светом; не то чтобы мы собирались всегда и строго следовать хронологическому порядку событий вплоть до последних лет этого чудесного шестнадцатого века, который один мог бы дать материал для издания столь же значительного, как настоящее; не то чтобы мы надеялись вместить в наш очерк все бесчисленные подробности частной и общественной жизни народов Европы: великие труды, как бы широко они ни были задуманы, как бы добросовестно ни исполнены, должны налагать на себя ограничения и допускать пробелы.

Нам не надлежит рассказывать политическую историю Средних веков и Возрождения в Европе, эту историю, до такой степени наполненную событиями и именами, что человеческая память останавливается в ужасе перед мыслью вместить их все; нам надлежит лишь изобразить историю нравов и особенно историю мысли в непрерывном и поступа-

тельном ходе цивилизации на протяжении шести веков. Это, как мы только что говорили, общественная и частная жизнь народов, главным образом французов, которую мы и намеревались изучить, представить точнее и, если можно так выразиться, интимнее, чем это делалось до сих пор.

Полотно, столь обширное, чтобы быть исполненным в единстве стиля и получить особый колорит для каждого эпизода этой многоликой композиции, должно прибегнуть к кисти и палитре множества художников: нужен был один, чтобы набросать план коллективного труда и распределить работу между всеми. Эта трудная и деликатная задача была предложена нам, и мы приняли ее с крайним недоверием к себе, но с абсолютным доверием к нашим ученым сотрудникам.

Эта картина Средних веков и Возрождения не раз была задумана и даже начата; труд был выше сил одного работника: труд, следовательно, всегда оставался незавершенным. Аббат Лежандр набросал несколько черт этого обширного полотна в длинной главе своей «Истории Франции», озаглавленной: «Нравы и обычаи французов в первые времена монархии», когда маркиз де Полми, известный библиофил и неутомимый читатель тех книг, которые он собирал с большими издержками, задумал использовать свои чтения, сопровождавшиеся заметками и выписками, для написания истории нравов и обычаев во Франции. Маркиз де Полми был, как и мы, поражен недостаточностью лучших историче-

ских сочинений касательно этой столь любопытной и столь важной части нашей национальной истории. Он справедливо полагал, что французская археология должна быть для нас, французов, столь же драгоценной и, быть может, более интересной, чем греческая и римская археология, составляющая обычное занятие ученых академистов и коллегиальных профессоров. Тогда-то он с изумлением и обнаружил, что французской археологии нигде не существует и что этот богатый предмет никогда не был разработан.

Чтобы разработать его как следует, он произвел разбор нескольких тысяч томов – хроник, романов, легенд, поэзий, кутюмников и т. д.; он изучал в особенности миниатюры рукописей, эти наивные и верные изображения частной жизни их современников; но он пренебрег тем, чтобы окружить себя предметами искусства, которые могли бы прояснить и дополнить его знания. В восемнадцатом веке еще и не помышляли о спасении и сохранении этих почтенных реликвий прошлого, которые ныне с уважением распределены по нашим собраниям. Маркиз де Полми не понимал прямой взаимосвязи, существовавшей между этими поставцами, диптихами, баулами – одним словом, между всей этой мебелью, всей этой утварью и нравами народа, который ими пользовался. Это неведение вещественных предметов и художественных приемов прежних времен стало бы причиной множества ошибок и упущений в археологических изысканиях автора.

Маркиз де Полми присоединил к себе нескольких литераторов, более или менее способных содействовать этим изысканиям: Контана д'Орвиля, толкового компилятора, хотя и романиста и сочинителя комических опер; Леграна д'Осси, уже весьма сведущего в литературе труверов; Майера, довольно искусного составителя выписок, извлеченных из старинных романов и архивов, и т. д. Эта мастерская, организованная таким образом на почве шести последних веков, переворошила множество книг и рукописей. Она подготовила сначала, словно для пробы к великому труду, бывшему мечтой маркиза де Полми, «Всеобщую библиотеку романов» и «Смесь, извлеченную из большой библиотеки», эти два объемистых собрания, где мы найдем столько заимствований, которые можно сделать, столько источников, которые следует почитать.

Но главный труд не был опубликован. Раздор возник в стане работников, или компиляторов: каждый, за исключением Контана д'Орвиля, захотел присвоить материалы, собранные для маркиза де Полми; тот закрыл для них свою библиотеку и продолжал один, со своим верным Контаном д'Орвилем, предприятие, которое он задумал и представил подробный его план в одном из томов «Смеси, извлеченной из большой библиотеки». Но Легран д'Осси, удалившийся, нагруженный добычей из этой большой библиотеки, опередил его и выпустил в свет первые три тома «Истории частной жизни французов от начала нации до наших дней».

Эти три тома содержали лишь историю стола или питания со множеством относящихся к ней подробностей; но автор обещал продолжение, составленное по тому же плану, который маркиз де Полми обозначил четырьмя разделами: жилище, питание, одежда, развлечения или игры. Это продолжение должно было составить не менее девяти или двенадцати томов. С тех пор маркиз де Полми совершенно отказался от своего замысла, который предстояло выполнить его собственным литературным работникам. Легран д'Осси, однако, не продолжил выполнения этого замысла, который другие писатели пытались возобновить после него. Ж. Б. Б. де Рокфор, более чем кто-либо способный продолжить труд Леграна д'Осси, удовольствовался тем, что объявил об этом продолжении, опубликовав новое аннотированное издание «Истории частной жизни французов». Ничего не вышло из этой второй части, которая должна была включать все, касающееся гражданской архитектуры, внутреннего убранства домов, меблировки, одежды и украшений, одним словом, всего, что относится к костюму; а также обзор развлечений, игр и забав нации.

Без сомнения, рукописи ученого филолога Ж. Б. Б. де Рокфора были утеряны, как рукописи маркиза де Полми и Леграна д'Осси, когда г-н де Монтей предпринял переделать по иному плану труд, подготовленный и начатый его предшественниками. Г-н де Монтей выполнил эту трудную задачу с той добросовестностью и эрудицией, каких можно

было от него ожидать. Его «История французов различных состояний в последние пять веков» останется как изумительное собрание терпеливых изысканий, как превосходный труд исторической реконструкции; но, быть может, г-н де Монтей не всегда схватывал истинный колорит картины, когда точно воспроизводил ее черты; одним словом, г-н де Монтей не археолог: он изучал отчеты, описи, акты и документы веков, в среду которых он переносился, скорее чем изучал памятники искусства; он читал рукописи, не уделяя большого внимания миниатюрам. Отсюда, без сомнения, сухость и бесцветное однообразие его книги, в остальном столь примечательной и полезной во многих отношениях.

Нам будет легко избежать этих недостатков, бросающихся нам в глаза в книге, ставшей почти классической во Франции и переведенной на несколько языков. Мы не полагались бы на свои силы, чтобы объять предмет столь же обширный, сколь и многообразный, но множество выдающихся писателей смогут осуществить то, чего не сумел бы выполнить один. Нам достаточно было распределить работу между самыми способными руками, и мы приняли во внимание при этом распределении склонности, специальности – если еще осмеливаются серьезно употреблять это выражение, – литературные труды наших сотрудников. Мы рассматриваем Средние века и Возрождение как две восхитительные страны, мало известные и часто плохо описанные, по краям которых толпятся туристы и которые лишь немногие просвещен-

ные и отважные путешественники решаются посетить в подробностях. Следовательно, у этих путешественников и следует спрашивать рассказ о том, что они хорошо видели и наблюдали: одни совершали путешествие с точки зрения нравов, другие – с точки зрения искусств; этот интересовался архитектурой, тот – живописью; тот был занят лишь культом и его обрядами; другой – политической и социальной организацией; третий – частной и внутренней жизнью. Ни один из этих путешественников, быть может, не дал себе отчета о целом и облике страны; но каждый привез оттуда какое-то верное воспоминание, какой-то живой образ, и все полезно посодействуют общему описанию Средних веков и Возрождения.

Это описание, эта история естественно начинается с одиннадцатого века; ибо в десятом веке существует, так сказать, медная стена, отделяющая собственно Средние века на две различные и почти чуждые друг другу части: до десятого века – это отблеск античных времен, продолжение галло-романской эпохи, борьба цивилизации и варварства; последняя, кажется, восторжествовала в десятом веке, все гаснет, все умирает, все кажется мертвым: нравы, науки, словесность и искусства. Десятый век покрывает свинцовым саваном древний мир, как и новый мир. Можно было бы подумать, что из этой могилы никогда не выйдут ни движение, ни свет. Но как только влияние одиннадцатого века дает себя почувствовать, свет возрождается, сначала слабый

и неверный, потом он растет и распространяется; движение мало-помалу сообщается всем закоченевшим членам общественного тела, которое пробуждается к жизни более сильной и деятельной; варварство отступает по мере того, как продвигается цивилизация; варварство еще защищает свои завоевания и не уступает их без сопротивления, но цивилизация уже не останавливается и вскоре царит одна посреди блистательного развития нравов, наук, словесности и искусств.

Вот как мы поняли эту историю, с точки зрения нравов, равно как и с точки зрения наук, словесности и искусств, которые столь тесно связаны с нравами, которые иногда от них происходят и которые, быть может, их создают. Таким образом, это четыре главных раздела, связанных друг с другом и взаимно объясняющих друг друга: Нравы, Науки, Словесность и Искусства.

К этим четырем главным разделам, составляющим труд, необходимо введение, чтобы представить, с одной стороны, общие исторические факты в их соотношении с нравами и обычаями народов; а с другой стороны, последовательные превращения состояния лиц в Европе. Феодальный строй, который медленно утвердился на обломках римского законодательства и который не был, как полагали писатели, лишенные знаний и критики, грубым результатом случая и рутины, – феодальный строй имел организацию столь сильную и столь искусно устроенную, что он один господствовал над

всей Европой в Средние века и даже пережил их, оставаясь то тут, то там укорененным в общественных и частных нравах вплоть до Французской революции.

После того как мы укажем на факты – то скрытые и таинственные, то блистательные и торжественные, – которые служили к изменению облика народов и которые воздействовали в большей или меньшей степени на их нравы; после того как мы покажем, каково было влияние, каково было действие нравов, обычаев и привычек в истории Европы, начиная с десятого века до конца шестнадцатого, – мы постараемся точно определить состояние лиц, то есть дать ключ к феодальной системе. Увидят, как движется это великое политическое тело со своими пружинами, которые нельзя было бы предположить с первого взгляда столь многочисленными, столь сложными и столь крепкими. Механизмы, кажущиеся самыми простыми, – это обычно те, которые потребовали от изобретателя наибольших усилий гения; это также те, которые обладают наибольшей мощью и наиболее надежной долговечностью. Мы постараемся, таким образом, объяснить общество таким, каково оно было тогда под властью феода, крепостничества и коммуны.

Вооруженные этими предварительными и необходимыми сведениями, мы затем приступаем к частной истории нравов, и эта история сама собой распадается на три различные категории: нравы религиозные, нравы общественные и нравы частные.

Введемся же сначала ко двору епископов и высших сюзеренов Церкви; проникнем в клуатры, в кельи, в скиты; станем свидетелями богослужебных церемоний, процессий, паломничеств; изучим литургику и даже схоластическое богословие; расспросим монашеские ордена, их уставы, их характер, их добродетели и их пороки; не станем пренебрегать суевериями и народными верованиями, подчас столь трогательными и столь поэтичными, всегда столь причудливыми и столь наивными. Какое разнообразие сцен и картин! Здесь – мрачный обряд отлучения или суд официала; там – избрание аббата, собрание синода или монастырского капитула; здесь – сбор милостыни монастырем, продажа индульгенций и реликвий; там – эти странные эпизоды жизни клира: праздник Осла, праздник Дураков. Наконец, мы замечаем на каждом шагу глубокое потрясение, внесенное в религиозные нравы двумя великими социальными кризисами совершенно различной природы: крестовыми походами в Средние века и Реформацией в эпоху Возрождения.

Общественные нравы были также взволнованы крестовыми походами и Реформацией, которые в некотором роде заполняют собой Средние века и Возрождение. Крестовые походы открывают поле деятельности рыцарству; Реформация – идеям, человеческому разуму. Это рыцарство сияет во всем Средневековье; это рыцарство отвечает самым благородным чувствам или пробуждает их; это рыцарство провозглашает этот принцип, плодотворный для великих дел –

Noblesse oblige [«Положение обязывает»] – и учит благородных хорошо поступать. Посмотрим, в чем состоят благодеяния благородных; последуем за этими благородными в их замки, где они принимают почести и подати от своих вассалов; последуем за ними к их сюзеренам, к принцам и королям, которым они несут феодальную службу; последуем за ними в лагеря, в авантюрные походы, когда они становятся во главе воинов и ополчений, которые идут под их знаменем или вымпелом: здесь – битвы гигантов, сражения демонов; и повсюду, среди крови и резни, строгое соблюдение законов рыцарства; там – турниры, «проходы оружия», ристалища, поединки: всегда, в мирное время, как на войне, звуки труб, блеск гербов, звон доспехов. Сколько зрелищ величественных и великолепных! Божьи перемирия, судебные поединки, празднества и торжества, пиры и гала-приемы, пленарные собрания королевского суда! Дворянство и рыцарство – словно волшебницы этих чудесных эпох, столь живо говорящих воображению.

Затем, общественным нравам знатных классов противопоставим общественные нравы низших классов, особенно в городах: это горожане и купцы, объединяющиеся в коммуны, корпорации, братства; купцы и горожане также имеют свои привилегии, свои права и свою феодальную иерархию; в церемониях, въездах королей и королев, процессиях и торжественных смотрах такое-то цеховое сообщество имеет свое место раньше другого, согласно обычаю и традиции;

в корпорациях подмастерье лишь постепенно доходит до того, чтобы стать мастером; эти корпорации регламентируют торговлю или, скорее, товары и спасают ее от пагубных последствий слепой конкуренции, плохой работы и капитала, сосредоточенного в одних руках. Если благородные – сеньоры на своих землях, то горожане – сеньоры в своих городах: они ведут управление полицией и правосудием; они ведут войну со злодеями и бродягами; ибо города Средневековья имеют некоторую часть своего населения, сосредоточенную в особом квартале и подчиненную исключительным законам: проститутки и развратники – в своих притонах; бродяги, нищие и цыгане – в своих «дворах Чудес».

Нравы частной жизни французов не менее любопытны для описания: надо идти наблюдать их в замках, в городах и в деревнях, то есть у благородных, у горожан и у сельских жителей. В замках – это более или менее блистательное подражание жизни княжеских или королевских дворов, это своего рода королевская власть, окруженная церемониалом и этикетом; сеньор, граф, барон или простой сир имеет своих людей оружия, своих оруженосцев, своих пажей, своего капеллана; с вершины своей донжонной башни он всегда готов ринуться, как орел из своего гнезда; он заставляет бояться себя врагов, уважать – подданных, любить – слуг; он попеременно ведет войну, охотится, пирует. В городах горожане и купцы живут замкнуто, в тиши, в безвестности, среди своей семьи; они занимаются только своей торговлей, они стре-

мятся лишь увеличить свое состояние и свои доходы, стать благодетелями своего прихода и хорошо умереть, обеспечив место своему телу в костнице какой-нибудь церкви или монастыря, а место своей душе – в раю.

В деревнях сельские жители были бы счастливы своим трудовым и зависимым существованием, если бы барщина, война и особенно гражданская война не приходили беспрестанно тревожить их среди их покоя. Что касается жизни женщин, она почти повсюду отделена от жизни мужчин; она сосредоточена в заботах о хозяйстве, в воспитании детей, в домашнем кругу; она проходит в тени, если можно применить это выражение, за исключением тех случаев, когда общественные празднества предоставляют им редкий случай показаться при свете дня. Галантность проявляется почти исключительно при дворах, да и там она является лишь почтительным свидетельством восхищения и преданности по отношению к полу, который делает любовь стимулом храбрости и рыцарских добродетелей.

Воспроизводя столь разнообразные и живописные подробности частной жизни наших предков, нам надлежит рассказать об их развлечениях, играх, упражнениях; мы с удовольствием остановимся на охоте, псовой и соколиной, самом любимом занятии знати, когда не было войны. Мы не оставим в стороне и то, что касается питания, и это будет далеко не наименее интересная глава этого труда, поскольку она уже дала материал для трех превосходных томов Легра-

на д'Осси.

Но нравы французов в Средние века и в эпоху Возрождения были бы известны лишь несовершенно, если бы не было известно состояние наук, словесности и искусств в течение этих двух периодов: мы должны, следовательно, составить хронологическую и сравнительную историю каждой науки, каждой отрасли словесности, каждого из изящных искусств в отдельности.

Науки философские приведут нас к рассмотрению схоластики, к описанию университетов и школ, к изображению бурной жизни школяров; науки математические приведут к наукам тайным; астрономия соприкасается с астрологией, как химия – с алхимией; открытия и изобретения изобилуют в эти времена интеллектуальных усилий: если и не находят философский камень, если дух и теряется в заблуждениях демонологии, то изобретают греческий огонь и порох. Военное искусство обязано этим двум чудесным секретам почти полным переворотом, как и искусство мореплавания обязано своим развитием компасу. Увидят, насколько сильно влияло мореходство на науки географические и астрономические, на торговлю, на искусства вообще. Все науки, равно как и все искусства, привлекут наше внимание к своему происхождению и к своим успехам, в особенности медицина и хирургия: последняя весьма изобретательна и весьма опытна до открытия кровообращения, до открытого изучения практической анатомии; первая – чисто эмпи-

рическая и, тем не менее, прямо нападающая на эпидемии, на чуму, на проказу, которые опустошали население и покрывали Европу лепрозориями, госпиталями и благотворительными учреждениями.

История словесности в Средние века и в эпоху Возрождения дала бы сама по себе предмет для огромного труда, поскольку «Литературная история Франции» бенедиктинцев уже включает двадцать томов in-quarto, которые не идут дальше тринадцатого века: самое трудное в нашей задаче будет, следовательно, уметь себя ограничивать и уметь выбирать. Формирование национальных языков для Франции и для разных стран Европы не восходит далее одиннадцатого века; тогда поэты начинают обрабатывать эти возникающие языки: трубадуры на юге, барды и труверы на севере; это эпоха длинных романов о войне и любви, эпических поэм о рыцарстве и крестовых походах. От этих романов до хроники и от хроники до истории – лишь несколько переходов эпохи и литературного вкуса. Жонглеры, подобно рапсодам гомеровской Греции, ходят из замка в замок, из города в город, с ярмарки на ярмарку, распространяя романтические рассказы, фаблио, лэ и песни. Самые просвещенные умы увлекаются страстью к словесности и к искусству красноречия: основываются и прославляются Пюи и Палаты риторики, которые являются зародышем академий. Поэзия в каждой литературе уже достойна своей благородной миссии и уже насчитывает замечательные произведения, тогда

как ораторское искусство, как кафедральное, так и судебное, еще лепечет и дает своим вдохновениям лишь тривиальную или напыщенную форму. Это театр должен создать ораторское искусство; театр, первые опыты которого также лепет, и который сначала волочится грубо среди лохмотьев мистерий и фарсов; театр, который скоро заговорит к умам и сердцам не менее, чем к глазам.

Какая книга до сих пор предлагала нам исторический обзор и изображение изящных искусств в эти эпохи, самые драгоценные реликвии которых относятся к изящным искусствам? Существует ли энциклопедия, которая научила бы нас тому, чем были архитектура, скульптура, живопись, керамика, металлургия и т. д. в течение шести веков, которым мы обязаны нашими восхитительными памятниками и богатствами наших музеев? Это музеи, это сами памятники показывают нам, чем были изящные искусства в Средние века и в эпоху Возрождения. Нет книги на эту великолепную тему, которая словно рассеяна во множестве книг! Мы собираемся обозреть изящные искусства, начиная с одиннадцатого века: церковная архитектура, воздвигающая церкви, аббатства и костницы; гражданская архитектура, строящая дворцы и дома; военная архитектура, укрепляющая замки и города; скульптура, украшающая и довершающая все искусства своими произведениями из глины, камня, мрамора, бронзы, дерева, слоновой кости и т. д.; живопись, начинающаяся с мозаики и эмалей, содействующая украшению зданий рас-

писными витражами и фресками, иллюстрирующая рукописи, прежде чем достигнуть высшего своего выражения: искусства Джотто и Рафаэля, Шонгауэра и Альбрехта Дюрера; резьба по камню и металлу, к которой надо причислить резьбу медалей и глиптику; гравюра, происходящая от искусств рисунка и которая, после того как попробовала резать игральные карты и гравировать чернью по золоту, внезапно вызывает это возвышенное изобретение, мать Реформации и Возрождения: книгопечатание.

Все искусства составляли тогда лишь одну и ту же семью, семью Искусства; они держались друг за друга, они помогали друг другу, они сообщали друг другу братски свои вдохновения и свои влияния. Тогда, смотря по случаю, архитектор становился ваятелем; золотых дел мастер – оружейником и гравером; живописец – эмальером и стеклоделом: Леонардо да Винчи укреплял города; Бенвенуто Челлини отливал и наводил пушки; Бернар Палисси постигал геологию, отливая свои «сельские фигурки». Это единение искусств, или, скорее, эта универсальность искусства, проявлялась в мельчайших подробностях утвари и обстановки: самый грубый глиняный горшок имел изящную, элегантную или удобную форму; самый жалкий домашний инструмент был приятен для глаза; инструменты изгибались в виде грифонов и змей; дверной молоток украшался тонкой резьбой. И все же архитектор именовал себя лишь мастером работ или каменщиком; ваятель и живописец довольствовались титулом иконо-

писца или иллюминатора! Главной чертой художника, как и искусства, была тогда наивность, вера.

Это, следовательно, различные проявления Искусства Средних веков и Возрождения, которые мы намерены оценить. Искусство развивается среди самых низких и самых темных ремесел; гончарное дело, например, или керамика, порождает людей гения: фаянсовые фабрики Фаэнцы и Лиможа требуют картонов у Рафаэля и Джулио Романо; Исраэль ван Мекенен и Зоан Андреа посвящают свою гравюру приготовлению женских драгоценностей, образцов вышивки; Россо и Приматиччо руководят работами по слесарному и столярному делу; Жан Гужон и Жермен Пилон делают кровати и баулы, стулья и скамьи. Искусство, повторим, повсюду в эти столь мало известные и столь достойные того, чтобы их знали, эпохи; мы находим его, изобретательное, смелое и самобытное, во всех обстоятельствах общественной и частной жизни наших предшественников, на какой бы глубине мы ни рыли почву современной археологии. Не есть ли, наконец, истинная история Искусства история его истоков, его традиций и его шедевров?

В труде этого рода и этой важности исполнение рисунков и гравюр не могло быть поручено одному художнику, не более чем исполнение текста не могло быть поручено одному писателю; но один художник должен был взять на себя, под свою ответственность, высшее руководство художественными работами; один должен был председательствовать при

выборе материалов и при верном воспроизведении оригиналов; один должен был, наконец, отвечать за гармоничность труда в его деталях и в его целом. Постоянное изучение, которое мы посвятили памятникам и искусствам рисунка в Средние века и в эпоху Возрождения, это изучение, дополненное изучением письменных памятников той же эпохи, дало нам право принять эту деликатную задачу и эту большую ответственность.

Легко понять, что этот труд более, чем всякий другой, нуждается в обращении к искусствам рисунка, поскольку он предназначен дать понятие о состоянии искусств в течение шести веков в Европе, поскольку он постоянно действует изображением сцен общественной и частной жизни, описанием самых красивых и любопытных предметов искусства. Но техническое описание часто требует для своей ясности и выразительности образного изображения описываемого предмета; к картине, лучше всего переданной в повествовании, нарисованная картина всегда добавляет черты и краски, которые писатель упустил или которыми пренебрег. Необходимо, следовательно, чтобы текст служил здесь, так сказать, комментарием к иллюстрациям; необходимо, чтобы они объясняли друг друга взаимно и попеременно.

Гравюры этого труда – не представленные в этом издании – требовали, следовательно, не менее тщательных поисков, чем самый текст: это тысячи рукописей с миниатюрами и книг с рисунками, которые предоставили нам эти гра-

вированные или рисованные факсимиле; это главные музеи и главные библиотеки Европы, которые мы привлекли к сотрудничеству; это самые знаменитые частные собрания, которые призвали нас и открыли нам свои двери. Число материалов было столь же громадным, сколь и разнообразным; но выбор их был тем труднее, что мы находим его еще очень ограниченным, несмотря на двести таблиц-миниатюр, представляющих более тысячи предметов, несмотря на двести больших гравюр на дереве, несмотря на восемьсот гравюр меньшего размера, которые содействуют пользе, как и украшению книги.

Среди музеев и библиотек Франции, где мы собрали обильную жатву набросков, назовем лишь Музей Лувра, Музей Клюни, Музей артиллерии и т. д., Национальную библиотеку, в особенности ее рукописи, ее Кабинет антиков и ее Кабинет эстампов; библиотеки Мазарине, Святой Женевьевы, Арсенала и т. д. За границей мы исследовали или заставляли исследовать большие собрания Бельгии, Германии, Англии и Италии; многие из наших рисунков отсылают к оригиналам, хранящимся в Брюгге, Генте, Антверпене, Люнебурге, Мюнхене, Праге, Вене, Павии, Флоренции, Риме, Неаполе, Мадриде и т. д. Узнают даже с изумлением, что некоторые из этих оригиналов существуют в мэриях, в ризницах деревень!

Что касается частных собраний, бывших для нас источниками тем более драгоценными, что они открываются не для

всех, достаточно указать некоторые из них, имеющиеся в Париже почти что неизвестно для всех; достаточно назвать собрание г-на Соважо, самое богатое из всех мелкими предметами редкостей, стеклом и изделиями из золота; собрания г-жи баронессы де Ротшильд и г-на Кедевиля, самые замечательные готическими картинами, которые могут соперничать с собранием братьев Буассере из Мюнхена; собрания г-на герцога де Люина и г-на графа де Пуртале, где встречаешь несколько шедевров Средних веков и Возрождения среди греческих ваз, резных камней и античных медалей; собрание г-на Прео, содержащее лишь эмали и керамику; собрания г-на графа де Л'Эскальопье, г-на де Брюжа, г-на Генбо и т. д. Наконец, как только мы узнавали, что где-либо существует любопытный образец искусства с шестого по шестнадцатый век, мы ничего не жалели, чтобы получить позволение воспроизвести его в нашей всеобщей галерее Средних веков и Возрождения.

Таков гигантский план труда, который не поддался бы попыткам одного писателя и одного художника, но который будет результатом совместных усилий цвету художников, как и цвету ученых и литераторов Франции. Этот труд, подобно готическим церквям, являющимся монументальным делом нескольких поколений, будет обязан своей прочностью и своим литературным величием сотрудничеству стольких искусных работников.

Но он не останется незавершенным, подобно Кельнскому

собору; мы даже надеемся, что через два года наша рука сможет начертать на фронтоне национального памятника, воздвигнутого перед нашими глазами наукой и самоотверженностью всех: «СРЕДНИЕ ВЕКА И ВОЗРОЖДЕНИЕ».

ПОЛЬ ЛАКРУА (БИБЛИОФИЛ ЖАКОБ) И ФЕРДИНАНД СЕРЕ.

Часть первая. – Нравы и обычаи

Состояние лиц и земель

Средние века суть продукт языческой цивилизации, германского варварства и христианства. Они начинаются в 476 году, с низложением Августула, и заканчиваются в 1453 году, с взятием Константинополя.

Падение двух империй – Западной и Восточной – отмечает таким образом границы их продолжительности, охватывающей около десяти столетий. Их первый акт принадлежит германцам; это было разрушение политического единства, которое впоследствии заменило единство религиозное. Тогда на развалинах центральной власти родилось множество разрозненных и неупорядоченных сил. Иго имперского господства было сломлено варварами; но, далёкий от того, чтобы подняться к свободе, народ спустился ко всем степеням рабства; вместо одного деспота он получил тысячи тиранов, и с величайшим трудом и медлительностью он высвобождался из оков феодализма.

Когда Западная империя распалась, страны, её составлявшие, были заняты народами, различавшимися по происхождению, нравам и языку и вышедшими из множества соперничающих или враждебных наций. Ничто не было более разнообразно и несогласно, чем интересы, учреждения, состояния общества, отданного на волю германцев. Были, во-первых, народы-завоеватели и народы покорённые, а именно:

готы, бургунды, вандалы, алеманны, франки, саксы, лангобарды; и, с другой стороны, римляне или народы, ставшие римскими благодаря долгому порабощению римскому владычеству. Затем были, у всех, люди свободные, вольноотпущенники, колоны и сервы; существовало несколько степеней в свободе и несколько степеней в рабстве. То же касалось и земли: были земли свободные и земли обложенные данью, земли сеньориальные и земли сервильные. В зависимости от своего состояния они составляли аллоды, бенефиции или феоды и держания. Более того, каждая из них имела свои особые обычаи и установления, в зависимости от владельцев и стран.

Таким образом, повсюду были разнообразие и неравенство; и поскольку нигде ничто не было урегулировано, ни ограничено, ни определено окончательно, повсюду была борьба и война. Наконец, и это делало положение ещё более плачевным, всё было развращено и истощено; не появлялось ни единого принципа жизни, порядка и длительности; встречались лишь элементы варварства и разрушения. Народы, которых Германия извергла на Галлию, уже не те народы, что описаны Тацитом; свои добродетели, если таковые у них и были, они оставили по ту сторону Рейна. Римляне, которых они подчинили, суть народы выродившиеся; и от той чудесной цивилизации, порождённой Афинами и Римом, не осталось ничего, кроме распущенных нравов и расслабленных учреждений.

Таким образом, и с той, и с другой стороны, у победителей и у побеждённых, царили упадок и дезорганизация. У одних остались лишь грубые и пагубные инстинкты варварских народов; у других – лишь развращённость народов цивилизованных: это было худшее из варварства и из цивилизации; вот почему, когда они соединились, им почти нечего было сообща внести для основания нового общества, кроме руин и пороков. Но, надо сказать, доля, привнесённая завоевателями, была из двух наихудшей. Дух независимости, их одушевлявший, был лишь непреодолимой склонностью предаваться свирепым страстям и животным аппетитам. Свобода, которую они знали, свобода, которая была им дорога и ради которой они пренебрегали опасностями, была свободой творить зло; ибо, когда они шли навстречу смерти, то менее из презрения к жизни и любви к независимости, чем из жажды добычи. Дух личной свободы, в котором им отдают честь и который они будто бы привили Европе, плохо согласуется с тем, что нам известно об их национальном характере, и, по-видимому, не был живее в их сердцах, чем в сердцах народов, которым они, как говорят, его передали. Не было ли, в самом деле, публичным правом в лесах Германии, что человек поступал на службу к человеку? Где же ещё, как не в этих лесах, искать родину вассалитета? И когда германцы основали государства в Западной империи, вместо того чтобы поставить людей рядом друг с другом на одном уровне, не расставили ли они их один ниже другого, от вер-

шины до основания своего общественного здания? Это дух раболепия господствует в их нравах: зависеть от господина или сеньора – их первая потребность, и это фундаментальный девиз феодализма.

Домашняя служба была, в самом деле, почётна во всех феодальных поместьях, равно как и во дворце государя. Вассал, которого за столом обслуживал его слуга, служил также как слуга за столом своего сеньора; сеньоры поступали так же между собой, поднимаясь от низшего к высшему вплоть до сюзерена; и все эти службы, поистине телесные, рассматривались менее как обременительные обязанности, чем как права и почести. Недавно ещё среди высших достоинств королевства не видим ли мы фигурировать должности мажордома, камергера, виночерпия, коннетабля короля? Подобные обычаи, происхождение которых по существу германское, достаточны, чтобы доказать, сколь мало германцы имели чувство личного достоинства и независимости. Наконец, мы знаем, что свобода, далёкая от того, чтобы быть в их глазах высшим благом, приносилась ими в жертву своим страстям, и они охотно рисковали ею в игре в надежде выиграть нечто, что, без сомнения, казалось им предпочтительнее.

Когда франки завладели Галлией, их учреждения и обычаи неизбежно вторглись в римское общество; но было бы весьма затруднительно указать, что доброго они произвели, тогда как зло, которое они причинили народам, правительствам, равно как словесности и наукам, неисчислимо и бро-

сается всем в глаза. Не только без помощи германизма, но, более того, вопреки ему цивилизация возродилась из своих руин; ибо, если бы мы внимательно наблюдали путь, который она прошла, то признали бы, что она продвигалась вперед лишь по мере того, как тевтонский дух уходил из мира. Пока этот дух господствовал, не было ни личной, ни общественной свободы. Не знали даже ни общего закона, ни общего интереса. Отечество сводилось к семье, а нация – к племени.

Народам германским было невозможно постичь более высокие идеи и образовать более обширные ассоциации. Поэтому во всех занимаемых ими странах они объединялись в малые общества, соразмерные их незначительным учреждениям. Галлия, в частности, скоро оказалась раздробленной на почти независимые сеньории и стала достаточно похожа на наши африканские владения, где живёт множество племён под разными вождями, никогда не достигая того, чтобы составить единый народ.

Отсутствие общей защиты и публичной власти заставляло каждого искать безопасности для своей личности и имущества в организации частных сил. Эти силы, объединяясь, пытались уравновесить друг друга. Отсюда произошли коммендации, затем гильдии, затем коммуны; отсюда же для слабого – необходимость поступить под защиту и в зависимость к сильному или образовать со своими родичами и равными лиги, способные защищаться и самим чинить себе правосудие.

Сначала все члены одной и той же семьи защищали друг друга, и если кто-то претерпевал насилие, у него не было иного средства, кроме как обратиться к своим родичам, чтобы получить возмещение. Это был тогда вопрос, который надлежало решить между двумя семьями, а именно между семьёй обидчика и семьёй обиженного. Никто другой не должен был заниматься спором, и никакая власть не заботилась о его улаживании. Но если стороны отдались под покровительство могущественных людей, те принимали их дело за своё, и ссора, разрастаясь, могла зажечь войну между двумя сеньориями. Наконец, тот, кто поступил под защиту короля, получал помощь от королевской власти; в противном случае король вмешивался лишь в тех случаях, когда под прямой угрозой оказывались безопасность его особы и мир его королевства.

Проступки и наказания, впрочем, могли быть искуплены за деньги, и сын, например, вместо того чтобы мстить за смерть отца на личности убийцы, получал от последнего определённую сумму в возмещение, и правосудие считалось удовлетворённым.

Такса выкупов, подлежащих уплате за каждое преступление, была установлена обычаем и составляла основу, у главного племени франков, того варварского кодекса, что называют Салическим законом. Но долгое время никто не был принуждён подчиняться ему, если не принял его заранее, отказавшись извлекать собственными руками удовлетворение,

которое ему причиталось.

Заметим ещё, по этому поводу, что принцип равенства был столь чужд народам германским, и особенно салическим франкам, что у них не только люди имели различные права в политическом и гражданском порядке, но, более того, правосудие не было одинаково для всех. Чем могущественнее был человек, тем больше он был защищён законом; напротив, чем слабее, тем менее он был им защищён. Так, не говоря уже о свободных людях, жизнь франка стоила по праву вдвое больше, чем жизнь римлянина; а жизнь антрустиона, или клиента короля, стоила втрое больше, чем жизнь человека, не пользовавшегося королевской манбургией. Впрочем, выкуп за убийство простого франка составлял двести золотых солидов, сумма, представляющая около 18 000 франков нашей монеты. С другой стороны, наказание было тем более скорым и суровым, чем ниже был ранг преступника. В случае кражи, например, если вор был значительным лицом, он должен был быть предан суду короля; если же, напротив, речь шла о бедняке, обычного судьи было достаточно, и он вешал его немедленно.

Таковы были равенство и правосудие у народов германских. И поскольку их другие учреждения не имели ни большего величия, ни большего либерализма, нам невозможно усмотреть в них регенераторов общественного порядка. Даже весьма правдоподобно, что если бы Европа не имела других наставников, она и сегодня была бы погружена в глубо-

чайшее варварство. Два единственных источника современной цивилизации – это, вне сомнения, классическая древность и Евангелие.

После падения королей Меровингского дома произошёл огромный прогресс в политическом и социальном состоянии народов, над которыми они господствовали. Не сумев дать им правительство, они обрекли их на анархию. Правда, они основали несколько более или менее долговечных королевств, но все они оказались неспособны устроить королевскую власть. Их власть, кроме того, была более личной, чем территориальной, ибо они повелевали менее провинциями, чем людьми. Поэтому не без основания они приняли титул короля франков, а не короля Франции.

Они отняли Галлию у римлян, чтобы отдать её на разграбление вождям вооружённых шаек. Теперь предстояло отнять её у этих последних и заставить их самих к повиновению. Первым завоеванием страна почти целиком была приведена под власть одного народа; вторым завоеванием власть была сосредоточена в руках одного человека: сначала было основано королевство, затем утвердилась власть короля.

Карл Великий навязал свою волю всем; он господствовал, но и защищал; он сумел овладеть личными страстями и честолюбием; он сумел соединить, направить и обуздать противоположные силы, строить города и воссоздать новый мир из всех орудий разрушения. Видели, как он определял каждому его место, создавал для всех общность интересов, пре-

вращал множество малых народов в великую и могущественную нацию; наконец, вновь зажёг в очаге варварства светоч античной цивилизации.

Когда он сошёл в могилу после сорока пяти лет самого славного царствования, он спокойно завещал своему сыну необъятную империю в глубоком мире.

К несчастью, этот недостойный сын разрушил до основания, по своему неумению и вероломству, величественное здание, воздвигнутое его отцом, и общество было ввергнуто вновь в смуту. Великие разъединились и начали войну друг с другом; страна была раздроблена, и верховная власть вторично пришла в упадок. Но власть, разделившись, вместо того чтобы вновь стать личной, какой она была при Меровингах, стала местной и застыла. В ходе этой революции вассалы присвоили себе свои бенефиции, а сервы – свои держания; узурпация великих, будучи подражаема мелкими, стала всеобщей и совершилась внизу не менее, чем наверху. Собственность, таким образом закрепившись в руках сеньоров и держателей, сделала территориальным то, что прежде было лишь индивидуальным, и разрушила, так сказать, личность.

Древние законы народов, которые все были личными, вышли из употребления; расы, которые они представляли, смешались и переплелись; и в то же время исчезли различия, прежде соблюдавшиеся между людьми сервильного состояния. Как не стало более салических франков, рипуарских франков и вестготов среди свободных людей, так не стало

более колонов, литов и рабов среди людей, лишённых свободы. Границы состояний были стёрты вместе с границами законов, и феодализм восстановил во многих отношениях единообразие.

Подвижная система личных обязательств, подходившая авантюристам, стала, в самом деле, недостаточной и непригодной для людей, так сказать, прикреплённых к земле. Сеньор уже не должен был спрашивать своего спасения или силы у шайки; ему надлежало спрашивать их у территории; речь шла для него уже не о том, чтобы укрепить свою особу, но своё жилище. Замкам предстояло сменить объединения. Настало время, когда каждый, дабы обеспечить свою безопасность, закреплялся и огораживался как только мог. Крутые или труднодоступные места были заняты и заселены; высоты увенчались башнями и укреплениями; стены жилищ снабжались башенками, усеивались зубцами, прорезались бойницами. Рыли рвы, навешивали подъёмные мосты; реки и теснины охранялись и защищались; дороги перекрывались, сообщения прерывались. Вскоре места укрытия стали местами нападения. Устроившись в своём доме, как хищная птица в гнезде, нападали на окрестную местность; атаковали не только своего врага, но и соседа, путешественника или прохожего. К концу десятого века каждый окончательно занял своё место и свой пост. Франция была покрыта сеньориальными крепостями и притонами; повсюду общество стояло на страже и держалось, так сказать, в засаде: это было

царство феодализма.

Королевская власть вновь оказалась на той же степени унижения и слабости к концу второй династии, что и к концу первой; но на этот раз ей предстояло с гораздо большим трудом подняться. Речь шла уже, в самом деле, не о том, чтобы сокрушить вождей партий или вооружённые объединения, но надлежало продвигаться шаг за шагом по земле, усеянной препятствиями, и отвоёвывать страну, укреплённую со всех сторон. Поэтому Капетинги были вынуждены, чтобы расшириться, атаковать один за другим все замки, которые их теснили, и осаждать, так сказать, каждую провинцию. Каролинги стали почти полными хозяевами Галлии уже с первого своего правления, тогда как потомки Гуго Капета, из-за препятствий, которые им противопоставляла территориальная власть, завладели Францией лишь ценой величайших усилий, после многих веков переговоров и битв.

Коммуны, буржуазии и Генеральные штаты могущественно содействовали восстановлению королевской власти, равно как и формированию французской нации.

Но величайшим благодетелем Средневековья является христианство, и что поражает более всего в революциях этих полуварварских времён, так это действие религии и Церкви. Догмат об общем происхождении и общей судьбе всех смертных, провозглашённый мощным голосом епископов и проповедников, был постоянным призывом к освобождению народов. Он сблизил все состояния и открыл путь со-

временной цивилизации. Хотя они и не переставали угнетать друг друга, люди стали смотреть друг на друга как на членов одной семьи и были приведены религиозным равенством к равенству гражданскому и политическому; став братьями перед Богом, они стали равными перед законом, и из христиан превратились в граждан.

Это преобразование общества совершилось постепенно, медленно, как нечто необходимое, неизбежное, посредством непрерывного и одновременного освобождения лиц и земель. Пока собственность была неопределённой или несовершенной, личная свобода была таковой же. Но как только земля закрепилась в руках тех, кто её обрабатывал, гражданская свобода, укореняясь в собственности, улучшила состояние человека, общество укрепилось, и цивилизация взяла свой разбег. Раб, которого язычество, уходя, передало в руки христианской религии, переходит сначала из рабства в серваж; затем он поднимается от серважа к мёртвой руке и от мёртвой руки к свободе. Вначале он владеет лишь своей жизнью, и то ненадёжным образом; это менее публичная власть, чем частный интерес, менее закон, чем милосердие или жалость, гарантируют ему её: гарантия недостаточная, весьма слабая для столь жестоких веков! Затем раб становится колоном или фермером; он обрабатывает, трудится на свой счёт, посредством определённых податей и служб; в остальном он сможет, уступая часть своих доходов, своего времени и своих сил, пользоваться остальным по своему

усмотрению и кормить семью с некоторой безопасностью, насколько её можно обрести в смутные и военные времена; но в конце концов его поле не будет у него отнято, или, скорее, он уже не будет отнят у своего поля, которому он и его потомки будут принадлежать навечно. Затем фермер превращается в собственника; то, чем он владеет, принадлежит ему; за исключением некоторых повинностей, которые он ещё несёт и которые будут становиться всё легче, он пользуется и владеет как хозяин, покупает, продаёт как ему угодно и ходит куда хочет. Войдя в коммуну, он вскоре допускается в провинциальное собрание, а оттуда до сословий королевства – всего лишь шаг. Такова, следовательно, судьба народа в современном обществе: он начинает с рабства и заканчивает суверенитетом.

Мы теперь пройдёмся по разным состояниям лиц в Средние века: начнём с верха общества.

Король получал свои права от рождения, а не от избрания. Его власть была абсолютной, то есть не имела иного предела, кроме его силы; а эту силу он черпал из своего гения, своих богатств, числа и преданности своих вассалов. Его правление долгое время походило на командование генералом армии. Полномочия, будучи все соединены в руках его офицеров, как и в его собственных, один и тот же человек был одновременно облечён правлением провинцией, отправлением правосудия и финансов и командованием воинами. Не было специальных министров для разных дел королевства. Когда

король не управлял сам, тот или те, кого он ставил на своё место, решали все вопросы. Единственный магистрат играет официальную роль в королевских ордонансах; это тот, кто под именем референдария или канцлера должен был их проверять, скреплять печатью и отправлять.

Король имел, тем не менее, особых офицеров для службы своего дома или своей особы. Так, например, к его двору был приставлен палатный граф, чьими главными обязанностями было ведение процессов, дошедших до суда государя. В течение первой династии другой офицер, именуемый майордомом, поднялся от управления королевскими имуществами и доходами до осуществления верховной власти. Архикапеллан председательствовал в капелле и, кроме того, регулировал церковные дела. Камерарий, или камергер, был облечён службой в покоях, а граф конюшен, или коннетабль, – службой конюшен. Эти две последние должности вместе с должностью канцлера и должностями великого милостынераздавателя и великого магистра двора стали, при третьей династии, высшими достоинствами короны.

По всем важным делам король советовался с великими, находившимися возле него. Поскольку в первые четыре или пять столетий монархии он не имел постоянной резиденции и проживал то в одном, то в другом из своих владений, трудно поверить, что его совет был постоянным и составленным единообразно, равно как и что он имел своё местонахождение в одном и том же месте или сопровождал короля в по-

ездках всем составом; правдоподобнее, что он формировался отчасти из министров, следовавших за его особой, и отчасти из великих, посещавших его или живших по соседству. Лишь при Капетингах королевский совет получил особую организацию и стал собираться регулярно.

Король жил, как только что было сказано, попеременно в разных владениях, из которых состоял его домен; но не все они имели замки, способные его принять. Тогда он велел привозить в те, где он пребывал, припасы, собранные в других. К тому же он держал свой двор лишь во время больших праздников; и когда он не был в походе со своей армией, вокруг него находились в основном его семья и министры или другие офицеры, необходимые как для отправления публичных дел, так и для его собственных дел и службы его дома. Римляне, жившие с ним, называются в Салическом законе его сотрапезниками, convivæ regis; их вергельд, согласно тому же закону, был втрое выше, чем у других римлян, то есть тот, кто лишал жизни сотрапезника короля, платил выкуп в 300 золотых солидов, тогда как он должен был лишь 100 или даже 45 солидов, если убивал другого римлянина.

С самого начала монархии до XIII века, собственно говоря, не было ни публичного налога, ни публичной казны. Королю платили, либо деньгами, либо натурой, сборы и пошлины, часто очень большие; но, за исключением некоторых редких и крайних случаев, всё, что он взимал, взималось лишь в его доменах и не имело иного характера, кроме как

податей. Государства даже не существовало. Народы германские, хотя и более алчные и скупые, чем имперский фиск, позволили погибнуть римской финансовой системе, которая была столь же недоступна их пониманию, сколь и несовместима с их учреждениями. То, что платили королю, королеве, герцогу, графу, сеньору, взималось офицерами, принадлежавшими этим разным лицам, и собиралось обычно в качестве частных податей. Если король уступал некоторые из своих прав или доходов церкви, аббатству или кому бы то ни было, часто на уступающего или его офицеров тотчас же возлагалась обязанность осуществлять их сбор. Эти сборщики были, таким образом, чисто частными, и то, что поступало в их кассы, их амбары, житницы или погреба, мало походило на публичный налог.

Великие королевства жили, одни – в своих губернаторствах, другие – в своих феодах, и каждый имел свой дом, устроенный по образцу дома короля. Все они пользовались многочисленными и значительными привилегиями, возвышавшими их над другими свободными людьми. Они образовали, когда должности и феоды стали наследственными, сословие дворянства, которое было тогда окончательно установлено. С тех пор был очень велик интерес семей сохранять свои генеалогические титулы, ибо они находили в них не только удовлетворение самолюбия, но, более того, доказательство и гарантию преимуществ, дарованных им рождением. Наследственность была, я полагаю, самой прочной опо-

рой общества среди подвижности и бесконечного разнообразия Средних веков, и то, что мешало ему в каждый миг впадать в смятение или становиться добычей насилия. Этот принцип, который казался священным для всех и в глазах всех, малых и великих, и который можно считать легитимностью феодальных веков, передавал и увековечивал от отца к сыну права и обязанности, должности и службы, долги и требования каждого; он заранее назначал ему его место, умел его удерживать или восстанавливать на нём, и его можно было бы счесть в некотором роде благодетельным, если бы он, к несчастью, не имел следствием скорее неподвижность, нежели сохранение.

Когда законы франков перестали быть личными и стали реальными, право земельной собственности развилось и тотчас получило большое преувеличение. Уже не личность повелевала землёй, а земля повелевала личностью. Всякий собственник был господином и сеньором у себя; его владение становилось сеньорией, и он сам имел, как правило, юрисдикцию над всеми лицами, её населявшими. Поэтому она почти всегда была населена лишь людьми, состоявшими в его зависимости; ибо свободный человек, имевший своё жительство на земле другого, более или менее утратил свою свободу. Что касается людей сервильного состояния, они, тем более, были ещё более зависимы от собственника. Наконец, дворянство иногда было присуще земле и передавалось вместе с нею лицу; так что тот простолюдин, который ста-

новился владельцем благородного земельного надела, был, по крайней мере со временем, облагорожен самим фактом владения. Согласно Установлениям святого Людовика, потомки простолюдина считались дворянами в третьем поколении, и их имущество делилось по-дворянски, при условии что они проживали на феоде и несли за него службу. С другой стороны, личность часто сообщала своё состояние земле; и та земля, например, на которую ложились сервильные повинности, становилась свободной и благородной, переходя в руки дворянства. Тем не менее, принцип, который отделял почву и человека и ставил их в независимость друг от друга, в конце концов возобладал повсеместно. Имущества более не меняли своего качества, меняя владельца, и дворянин мог держать простолюдинскую землю, не теряя своего дворянства, равно как и простолюдин владел феодом, не становясь дворянином.

Компаньонам, или сотоварищам, привязывавшимся, согласно Тациту, к германским вождям, наследовали левды Меровингов, чей корпус образовал то, что было названо свитой короля. Левды были его личными людьми и самыми значительными персонами его королевства; они составляли его совет и часто противились его воле; они даже иногда применяли к нему насилие. Так, в то время как армия Тьерри, короля Орлеана и Бургундии, истребляла майордома Протада, занятого игрой с врачом в королевском шатре, левды схватили короля, чтобы помешать ему прийти на помощь своему

фавориту. Левды бывали при дворе; но клятва верности, которую они приносили государю, не мешала им, как кажется, жить там по отношению к нему в довольно большой вольности. По крайней мере, согласно свидетельству Григория Турского, их поведение внушило королю Гонтрану досадные подозрения: «Я хорошо верю, – говорил этот добрый король, – что Хлотарь не сын Хильперика, а сын кого-то из наших левдов».

Имя левдов, вышедшее из употребления с начала второй династии, было заменено именем верных, которое, впрочем, не было новым и давалось не только всем вассалам короля, но ещё и всем его подданным вообще, равно как и вассалам графов и других великих сеньоров.

Не следует смешивать, по моему мнению, ни с левдами, ни с верными антрустионов, о которых говорят при королях первой династии. Они были людьми всех состояний, поставленными под особую и непосредственную защиту короля, и пользовались вергельдом втрое большим, чем у простого свободного человека. Все антрустионы были верными, но верные не все были антрустионами.

При королях третьей династии высшее дворянство владело тем, что называлось великими феодами короны. Бенедиктинцы в «Искусстве проверять даты» опубликовали хронологическую таблицу великих феодов Франции, числом около ста пятидесяти; но было много других, которые они оставили в стороне.

Обычно под именем баронов подразумевали великих феодатов, то есть вассалов, державших непосредственно и прямо от короля и большая часть которых владела замками. Других дворян называли рыцарями. Рыцарями-баннеретами были те рыцари, которые поднимали знамя и вели на войну отряд вассалов. Феоды хауберка, feoda loricœ, так называемые в Нормандии и Бретани, должны были поставлять рыцарей, покрытых кольчугами и снабжённых всем необходимым для боя оружием. Все рыцари служили верхом, как и указывает их имя. Но не следует смешивать их, которые были рыцарями по рождению, с теми, кто входил в рыцарский орден лишь после особого и торжественного приёма, и ещё менее с членами разных рыцарских орденов, которые представляют собой другой характер: например, с рыцарями Золотого руна, учреждёнными Филиппом II, герцогом Бургундским; с рыцарями Святого Михаила, учреждение которых принадлежит Людовику XI; с рыцарями Святого Духа, основателем которых был Генрих III, или с рыцарями Святого Людовика, которые ведут начало лишь от Людовика XIV. Орден Святого Духа был из самых почётных и допускал лишь дворян и самых выдающихся людей двора или государства. Орден Святого Людовика был чисто военным, и простолюдины могли быть в него приняты. Были ещё рыцари Святого Лазаря, Мальтийские, Военных заслуг и несколько других.

Возвращаясь к древним временам, владельцы бенефициев вообще старались превратить их в аллоды. Поэтому ви-

дят, до X века, как короли и сеньоры предоставляют многим бенефициариям право собственников, jus proprietarium, как сказано во множестве дипломов. Напротив, когда бенефиции, будучи сперва пожалованы на срок, то есть обычно на жизнь сеньора или на жизнь вассала, стали в принципе наследственными и начали принимать имя феодов, бенефициальное состояние, таким образом улучшившись, собственность, или аллод, стала стремиться к превращению, чтобы обратиться в феод, и всё более уменьшалась, не исчезая, однако, полностью. Таким образом, аксиома «нет земли без сеньора» никогда не была строго точна во Франции, особенно в южных провинциях, всегда сохранявших большое число аллодов.

Бенефиций, или феод, не был ничем иным, как узуфруктом, который ставил узуфруктуария в личную зависимость от собственника, которому он должен был верность и чьим человеком становился. Это установление, столь противное естественной независимости, было принесено в Галлию германцами. Вождь германской шайки сперва вознаграждал своих сотоварищей, давая им коней, оружие, добычу побеждённого врага и очень часто пищу; затем, когда он утвердился на римской земле, он распределил между ними земли, которые они завоевали сообща. Тогда все виды недвижимостей, и даже церкви, были пожалованы в бенефиции; наконец, тем же образом жаловались достоинства, должности, права, доходы и даже фиктивные титулы.

Древле вассалы были обязаны по отношению к своим сеньорам общей и постоянной помощью, то есть следовать за ними и помогать им везде, где те в них нуждались, главным образом на войне и в суде: это была, в некотором роде, помощь, которую оказывали своему главе члены одной семьи. Со стороны вассала надлежало повиновение и уважение, верность и преданность; а со стороны сеньора – отеческая заботливость, защита и помощь. Пожалование бенефиция может рассматриваться, в самом деле, как своего рода усыновление, которое ставило вассала в пользование частью имущества семьи и налагало на него отчасти обязанности родства.

Свободные люди, не владевшие феодами, были вообще менее богаты и значительны, чем великие вассалы. Их положение было трудно сохранить в неприкосновенности между вассалитетом, с одной стороны, и рабством – с другой.

Те, кто был собственниками и жил на своих владениях, повелевали всем, кто на них поселился, и имели юрисдикцию над их лицами. В те времена, когда власть была, так сказать, наследственной, а организация публичной власти почти отсутствовала, каждый свободный человек был господином на своей земле, которая образовывала для него своего рода правление. Часто также, когда территория делилась между несколькими свободными людьми, они составляли своего рода гражданское общество и совместно пользовались некоторыми правами, в зависимости от природы мест.

Те, кто не имел жительства на своих владениях или не владел никакой частью земли, подчинялись юрисдикции либо собственника, у которого они жили, либо сеньора, которого они выбрали. Довольно большое число жили на землях короля. Те, кто поселялся на землях церквей или аббатств, переходили под юрисдикцию епископов или аббатов.

Свободные люди, когда не чувствовали себя достаточно сильными, чтобы самим удержать свою свободу или имущество, прибегали к могущественным персонам и становились под их покровительство. Они уступали им то, чем владели в собственность, с условием сохранить пользование навечно и наследственно, посредством ежегодного и определённого чинша.

Другие, впавшие в бедность, брали земли в аренду или нанимались на службу к другим, не спускаясь, однако, до рабства.

Свободные люди, поселившиеся на чужой земле и жившие под властью другого, отчуждались вместе с почвой, которую они занимали, и переходили во владение нового собственника. Их даже иногда продавали, дарили или обменивали отдельно от земли. Наконец, нужда часто заставляла их продавать свою свободу; но в этом случае они имели возможность выкупить себя, вернув цену продажи, увеличенную на одну пятую.

Таким образом, свобода далеко не предоставляла одинаковых прав и преимуществ всем, кто ею пользовался. При-

том достоверно, что, вообще говоря, чем сильнее был человек, тем свободнее он был, и чем больше он имел богатства или власти, тем больше его щадили не только король или его офицеры, но ещё и закон.

Число свободных людей во Франции вплоть до учреждения коммун постоянно то увеличивалось, то уменьшалось, в зависимости от идеи, которую прилагают к свободе. Если под этим именем понимать состояние лиц, не бывших ни в вассальной зависимости, ни в серваже, свободные люди, являющиеся тогда лишь независимыми людьми, были постоянно всё менее и менее многочисленны и почти исчезли к X веку. В эту эпоху почти все жители Франции были чьими-либо людьми, хотя и на весьма различных условиях, одни подчиняясь личным обязательствам либерального порядка, другие – сервильным.

Но если вообще под свободными понимать всех тех, кто не был сервом, класс свободных людей постоянно увеличивался под влиянием и защитой христианской религии, которая атаковала рабство в его принципе и, неустанно сражаясь с ним, в конце концов избавила от него большую часть Европы.

Собственностью свободного человека изначально был аллод, alodis. Он подразумевал освобождение от феодальных обязанностей, но не от публичных повинностей; ибо он был поставлен под юрисдикцию королевских магистратов и подлежал обязанности военной службы и, если можно так выра-

зиться, судебной службы, не говоря уже о некоторых других обязательствах.

Владелец аллода имел, правда, правосудие и полицию над лицами, которые на нём поселились; но он управлялся делегатом короля. Впрочем, он получал своё право собственности лишь от самого себя и не подлежал никакому чиншу или прямому налогу. Он имел полное распоряжение своим имуществом, за исключением согласия своей семьи и своих наследников, которое, по-видимому, требовалось обычно, особенно с упадка второй династии. Многие аллоды были соединены с феодами или цензивами, то есть одно и то же лицо владело одновременно этими разными видами земель. Впоследствии аллод утратил большую часть своих вольностей и должен был платить общие повинности.

Древле всякая земельная собственность известной протяжённости состояла из двух различных частей: одна, занятая господином, составляла домен, или манор; другая, распределённая между более или менее зависимыми лицами, образовывала то, что называют держаниями. Первая часть была сеньориальной по отношению ко второй, которая оставалась постоянно подчинённой по отношению к ней обязательствам разного рода. Эта вторая часть, состоявшая из держаний, сама делилась на две секции, в зависимости от того, были ли возложенные на неё обязательства либеральными или сервильными. В первом случае держания, как говорилось, были благородными и принадлежали свободным людям, при-

нимавшим имя вассалов; они назывались бенефициями или феодами. Во втором случае они были неблагородными и жаловались колонам, литам, сервам; они составляли таким образом колонаты или цензивы.

Салическая земля, столь знаменитая в наших анналах и о которой столько рассуждали, была не чем иным, как землёй, прикреплённой к главному манору, независимо от того, принадлежала ли она салическому франку или любому другому собственнику. Сегодня достоверно, что её нельзя понимать как долю, распределённую каждому салическому франку после завоевания. И что вполне достаточно доказать это самым очевидным образом, так это то, что салические земли встречаются главным образом не у салических франков, а у рипуарских франков, алеманнов, саксов и баваров, и что повсюду они принадлежат людям одной из этих четырёх последних наций. Если бы даже выражение terra salien не встречалось в некоторых рукописях Салического закона, невозможно было бы обнаружить его в других документах, касающихся как всего племени салических франков, так лишь отдельных лиц или земель, зависящих от этого племени. Мы, таким образом, вполне авторизованы верить, что салическая земля была землёй, приписанной к дому господина или к главному манору, и что та, которая в наших старых кутюмах обозначается под именем «права каплуна», представляла её, если не целиком, то по крайней мере отчасти.

Продолжая спускаться по общественной лестнице, класс,

который мы находим непосредственно ниже свободных людей, – это класс колонов.

Эти колоны не имеют ничего общего с жителями римских колоний. Они восходят, тем не менее, ко временам Римской империи; ибо, хотя невозможно впрочем определить их происхождение, они уже встречаются распространёнными в этой империи со времени правления Константина.

Это были люди неразрывно прикреплённые к обработке чужого надела, чьи плоды им принадлежали посредством определённой подати, выплачиваемой ими собственникам. Жить и умирать на почве, где они родились, такова их судьба, как и судьба растения; но, будучи рабами по отношению к земле, они свободны по отношению к лицам, и, хотя поставленные таким образом в промежуточное состояние между свободой и рабством, они, в конечном счёте, поставлены наравне со свободными людьми по римскому праву.

Колон, не могущий быть оторван от колонатной земли, случалось, что если эта земля продавалась, колон продавался вместе с ней.

Под владычеством франков колонат, равно как и большинство римских учреждений, был серьёзно искажён. Он отклонился от свободы, чтобы всё более вырождаться и с каждым днём спускаться к рабству. Рабство, напротив, смягчённое христианским милосердием, стремилось, становясь всё мягче, подняться до колоната. Что отличает особенно римского колона от колона Средних веков, так это то, что

при императорах колон был подчинён лишь податям по отношению к господину, тогда как при королях франков и других германских народов колон был, кроме того, подчинён телесным службам, известным позднее под именем барщин.

Его состояние продолжало, однако, быть менее жалким, чем состояние серва. Согласно Салическому закону, выкуп за убийство римского трибутария, то же, по-видимому, что и колон, был установлен в 45 золотых солидов (около 4 000 франков), тогда как убийство раба искуплялось 35 золотыми солидами (около 3 100 франков) выкупа. Закон алеманнов был к нему ещё более благоприятен, ибо предоставлял колону выкуп, равный выкупу алеманна. Он имел также право возбуждать иск в суде, служить свидетелем в договорах, владеть и приобретать навечно и наследственно. Наконец, хотя он был прикреплён к земле и пользовался, таким образом, весьма неполной свободой, он часто владел сервами, по отношению к которым осуществлял власть господина.

Его право на почву, которую он населял, постоянно возрастало и стало даже подлинным правом собственности к закату X века. Тогда колонат совершенно исчез, по крайней мере во Франции, и был заменён вилланством. Земли, обратившись в феоды, образовали ту многочисленную часть населения, которая получила имя вилланов.

Колоны, в отличие от римских рабов, обрабатывавших сообща земли своих господ, владели каждый жилищем с определённым количеством земли, которую они эксплуатирова-

ли на свой счёт, но за которую были подчинены определённым и неизменным податям и службам. Этот небольшой надел, который обычно обозначали под именем манса, был весьма неравного размера, который можно, тем не менее, оценить в среднем приблизительно в десять гектаров. Часто один манс занимался несколькими хозяйствами колонов.

Подати колонов почти все уплачивались натурой; лишь некоторые платились деньгами. Телесные службы, на них возложенные, охватывали все работы, необходимые для обработки полей, огораживания владений, покоса, жатвы и сбора винограда, рубки леса, перевозки, охраны и продажи плодов. Эти службы были регулярны и постоянны и требовали от колонов одного, двух, обычно трёх дней их времени в неделю, редко больше, и без всякой платы. Они были, кроме того, обязаны к службам, оставленным на усмотрение господ; например, они должны были вести и сопровождать обозы, отправляемые по суше или по воде в пользу сеньории; они обязаны были передавать приказы и исполнять все даваемые им поручения; содержать, ремонтировать и строить сеньориальные здания, то есть поставлять или доставлять необходимые камни, известь и дерево, собирать пчёл в лесах, следить за естественными или искусственными ульями и т. д.

С конца X века хартии и другие документы свидетельствуют о великой революции, совершённой как в низших, так и в высших сферах общества: это уже другие учреждения,

другие права, другие обычаи. Колоны и все несвободные люди смешиваются с сервами, чтобы составить с ними лишь один класс лиц – вилланов. Подати и службы предстают в новой форме и уже не представляют, как прежде, цену аренды или повинности узуфрукта: это феодальные права, выплачиваемые людьми по власти (de potestate) своим сеньорам. Сеньоры взимали с жителей своих феодов то, что прежние собственники получали от своих колонов: теперь речь шла о сеньориальных правах, а не об аренде. Собственность его поля более не оспаривалась у виллана, который окончательно завоевал её; если ему теперь и предстоит бороться, то не за собственность, а за вольность и независимость своей земли.

Ниже класса колонов и выше класса сервов был класс литов. Однако, если ограничиться таксой выкупов Салического закона, имели бы право считать состояние лита высшим не только по отношению к серву, но ещё и к колону. В самом деле, из различных статей этого закона следует, что обычный вергельд лита составлял 100 золотых солидов (9 000 франков), тогда как вергельд римского трибутария или колона составлял лишь 45 солидов, а вергельд раба не превышал 35 солидов. Но в других местах находят доказательство, что лит занимал промежуточное место, которое мы ему отвели, или, по крайней мере, достоверно, что он уже опустился до него в IX веке.

Лит жил в личной зависимости от господина, не будучи, однако, обращён в рабство. Он имел меньше свободы,

чем колон, над которым собственник имел лишь косвенную и весьма ограниченную власть. Этот последний служил лишь земле: лит служил человеку и земле одновременно. Он был, таким образом, одновременно земледельцем и слугой. Он пользовался, тем не менее, правом собственности и правом защищаться или преследовать в суде и сохранял со своей семьёй узы солидарности. Для серва же, напротив, не было ни гражданства, ни суда, ни семьи. Наконец, лит имел возможность выкупиться от своей службы, как только накапливал сумму, достаточную, чтобы заплатить цену своей свободы.

Сервы были поставлены на самой низкой ступени общественного состояния. Они унаследовали рабам, сделав шаг к свободе. Время чистого рабства, которое сводило человека лишь к вещи и ставило его в почти абсолютную зависимость от своего господина, продлилось в нашем западном мире до обращения народов в христианство; затем оно сменилось серважем, и человеческое состояние было признано, уважаемо, защищаемо в серве, если не достаточно гражданскими законами, то по крайней мере более действенно законами Церкви. Тогда власть господина была вообще ограничена определёнными пределами; насилию был положен узда; правило и стабильность взяли верх над произволом, и серв, обрабатывая чужую землю, сея для себя семена собственности и свободы. Затем, в царствование феодальной анархии, которая начинается с X века, серваж, превратившись в крепостничество, уничтожил господ, остались лишь сеньо-

ры, и дань была заменена чиншем и десятиной; наконец, крепостничество привело к простонародью, а чинш и десятина исчезли в свою очередь перед налогом.

Из колонов, литов и сервов, приведённых к одному состоянию и смешанных в один-единственный класс, сформировался народ Нового времени. Те, кто остался прикреплённым к сельскохозяйственным работам, были отцами наших крестьян, тогда как те, кто предался промышленности и торговле, поселились в городах и дали начало буржуазии.

Если мы проследим прогресс этого преобразования, мы находим, с самого начала третьей династии, значительную массу свободного населения в городах и в деревнях. Она обнаруживается особенно в хартиях, которые, хотя и сильно отмечены печатью феодализма, свидетельствуют о сокращении числа сервов и смягчении рабства. В последующие века учреждение коммун и буржуазий ещё более расширило врата свободы. Короли, церкви, аббатства, великие феодаты и все дворяне спешили освободить людей своих доменов, пока ещё были господами налагать условия на освобождение; почти все получили свободу, но почти никто не получил иммунитета. Все объединялись, чтобы сопротивляться угнетению и заставить могущественных людей с ними договариваться. Они не имели, впрочем, никаких претензий на равенство; они хотели лишь регулировать и преобразовывать сеньориальные права и не помышляли ещё об их отмене. Коммуна ставила предел произволу сеньоров, а не конец фео-

дальным повинностям жителей.

Фундаментальным правом коммуны было право управляться самостоятельно. Она составляла маленькое государство, почти независимое в своих внутренних делах, но подчинённое политической власти короля и более или менее связанное, посредством соглашений или особых обычаев, по отношению к местным сеньорам. Она созывала публичные собрания, главным образом для выборов своих первых магистратов, и те осуществляли лично или по делегации все полномочия. Их обязанности охватывали, таким образом, одновременно управление, гражданское и уголовное правосудие, полицию, финансы и милицию.

Каждая коммуна имела ратушу, печать, казну и колокольню. Её законы и обычаи были постоянны и обычно изложены письменно. В них объявлялось, что её члены свободны, они и их имущества, и, следовательно, изъяты от права захвата, тальи, принудительного займа и других поборов. Она выставляла вооружённую милицию либо для самозащиты, либо для помощи королю на войне, а иногда и сеньору, с которым находилась в непосредственных отношениях. Башни, стены, рвы, подземелья, которыми она была снабжена, свидетельствуют вместе с историей о её праве и обязанности браться за оружие. Замечают даже, что во многих коммунальных хартиях король предоставляет или признаёт за ними, как Филипп Красивый в коммунальной хартии Сент-Жан-д'Анжели, право вооружаться и сражаться против всех

своих противников. Но к этим вольностям, которыми они не всегда пользовались себе на пользу, часто прилагались довольно суровые условия, например, такие как выплата крупных денежных сумм и удовлетворение некоторых феодальных требований.

Коммуны, чтобы обеспечить своё существование, нуждались в подтверждении короля. Цена, которую он требовал с них в этих случаях, должна рассматриваться, во многих случаях, менее как чистое вымогательство, чем как справедливое возмещение за защиту, иногда для него довольно обременительную, которую он им оказывал в настоящем и которую обязывался продолжать в будущем. Пока им недоставало королевской санкции, их участь была ненадёжна и зависела от неожиданности или поражения; их состояние по отношению к сеньорам, от которых они освободились, оставалось состоянием войны, ибо у них был за собой лишь факт, а ещё не право. Но когда государь их признавал, он тотчас ставил их под охрану своей короны и включал в конституцию королевства. Вот почему Людовик Толстый, который первый подтвердил их своими грамотами, был назван основателем коммунальной свободы во Франции, хотя многие коммуны учредились и организовались до него, и что коммуна Манса, среди прочих, датируется более чем за тридцать лет до его правления.

Мы должны также верить, согласно справедливому замечанию г-на Лемари, что довольно большое число коммун

старше своей учредительной хартии и что лишь после того, как они жили мирно и без шума, возникнув, у них возникли трудности со своими сеньорами, они пришли к тому, чтобы договориться с ними и закрепить письменно условия своих договоров: так что эти хартии дают скорее дату конфликтов коммун, чем дату их первого основания.

Короли пользовались коммунальными учреждениями, чтобы подрывать мощь феодализма; затем, начиная с Людовика XI, когда им удалось её сокрушить, они обратились против своих союзников-буржуа и последовательно лишили их всех прерогатив, которые могли затенять их деспотизм. Генеральные штаты и провинциальные штаты также много, как я полагаю, содействовали упадку коммун. Поставленные ближе к короне, они их затмили и сразу же подчинили, а затем и вовсе поглотили.

Буржуазия, получив от них значительный прирост и силу, стала в состоянии противостоять духовенству и дворянству; и когда она победила эти два класса, она вскоре после того возобладала и над королевской властью.

Буржуа составляли вместе с вилланами то, что называли простонародьем. Первые были жителями городов и бургов, а вторые – жителями деревни; имя буржуа применялось особенно ко всякому человеку, который, будучи владельцем и жителем дома в городе, участвовал во всех привилегиях, которыми этот город пользовался, независимо от того, имел ли он коммуну или нет. Так, жители Парижа называют-

ся буржуа в ордонансе короля Людовика Толстого 1134 года; и это один из первых примеров употребления этого термина. Слово «буржуазия» менее старо, ибо оно не встречается, согласно Брюсселю, ни в одном ордонансе ранее ордонанса Филиппа Красивого, датированного днём Пятидесятницы 1287 года.

Имя буржуа употреблялось также, как мы сейчас увидим, в несколько ином смысле. Сеньоры, которые хотели расчистить и заселить пустоши своих сеньорий, возбудить вокруг себя промышленность и торговлю, увеличить число своих подданных и тем самым прирастить свою мощь и доходы, открывали на своих землях своего рода убежища. Они предлагали тем, кто приходил в них селиться, землю, дома или иные имущества, предоставляли им пользование определёнными правами и вольностями и обещали безопасность и защиту навечно: всё это на условиях более или менее справедливых, более или менее выгодных для обеих сторон. Эти основания давали начало бургам, часто обнесённым стеной и почти всегда снабжённым рынком. Те, кто их населял, также назывались буржуа, но они жили под законом и обычаями, установленными сеньорами.

Образование этих сеньориальных буржуазий, умножившихся повсюду в XI и XII веках, необходимо предполагает существование многочисленного населения, уже высвободившегося из уз рабства.

Никто не мог пользоваться правом буржуазии в двух ме-

стах одновременно. И поскольку буржуа вообще должны были быть свободными людьми, никакой серв не должен был быть допущен среди них; но позднее это исключение с большим трудом поддерживалось, как мы сейчас увидим.

Есть другой вид буржуазии, который не должен быть оставлен без внимания и введение которого немало послужило расширению королевской власти. Я говорю о королевских буржуа. Так называли свободных людей, которые, хотя и поселившись на землях и под юрисдикцией сеньора, где все жители были лишены свободы, тем не менее сохраняли свою, обращаясь к королю или его офицерам, которые давали им грамоты буржуазии и защиты. Более того, когда виллан или серв графа или барона покупал землю в королевском бурге, установился обычай, что он становился там свободным и королевским буржуа, прожив там год и день без того, чтобы быть востребованным своим сеньором. Тогда вилланы и сервы стали переселяться повсюду, и сеньориям грозило опустение. Чтобы уберечься от этой опасности, сеньоры поспешили также основывать буржуазии в своих феодах и улучшать состояние лиц, их населявших. Сервы были освобождены; они получили собственность на земли, которые обрабатывали, и право распоряжаться своим движимым имуществом по завещанию; им была также предоставлена возможность делить своё недвижимое имущество между наследниками; наконец, всякое лицо могло прийти поселиться в сеньории, не переставая быть свободным. Эти уступки

были, конечно, значительны и не преминули бы в предшествующие века заселить земли сеньоров и сделать их процветающими. Но тогда они ценились намного меньше, чем те, которыми пользовались королевские буржуазии. Эти последние предлагали больше безопасности и защиты, не говоря уже о других преимуществах, присущих качеству непосредственных подданных короля. Поэтому они везде предпочитались, тогда как сеньориальные бургады, или буржуазии, мало-помалу пришли в забвение.

Другим следствием учреждения королевских буржуазий было то, что сами сеньории населились множеством лиц, изъятых из сеньориальной юрисдикции и подчинённых лишь юрисдикции государя. Тогда власть короля, укрепившись, смогла охватить всех жителей королевства, и королевская власть возобладала не только в своих доменах, но и в доменах сеньоров и их вассалов.

Тем не менее, поскольку социальные революции, совершённые незаметным образом временем, не отменяют вдруг всех прежних учреждений и, напротив, оставляют после себя остатки режима, соблюдавшегося в предшествующие века, мы находим ещё, после коммун и буржуазий, несколько видов рабства.

Вот, согласно Бомануару, каковы были разные состояния лиц на закате XIII века. «Надо знать, – говорит он (XLV, 30), – что среди мирян есть три состояния: это дворяне, свободные люди и сервы. Все дворяне свободны, но не все

свободные – дворяне. Кроме того, благородство идёт от отца, а свобода – от матери». Что другие древние правоведы, в вольности своего языка, выразили формулой: «Муж облагораживает, а утроб освобождает». Вторая часть этой формулы, впрочем, соответствует максиме римского права: Fructus или partus sequitur ventrem («Плод следует за утробой»). Однако я должен заметить, что в нескольких кутюмах, как, например, в кутюмах герцогства и графства Бургундии, ребёнок следовал состоянию отца, а не матери, а в других – худшему состоянию своих родителей. «Дворянин, – продолжает Бомануар, – не есть по праву рыцарь; он становится им лишь по особой милости короля». Свободные люди, собственно говоря, которых он называет de pôté, чтобы отличить их от свободных людей по благородству, суть, согласно его определению, те, кто имеет власть делать, что им угодно, кроме зла и того, что запрещено религией. Басанды были свободны, и всякий, кто доказывал своё бастардство, выигрывал свою свободу (XLV, 16 и 30).

Что касается сервов, он признаёт их двух состояний (XLV, 31). Одни находятся в такой зависимости от своего сеньора, что тот вправе взять у них, если захочет, всё, что они имеют, при жизни и после смерти, и может держать их в тюрьме, когда сочтёт нужным, правым или виноватым, не отвечая ни перед кем, кроме Бога. Других сервов ведут более милостиво; ибо, если только они не совершат какого-либо зла, сеньор не может требовать от них при жизни ни-

чего иного, кроме чиншей, рент и прочих податей, которые они привыкли платить по причине своего серважа. Но когда они женятся на свободных женщинах или когда умирают, всё, что они имеют, движимое и недвижимое, переходит их сеньору. Те, кто вступает в неравный брак (se formarient), платят ему налог, оставленный на его усмотрение, а те, кто умирает, не имеют иного наследника, кроме него; их дети не получают ничего из их наследства, разве что выкупят его у сеньора, как сделали бы посторонние. В кутюме Бовези, добавляет Бомануар, есть лишь сервы этого второго состояния. Когда они уплатили сеньору его права, они имеют возможность уходить служить за пределами его юрисдикции и там проживать; но они продолжают быть обязанными ему в отношении неравного брака, если только не поселятся в городах, где для приобретения вольности достаточно прожить год и день или другой срок, указанный кутюмом, без того чтобы быть востребованным сеньором (XLV, 36).

Впрочем, неравный брак (formariage) был не только тогда, когда серв женился на свободной женщине, но и тогда, когда он женился вне земли своего сеньора; и Бомануар употребляет здесь это слово в этом последнем значении.

«Также в обычае в Бовези, – говорит он далее, – что всё, что сервы зарабатывают торговлей, принадлежит им полностью, без того чтобы сеньор мог этим завладеть. Тем не менее, сеньор и в этом находит большую выгоду, из-за высокой платы, которую он получает в случае неравного брака

и при смерти сервов. Тот, кто сдирает шкуру однажды, согласно пословице, не может стричь два или три раза. Вот почему сервы в тех странах, где сеньор берёт у них каждый день то, что они имеют, довольствуются тем, чтобы зарабатывать необходимое для жизни и содержания семьи» (XLV, 37).

Таким образом, ещё в XIII веке оставались сервы, всё имущество которых принадлежало их сеньорам, и над которыми те пользовались почти абсолютной властью. Единственная разница, которую я усматриваю между сервами этого рода и рабами античности, состоит в том, что последних можно было перевозить, увечить и предавать смерти их господами, тогда как подобное право над первыми было отказано их сеньорам.

Впрочем, это рабство, столь ещё тяжкое, о котором говорит Бомануар, более не допускалось в его время в Бовези, как он заботится нас предупредить, и даже, кажется, не было очень распространено в других местах в ту же эпоху; ибо было бы, я полагаю, весьма затруднительно найти много его следов в хартиях и других современных документах.

Сервы другого рода, хотя и обращаемые более милостиво, имели, однако, очень суровое состояние, поскольку не могли ничего передать из своего имущества детям, или, по крайней мере, не могли распорядиться по завещанию сверх стоимости 5 су (около 25 франков), как Бомануар говорит в другом месте (XII, 3). Но, помимо того что они сами были малочисленны по сравнению с классом людей по власти (hommes de

pôté), отнесённых нашим правоведом к разряду свободных людей, они скоро стали пользоваться лучшей участью и завоевали для своих детей право наследования.

В самом деле, уже с XIV века не было более серважа или крепостничества, кроме мёртвой руки, о которой нам остаётся поговриить.

Её называли сервильным состоянием в некоторых провинциях, как в Ниверне и Бурбонне, и подымным (taillabilité) – в других, таких как Дофине и Савойя.

Мы видели, что все лица, не принадлежавшие ни к духовенству, ни к дворянству, составляли класс простонародья и что эти последние делились на буржуа и вилланов. Следовательно, среди буржуа и вилланов и надлежит обнаружить подвластного мёртвой руке и признать признаки, которые служат к его отличию.

Итак, что составляет существенно мёртвую руку, так это лишение права свободно распоряжаться своей личностью и своим имуществом. Тот, кто не имел возможности либо идти куда хотел, либо дарить, продавать, завещать и передавать своё движимое и недвижимое имущество кому хотел, назывался человеком мёртвой руки. Это имя было дано ему, как кажется, потому что рука, рассматриваемая как будучи вообще символом власти и, в частности, орудием дарения, была у него лишена движения, парализована и поражена смертью. Это почти в том же смысле называли также людьми мёртвой руки церковных людей, ибо им также было

запрещено распоряжаться тем, что им принадлежало.

Было два вида мёртвой руки, а именно мёртвая рука реальная и личная; одна присуща земле, другая – личности; то есть что земля, подвластная мёртвой руке, не меняла своей природы, каково бы ни было состояние лица, которое её занимало, и что лицо, подвластное мёртвой руке, не переставало быть таковым, на какой бы земле оно ни поселилось. Смешанная мёртвая рука не составляла, собственно говоря, особого вида, поскольку была лишь соединением двух других и не налагала никакого иного условия.

Существенная разница между личной мёртвой рукой и реальной была, следовательно, в том, что подвластный мёртвой руке второго рода, оставляя землю, которая одна его обязывала, тотчас освобождался от всех своих повинностей и возвращал себе свою свободу с правом идти жить куда ему заблагорассудится; тогда как подвластный мёртвой руке первого рода, называемый также сервом тела (serf de corps), был подымным и человеком преследования по отношению к своему сеньору, хотя бы и оставил свою землю и куда бы ни удалился; ибо в случае его принятия в коммуну или в буржуазию его сеньор всегда имел право его востребовать и требовать от него обычные подати и службы.

Подвластные мёртвой руке обычно подчинялись большей части феодальных обязанностей, наложенных древле на сервов, то есть они обязаны были обрабатывать виноградники и поля, косить луга, хлеба и леса своего сеньора, платить

ему талью, когда она требовалась, или только в определённых случаях, например, когда сеньор выдавал замуж дочь, когда он попадал в плен на войне, когда его посвящали в рыцари, когда он отправлялся в Святую землю, когда он покупал земли для расширения своего домена. Они были, кроме того, обязаны к разным домашним службам; и те, кто занимался ремёслами или промыслами, как каменщики, плотники и другие ремесленники, должны были работать по своей профессии в пользу своего сеньора в течение определённого времени и без получения платы.

Но, повторяю, что характеризовало их состояние, было право их сеньора завладевать всем их движимым и недвижимым имуществом, когда они умирали без детей или когда их дети, отказавшись жить с ними, держали отдельное хозяйство. В нескольких менее суровых кутюмах наследство подвластного мёртвой руке, умершего без потомства, переходило к его ближайшим родственникам, которые жили с ним сообща и, обитая под одной крышей, пользовались, как тогда говорили, его хлебом и солью. Напротив, если родственники и даже дети подвластного мёртвой руке оказывались отделившимися, то есть если они не жили вместе (en celle, cella), согласно принятому выражению, или, иначе, если они не жили сообща в одном доме и не держали совместного хозяйства, они лишались своего права на наследство, и сеньор завладевал частью, причитавшейся отделившимся. Ни в коем случае люди мёртвой руки, как некогда сервы, не могли

распоряжаться по завещанию или иным образом сверх определённой стоимости.

Другой отличительный признак мёртвой руки, но который надо, я думаю, рассматривать лишь как побочный, хотя он был, быть может, и неотделим от неё, был неравный брак (formariage), о котором мы уже говорили. Так, лицо, подвластное мёртвой руке, которое без согласия своего сеньора женилось на свободном лице или выходило замуж вне своей сеньории или даже вступало в духовный сан, наказывалось штрафом, часто очень большим, в пользу своего сеньора. Но неравный брак, будучи, по моему мнению, скорее необходимым следствием, чем конституирующим принципом мёртвой руки, сам по себе недостаточен для констатации её существования; и если едва ли возможно встретить мёртвую руку без неравного брака, я полагаю, допустимо предположить неравный брак без мёртвой руки.

Подвластным мёртвой руке становились тремя разными способами, а именно: по рождению, по ясно выраженному соглашению и по молчаливому соглашению. 1) Ребёнок, рождённый от людей мёртвой руки, следовал состоянию своих родителей; и если родители были разного состояния, он следовал, как сказано, то состоянию отца, то состоянию матери, то худшему из двух, согласно кутюме страны. 2) Свободный человек или женщина всегда могли, в силу ясно выраженного соглашения, заключённого с сеньором, отказаться от свободы, чтобы войти в мёртвую руку. Они оставались

в ней обязаны всю жизнь и, более того, обязывали своих детей, которые родятся, за исключением случаев, изложенных выше. 3) Становились подвластными мёртвой руке по молчаливому соглашению, когда шли жить в место мёртвой руки и брали или получали там поселение. В некоторых провинциях, по крайней мере в графстве Бургундия, свободный человек, живший в усадьбе или доме мёртвой руки своей жены, сам считался подвластным мёртвой руке, если умирал там. Вот почему в этой стране, когда такой человек опасно заболевал и даже когда был при смерти, часто спешили перенести его на свободную землю или в свободный дом, чтобы избавить его наследство от власти мёртвой руки.

Сеньор, освобождавший подвластных мёртвой руке, почти всегда налагал на них обременительные условия. Одни сохраняли по отношению к ним старые феодальные права, другие их видоизменяли, третьи учреждали новые, совсем иные. Так, то сеньор сохранял за собой баналитеты и барщины, то требовал чиншей, то ставил условием, что освобождённые не смогут наследовать своим родителям, подвластным мёртвой руке, поселившимся в его сеньории.

Но недостаточно было для того, чтобы стать свободным, быть освобождённым своим непосредственным сеньором; надлежало быть освобождённым ещё всеми вышестоящими сеньорами вплоть до сюзерена; ибо если один из этих сеньоров даровал освобождение без согласия своего вышестоящего, он сам подлежал, в пользу этого последнего, штра-

фу, установленному в 60 ливров, потому что освобождение человека мёртвой руки рассматривалось как уменьшение и, в некотором роде, расчленение феода. Эти положения, которые вписаны в Установления святого Людовика, в книге Бомануара и в кутюме Витри-ле-Франсуа, неизбежно задержали бы прогресс свободы, если бы могли сохраниться; но уже с конца XIV века они вышли из употребления в большинстве провинций.

Свободные, или вольные, люди, как их называли, независимо от того, принадлежали ли они к классу буржуа или составляли часть класса вилланов, не были оттого менее вообще подчинены по отношению к сеньорам податям и обязанностям сервильного характера: так что иногда возникало искушение считать их подвластными мёртвой руке. Но что помешает смешать их с этими последними, так это то, что никогда не будут наблюдать на их лицах или владениях двух отличительных черт, которые мы признали в мёртвой руке.

Следует также остерегаться считать людей по власти (hommes de pôté) всех подвластными мёртвой руке. Все подвластные мёртвой руке были, правда, людьми по власти, но эти последние не были все, ни даже большинство, подвластными мёртвой руке. В самом деле, свободные или несвободные люди, зависевшие от сеньории, назывались вообще людьми по власти, то есть людьми, поставленными под власть (sub potestate) сеньора.

Таким образом, не было сервов ниже или выше мёртвой

руки, в которой укрылись остатки античного рабства и средневекового серважа. Как бы ни было унижено это состояние, закон, которому оно подчинялось, налагался также и на дворянина; ибо вассал, лишённый детей, также не мог распоряжаться своим феодом, который в этом случае возвращался его сеньору. И даже когда он оставлял детей в момент своей смерти, те обязаны были, чтобы быть утверждёнными во владении отцовским феодом, платить сеньору право выкупа, или рельеф. Последний дофин Вьеннский, Умберт, который выжимал своих подданных, пока жил, освободил всех баронов и других сеньоров своих вассалов с условием, что они сделают то же по отношению к своим собственным людям. Однако случилось, что несколько этих сеньоров, продолжая осуществлять право мёртвой руки над людьми своих сеньорий и умерших без потомства, наши короли, как преемники дофина, обращались с ними как с подвластными мёртвой руке и завладевали их феодами в ущерб их боковым родственникам и их легатариям. В самом деле, в Дофине особенно было почти полное уподобление между феодами и мёртвой рукой.

Мёртвая рука более не признавалась во Франции в XVIII веке, кроме как в небольшом числе провинций. Она была отменена не позитивными законами, но юриспруденцией парламентов и других верховных судов, которые, вообще в этом вопросе, толковали кутюмы и выносили свои приговоры в смысле, наиболее благоприятном для свободы.

Впрочем, если верить Мемуарам, опубликованным капитулом Сен-Клу, который сохранял мёртвую руку в своих владениях вплоть до кануна Революции, участь большинства их подвластных мёртвой руке была предпочтительнее участи других крестьян, и деревни, населённые ими, были более процветающими, чем многие другие той же страны.

Наконец, Людовик XVI своим эдиктом августа 1779 года отменил мёртвую руку, как реальную, так и личную, во всех землях королевского домена, и право преследования, то есть личную мёртвую руку, на всём протяжении королевства.

Десять лет спустя, Учредительное собрание, в знаменитую ночь 4 августа 1789 года, отменило без возмещения все права и обязанности, связанные с реальной или личной мёртвой рукой.

Его декрет был подтверждён и развит законом от 15 марта следующего года, который, однако, продолжал подчинять все земли, держимые на условиях реальной или смешанной мёртвой руки, прочим повинностям, податям, тальям или реальным барщинам, которыми они были обременены, и который, более того, применил это положение к держаниям en bordelage в Ниверне и к держаниям en motte и en quevaise в Бретани. Таким образом, хотя мёртвая рука и была отменена, сеньориальные права, которые из неё происходили или её сопровождали, не были оттого менее уважены. Но их уважали недолго; законы 17 июля и 2 октября 1793 года и закон 7 вандемьера II года уничтожили их навсегда.

Имперский декрет от 9 декабря 1811 года отменил в ганзейских департаментах все обычаи, аналогичные мёртвой руке, и в настоящий час они унесены революционной бурей во всех государствах Европы, за исключением одной России.

Magnus ab integro sæclorum nascitur ordo. [«Великий ряд веков рождается снова» (лат.). Вергилий, «Буколики», IV эклога.]

Суеверия, народные поверья

Без сомнения, поскольку Суеверие связано с самой сущностью религий, религии древнего Египта, Греции и Рима не были свободны от суеверных Верований и практик, несмотря на строгие наставления философии: эти Верования и практики имели такие глубокие корни в общественном мнении и привычке, что большинство из них сохранилось и дошло до нас, лишь сменив имя, форму и объект. Как и мы, древние верили в предзнаменования, в призраков, в талисманы, в порчу, в оракулы, в духов, в сверхъестественные вещи; как и мы, они придавали доброе или дурное значение определенным знакам, определенным явлениям, определенным числам; как и мы, они видели и постоянно искали отношения разума и общения, которые этот земной и видимый мир, по-видимому, поддерживает с миром невидимым и небесным. Но, отметив вскользь существование Суеверия в религиях древних, мы займемся только его постоянным и всеобщим присутствием в христианской религии и в католическом обществе в Средние века и вплоть до конца эпохи Возрождения. Не пытаясь здесь припомнить бесчисленные суеверные предрассудки, которые распространились и утвердились среди простонародья, искажая источники науки и истины, мы остановимся лишь на некоторых народных Верованиях, которые отметились в истории като-

лицизма особенно заметно и оказались теснее связанными с его догматами; эти Верования имели, кроме того, мрачный и ужасный блеск, который и поныне ярко отражается сквозь века. Затем мы рассмотрим тысячу и одно Суеверие, касающееся таинств алтаря и классифицирующееся таким образом на семь основных разделов, каждый из которых соответствует одному из семи таинств: крещению, миропомазанию, евхаристии, покаянию, елеосвящению, священству и браку. Именно соборы и богословы придумали это методическое разделение Суеверий и грехов, которые они могут порождать.

Церковь с колыбели своей вела войну с Суеверием, как с плевелами, заглушающими доброе зерно. Казалось, уже тогда Отцы и христианские философы предвидели вторжение этих плевел на поле религиозного учения, которое вскоре оказалось почти заглушено дурной травой, которую Реформация XVI века тщетно пыталась искоренить. Религия есть поклонение истинному; Суеверие – ложному, согласно Лактанцию (De divina Instit., IV, гл. 28); всякое Суеверие есть великая мука и весьма опасный позор для людей, согласно святому Августину (Liber de vera religione, V, гл. 55). Соборы и синоды на протяжении всего Средневековья не переставали отлучать Суеверие от Церкви и беспощадно преследовать его в самых сокровенных и замаскированных тенденциях. Парижский собор, состоявшийся в 829 году, весьма энергично высказывается против весьма пагубных зол, которые,

несомненно, являются пережитками язычества, таких как магия, астрология (судьбоносная), волшебство, порча или отравление, гадание, заговоры и предсказания, извлекаемые из сновидений. Провинциальный собор в Йорке в 1466 году объявляет вместе со святым Фомой, что всякое суеверие есть идолопоклонство. Наш знаменитый Жан Жерсон сформулировал то же мнение в следующих выражениях: Суеверие есть порок, противоположный чрезмерностью поклонению и религии. Но Церковь, считая Суеверие делом дьявола, сама не сумела установить часто неопределимую и ненарушимую границу, отделяющую религию от Суеверия. Вот почему Суеверие, как правило, терпелось и даже прославлялось в обрядах культа и даже в таинствах догмата. Здесь суеверные Верования были преувеличением веры, чрезмерностью благочестия: тогда в них было нечто трогательное и почтенное; там они проистекали из демономании и были лишь выражением смешного или преступного легковерия; в других местах они происходили от ошиточной и искаженной традиции, ложного отголоска более или менее отдаленного прошлого; иногда они имели пустяковый и неопределенный характер; иногда они проявлялись под странной и примечательной личиной: одно было ересью, преступным посягательством на Церковь и общество; другое было лишь невинной фантазией, безразличной для всех, кроме лица, лелеявшего ее; всё в мире моральном становилось предлогом для Суеверия, и всё в мире физическом давало средство для

Суеверия. Чувства самые честные, самые возвышенные, самые великодушные часто смешивались с суеверной примесью, которую не удалял из них даже очищающий горнил религии.

Чудеса святых и почитание реликвий дали повод к большему числу Суеверий, чем даже сам дьявол мог бы их создать. Эти Суеверия в равной степени интересовали Церковь и верующих: последние находили в них удовлетворение своей деятельной и ненасытной набожности; Церковь же пользовалась ими для укрепления своего временного преобладания, для увеличения своих доходов, для умножения числа монастырей и благочестивых учреждений. Мы не намерены нападать на ложные чудеса и ложные реликвии, указывая на них как на наименее опасные из Суеверий, возникавших повсюду в области Церкви. Золотая легенда Якова Ворагинского, которая была, если позволительно так выразиться, евангелием Суеверия в XIII веке, собрала все басни, все чудесные предания, которые культ святых и их реликвий поддерживал в христианстве как своего рода следствия из основных догматов религии; с тех пор каждый святой, каждая реликвия, каждое паломничество стали почтенным источником Суеверий, часто абсурдных и чудовищных; с тех пор эти Суеверия так тесно слились со священными предметами, что самое прозорливое благочестие не было способно отличить одни от других. Церковь решила закрыть глаза на эти излишества грубого и невежественного благочестия:

она открыла свое лоно потоку Суеверий, которые она освящала, принимая их, а иногда и первой их вызывая; она находила в этом, кроме того, свою выгоду и считала их побудителями веры. Однако именно эти Суеверия дали оружие еретикам и реформаторам против христианства и католицизма, начиная от манихеев и альбигойцев и кончая анабаптистами, лютеранами и кальвинистами.

Суеверия, ответственность за которые Церковь отвергала, никогда с ними не вступая в сговор, были те, которые не приносили ей никакой пользы или причиняли ущерб. Так, она преследовала своими порицаниями и отлучениями всякое Верование, всякую суеверную практику, похожую на возврат к язычеству, на склонность к демонопоклонничеству; она вела беспощадную войну с астрологами, прорицателями, колдунами, чародеями: она не довольствовалась тем, что осуждала их в ином мире, она поражала их в этом мире светской рукой, которой всегда располагала по своему желанию; она не хотела, чтобы христиане привыкли искать вне её владычества и действия надежды, утешения, радости, влияния, которые отвечали бы этой вечной потребности верить, знать и чувствовать, вложенной в нас природой; она не хотела, одним словом, чтобы Суеверие осуществляло свой престиж и свои обольстительные чары вне сферы религиозных идей. Вот почему она обвиняла дьявола в том, что он автор всех Суеверий, которые она не санкционировала, не прикрыв их священным покрывалом.

Мы точно знаем, каковы были эти Суеверия в VII веке, по одному отрывку из Жития святого Элигия, епископа Нуайонского, написанного на латыни святым Оэном, архиепископом Руанским (см. это Житие в т. V Spicilegium д'Ашери). Большинство Суеверий, осуждаемых святым епископом, еще принадлежало язычеству и сохраняло отпечаток религиозных Верований древности, так живучи и глубоко укоренены в умах были они. Святой Элигий говорил своим прихожанам: «Прежде всего, умоляю вас, не соблюдайте никаких святотатственных обычаев язычников; не обращайтесь к резчикам талисманов, ни к прорицателям, ни к колдунам, ни к чародеям по какой бы то ни было причине или болезни; не обращайте внимания на авгурские знамения, ни на чихание; не придавайте значения пению птиц, которое вы могли услышать на своем пути; пусть ни один христианин не замечает, в какой день он выйдет из дома и в какой день вернется в него; пусть никто не озабочивается первым днем луны или её затмениями; пусть никто не совершает в январские календы запрещенных, смешных, старинных и непристойных вещей, будь то в плясках, будь то в открытых столах ночью, будь то в излишествах вина; пусть никто на праздник святого Иоанна или в определенные торжества святых не празднует солнцестояния плясками, хороводами и дьявольскими песнями; пусть никто не помышляет призывать демонов, как Нептуна, Плутона, Диану, Минерву или Гения; пусть никто не соблюдает покоя в день Юпитера, если

только это не есть одновременно праздник какого-либо святого, ни в майские дни, ни в какое другое время и ни в какой другой день, кроме дня Господня; пусть ни один христианин не дает обетов в храмах или возле камней, источников, деревьев или оград; пусть никто не зажигает факелов вдоль дорог или на перекрестках; пусть никто не привязывает записок к шее человека или какого-либо животного; пусть никто не совершает очищений, ни нашептываний над травами, ни не проводит свои стада через дупло дерева или через прорубленную в земле дыру; пусть ни одна женщина не вешает янтаря на свою шею и не кладет его в ту или иную краску или что-либо еще, призывая Минерву или других ложных божеств; пусть никто не испускает громких криков, когда луна бледнеет; пусть никто не опасается, что с ним что-либо случится в новолуние; пусть никто не называет госпожой луну или солнце; пусть никто не верит в судьбу, в фортуну или в натальную карту, которую в просторечии называют рождением; каждый раз, когда вас постигнет какая-либо немощь, не ходите к заклинателям, прорицателям, колдунам и шарлатанам и не совершайте дьявольских обрядов у источников, деревьев и на перекрестках дорог…» (Житие святого Элигия, пер. Ш. Бартелеми. Париж, 1847, in-8°, кн. II, гл. 15). Христиане VII века, как видно, были наполовину язычниками, и святой епископ Нуайонский лишь повторял увещевания, которые соборы уже многократно обращали к новообращенным и которые не были бы бесполезны двумя или тре-

мя веками позже; ибо язычество сохранялось в народе через Суеверие, даже когда оно было полностью стерто с лица католического мира. Религии угасают и исчезают, народные Суеверия никогда не умирают.

Таким образом, все Средневековье полно отголосков языческой мифологии: она проникает порой в самое сердце Библии и Евангелий под покровительством какого-нибудь ученого церковного комментатора, который без церемонии воспользуется Метаморфозами Овидия, чтобы добавить чудесности к повествованию. Когда Пьер Коместор, знаменитый богослов XII века, парафразируя Писания в своей Historia scholastica, находит сынов Божьих в непосредственной связи с дочерьми человеческими, в главе VI Бытия, он заботится сообщить нам, что гиганты, рожденные от этого странного общения, – несколько из семьи Энцелада и Бриарея; но Суеверие не остановилось на этом прекрасном пути, и эта сверхъестественная раса вскоре, по словам самых ученых богословов, стала расой инкубов и суккубов, демонов мужского и женского пола, которые продолжали любовные заблуждения своих первых родителей и обращали на службу своим незримым утехам сыновей и дочерей человеческих. Потоп Девкалиона и Пирры также должен был добавить несколько эпизодов к потопу Ноя, как будто традиция есть мать Суеверия, как будто Суеверие скрыто в колыбели всех религий. Пифон и чудовища, порожденные тиной земли, затопленной водами неба, перешли в священные кни-

ги евреев и особенно в глоссы, которые раввины, эти великие мастера Суеверия, неустанно прилагали к ним в эластичных рамках Талмуда. Христиане не преминули отказаться от этих чудовищ, этих драконов и этих змей, которые причиняли им столько же восхищения, сколько и ужаса, и которые вскоре в глазах народа стали многоликой персонификацией Духа зла. Разве сам дьявол не избрал фигуру змея или дракона, чтобы проникнуть в земной Рай и искусить Еву? Разве Пророк не приписал Искусителю эту символическую фигуру, возвещая, что женщина некогда растопчет голову змея под своими ногами? Змей и дьявол смешались в мистическом языке, и воображение проповедников, поэтов, живописцев и ваятелей изощрялось на протяжении всего Средневековья, чтобы воспроизводить змея в самых фантастических формах и с самыми невероятными красками.

Дело в том, что народное Суеверие охотно захватывало всё, что поражало глаза и ум. Поэтому змеи и чудовища были повсюду, в легендах о святых и в произведениях христианского искусства, которые были как бы наглядным изображением этой легенды, переведенной повсюду на картины, витражи, статуи, барельефы, наивные и страшные образы. Простонародье научалось этим, без сомнения, бояться дьявола более, чем Бога, но оно не заботилось узнать истинный исторический и философский смысл этих ужасных змей, которых оно видело расписанными или изваянными в церквях как атрибуты разных святых: оно находило естествен-

ным, что святой Георгий убил в Финикии дракона, который собирался пожрать дочь тамошнего царя; что святой Маркелл и святой Германик, вооруженные крестом, охотились на крылатых змеев на территории Паризиев; что святой Роман сковал своей епитрахилью Гаргулью Руана; что святая Марфа сразилась и победила Тараску Тарасконскую. Это были Верования, столь прочно установившиеся в народе, что всякий, кто осмелился бы посмеяться над Гаргульей в Руане и над Тараской в Тарасконе, был бы разорван на куски или побит камнями в наказание за свою ересь. Разве не праздновали вплоть до наших дней процессиями и странными церемониями чудесную победу святого Романа и святой Марфы? Духовенство, принимавшее участие в этих народных празднествах, может быть, само не знало, что их происхождение связано с историей христианства и что эти драконы, поверженные святыми, символизировали уничтожение культа идолов или демонов и торжество Евангелия.

Змей играл значительную роль во всех языческих теогониях, но религия Иисуса Христа придала ему еще большее значение, и затруднительно было бы перечислить, в скольких различных ситуациях он там проявляется более или менее приспособленным к нуждам обстоятельств. Он полноправно входит в геральдику вместе с химерами, единорогами, сказочными животными, которые вышли, как и он, из Библии и Апокалипсиса; он примешивается к истории в чертах Мелюзины Лузиньянской; он вдохновляет самые чудес-

ные рассказы путешественников; он проходит из конца в конец область науки и область поэзии. Это всегда дьявол или инфернальная сила, которая одушевляет змея и дарует ему это чудовищное изобилие форм и красок, которое средневековые художники превосходно умели передавать, как если бы оригинал позировал перед ними. Не забудем упомянуть, рассматривая искусства рисунка, равно как и путешествия и естественную историю, какую роль в них играли народные Верования, касающиеся змея и его бесчисленных проблематичных и аллегорических порождений. Можно сказать, что змей, с религиозной точки зрения, есть одно из самых плодовитых Суеверий, которые эксплуатировались католической Церковью.

Меньше использовались, без сомнения, чудовища и химерические животные, современники змея Евы и потопа Ноя; однако они фигурировали в искусствах и науках, то как причуды божественного творения, то как странные продукты инертной материи и слепой природы. Дьявол отвечал также за рождение причудливых или отвратительных чудовищ, которые, однако, происходили по прямой линии от гигантов, пигмеев, циклопов, фавнов, сатиров, кентавров, гарпий, тритонов древности. Самые почтенные Отцы Церкви, такие как святой Августин и святой Исидор, не посмели отрицать существование этих чудовищ, которые Плиний и древние натуралисты охотно допускали в иерархию живых существ. Традиция была согласна в этом с Отцами Церкви во всех точках

земного шара, и народ охотно принимал в делах чудес и диковин самые невероятные, особенно когда их приписывали злобе демона. Разве не было весьма правдоподобно, что Дух зла создает существ по своему образу, чтобы противопоставить их тем, кого Бог создал по Своему? Отсюда эти чудовищные подделки человека, которые, по словам Пьера Коместора, появились на земле после потопа; уродливые и невозможные расы, которые легковерные путешественники XV и XVI веков утверждали, будто вновь нашли в новых краях, посещаемых ими под влиянием Суеверий своего детства! Христианское богословие не стеснялось заимствовать у язычества гигантов, пигмеев, циклопов, фавнов, сатиров, чтобы населить ими землю после потопа, который следовало бы повторить и потопить это ужасное отродье. Прихоть и воображение докторов Сорбонны добавили, правда, несколько новых черт к описанию, которое Плиний забавлялся воспроизводить по свидетельству более древних авторов; так, Бог, чтобы разнообразить человеческую форму, создал тогда людей без головы, с глазами и ртом посреди груди; людей с головой цапли и шеей змеи; людей, чьи уши спускались до земли; людей, чья левая ступня была достаточно велика, чтобы служить им зонтом; людей, покрытых длинной шелковистой шерстью; гермафродитов и андрогинов, которые долго конкурировали с семьей Ноя, с законным потомством Адама и Евы. Художники и поэты не имели никакого отвращения к тому, чтобы вводить в свои произведения

эти воображаемые творения, одобренные, в некотором роде, Церковью; и Суеверие, которое хотело, чтобы они действительно существовали в допотопные времена, по мнению одних, и вслед за потопом, по мнению других, не отказывалось допускать, что их нормальное существование сохранилось в Ливии, Эфиопии, Индии, в этих неизвестных странах Азии и Африки, где еще помещали земной рай.

Удивительно, что никто, кроме некоторых легендарных героев, не хвастался, что вновь обрел земной рай, хотя серьёзные писатели трудились над установлением его географического положения; однако не пошли бы туда смотреть, если бы Вениамин Тудельский, Рубрук, Иоанн де Плано Карпини, Марко Поло или какой-либо другой путешественник XIII века выдвинули такое преувеличенное притязание. Но, взамен того, не один добрый христианин убедил себя в ту же самую эпоху, столь богатую чудесами, что можно посетить чистилище и издали увидеть истинный рай, не переставая принадлежать миру живых. Лишь колдуны имели привилегию спускаться в ад, и эта привилегия дорого обходилась им, когда они имели неосторожную дерзость похваляться ею перед Инквизицией или светским судом. Чистилище, в которое верили, что можно проникнуть, и откуда некоторые утверждали, что вернулись, было чистилищем святого Патрика, и вход в него находился в Ирландии, на острове озера Дерг. Это чистилище, подражание пещере Трофония, знаменитой в истории греческого язычества, было открыто или

выдумано лишь в XII веке, и оно вскоре приобрело известность, пронесшуюся из конца в конец Европы: главные писатели того времени, Матвей Парижский, Жак де Витри, Винсент из Бове, не погнушались заниматься им весьма серьёзно, тогда как поэзия труверов и миннезингеров распространяла из уст в уста эту мрачную и чудесную легенду, которая вскоре должна была вдохновить Данте. Согласно этой легенде, Иисус Христос привел святого Патрика в муть гран фосс (огромную яму), которая была муть обскюр пар дедан (весьма темна внутри), и оставил его там на день и ночь; выходя оттуда, святой был очищен от всех грехов, какие когда-либо совершил: он не имел ничего более неотложного, чем построить возле ямы муть белль эглиз (прекрасную церковь) и монастырь ордена святого Августина. После его смерти толпа стекалась паломниками; некоторые безрассудные осмеливались проникнуть в яму, и большинство больше не появлялось. Однако вести о чистилище были получены через посредство английского рыцаря по имени Оуэн, который совершил столь тяжкие грехи, что решил освободиться от них по примеру святого Патрика. Он готовится спуститься в яму; он молится и постится пятнадцать дней; причащается, получает елеосвящение и устраивает свои похороны; затем, без лат и без оружия, защищенный только верой и благодатью, сопровождаемый монахами и священниками, которые поют литанию по усопшим, он направляется к отверстию ямы и проникает туда, ползя на руках и коленях среди мра-

ка. Вскоре свет, как бывает в нашем мире в зимние дни к вечерне, позволяет ему увидеть, что он находится в обширном зале с колоннами и арками и что двенадцать великанов, одетых в белые одежды, идут к нему, чтобы ободрить его: – Сест салль сера танстот плен де деабль (этот зал скоро наполнится дьяволами), которые будут жестоко мучить тебя, говорят ему эти призраки. Гар бьен ке ту ай ле ном де Дьё ан та ремембранс (Берегись, чтобы имя Божье всегда было в твоей памяти). В самом деле, демоны сбегаются с криками радости и ярости; они окружают рыцаря, который сопротивляется их искушениям и угрозам; они сковывают его цепями, уносят в глубины пропасти, жюск ан ун плэн шамп муль лон э муль плэн де долёр (вплоть до поля весьма длинного и полного страданий). Ла авуа омм э фам де дивер заж, ки сэ жиссуэн тус ню, трету этанду а терр ле вантр десу (Там были мужчины и женщины разного возраста, которые все лежали голые, распростертые на земле животом вниз); ки авуэ де клу ардан фишье парми ле мэн э парми ле пье (у которых были горячие гвозди вонзены в руки и в ноги), э й авуа ун гран драгон тю ардан ки сэ сеу сиз ё э лёр фишьэ ле дан тю ардан дедан ла шар (и там был огромный горящий дракон, который садился на них и вонзал свои горящие зубы в их плоть). Оуэн продолжает свой путь и встречает, всегда сопровождаемый дьяволами, другие, более болезненные муки, по мере того как приближается к аду: он видит толпу душ, погруженных в чаны, наполненные расплавленным металлом. Ор э ла вэ-

рите ке трету се жан ансамбль си криуан а от вуа э плеуруан муль ангвуасёзман (Теперь истинно, что все эти люди вместе кричали громким голосом и плакали весьма мучительно). Ему хорошо пришлось призвать имя Христа, когда он продвигается к самому преддверию геенны огненной и когда видит души проклятых, похожих на большие искры, летающие сквозь пламя. Это призвание освободило его от дьяволов, и он может дойти без помех до самой двери обители блаженных. Это не небесный Иерусалим, это земной рай, тот самый, из которого был изгнан первый человек и который теперь принимает души, очищенные выходом из чистилища. Этот рай не мог отличаться от картины, которую дает нам Библия, и добрый рыцарь не заметил в нем ничего, кроме пре вер деликьё (прелестных зеленых лугов), дебр, флёр, эрб, фрюи де тют самбланс э де тют делис де боте (деревьев, цветов, трав, плодов всякого вида и всякой прелести красоты), и, кроме того, двух архиепископов, которые указали ему издали на небо избранных и светящийся вход в истинный рай. Понятно, что рыцарь, по возвращении в наш подлунный мир, поспешил рассказать все эти прекрасные вещи, которые были восприняты как слова евангелия. Чистилищу святого Патрика не нужно было других рекомендательных писем, чтобы быть признанным истинным и подлинным Церковью и всем христианством. Монахи, которые имели его под охраной и получали с него доход, показывали паломникам, которых благочестие и любопытство приводили в Ир-

ландию, его дверь; но яма оставалась запертой и непроницаемой, так что никому не дано было повторить подземную экскурсию рыцаря Оуэна. Однако каждая нация считала честью быть представленной одним из своих в рассказах, составленных на разных языках, которые сохранили нам память о путешествиях, совершенных в чистилище святого Патрика, так сильно это суеверное Верование, можно сказать, натурализовалось повсюду в Европе Средневековья.

Суеверие не менее знаменитое, относящееся к тому же времени и, по-видимому, занесенное с Востока первыми крестовыми походами, это Суеверие о Вечном Жиде, которого сельские жители думали видеть во всех незнакомых нищих с длинной белой бородой, проходивших с важным и меланхоличным видом, не останавливаясь, не поднимая глаз и не говоря ни с кем. Прохождение Вечного Жида через большинство христианских стран и множество городков было засвидетельствовано хронистами, и его легенда, собранная еще в XIII веке Матвеем Парижским, находила мало неверующих даже в эпоху Реформации, которая вела такую беспощадную войну суеверным Верованиям. Эта легенда была рассказана в 1228 году монахам Сент-Олбанса одним армянским архиепископом по прибытии из Святой Земли в Англию. Этот архиепископ, расспрошенный о знаменитом Иосифе, о котором часто говорят люди, объявил весьма обдуманно, что знает его, ибо часто принимал за своим столом. Вот история этого Иосифа. Его звали Карта-

фил, и он был привратником претории Понтия Пилата, когда Иисуса повели иудеи, чтобы распять. Иисус, остановившись на мгновение на пороге претории, Картафил ударил его кулаком в спину и крикнул насмешливым тоном: – Ступай же скорее, Иисус, ступай! Зачем ты останавливаешься? Иисус обернулся и сказал ему с суровым лицом: Я иду, а ты будешь ждать, пока Я приду! Итак, Картафил, которому было тридцать лет в момент Страстей и который молодел каждый раз, когда достигал своего сотого года, с тех пор все ждал пришествия Господа и конца света. Это был человек святой беседы и великого благочестия, который говорил мало и сдержанно, довольствовался умеренной пищей и скромной одеждой, часто плакал и никогда не улыбался. В остальном он возвещал день суда над душами и свою душу препоручал милосердию Божию. Эта легенда была способна произвести впечатление на народ еще до того, как Суеверие перегрузило её еще более странными подробностями. Это поэтическая и мечтательная Германия больше всего охарактеризовала великую фигуру Вечного Жида. Так, в XVI веке, когда каждый город, каждое селение приписывало себе честь дать приют этому несчастному привратнику претории Пилата, немецкий епископ, а не армянский архиепископ, Пауль фон Айтцен, рассказывает в письме от 29 июня 1564 года, что встретил Вечного Жида в Гамбурге и долго беседовал с ним. Этот жид звался уже не Картафил, ни Иосиф, а Агасфер. Это был высокий мужчина, который выглядел не стар-

ше пятидесяти лет. У него были длинные волосы, развевающиеся по плечам; он ходил босой; его странная одежда состояла из просторных штанов, короткой юбки, доходившей ему до колен, и плаща, падавшего до пят. Он присутствовал, впрочем, на проповеди в католической церкви, каковым жидом ни был, и простирался ниц, плача, вздыхая, ударяя себя в грудь всякий раз, как проповедник произносил святое имя Иисуса Христа. Он вел самые назидательные речи, если к нему обращались, ибо был от природы молчалив; он не смеялся больше в 1564 году, чем в 1228, и обливался слезами, как только слышал богохульство и клятвы. Он ел и пил с примерной умеренностью и принимал только два-три су для своих нужд, когда ему предлагали деньги. Его история очень походила на историю Картафила, с той разницей, что он оттолкнул и оскорбил Иисуса, несущего свой крест, когда Иисус остановился, чтобы перевести дух перед домом, где находился он сам со своей женой и детьми, чтобы посмотреть, как проходит царь иудейский, восходящий на Голгофу. – Я остановлюсь и отдохну! сказал ему возмущенный Христос; а ты будешь идти! В самом деле, с этого приговора он покинул свой дом и семью, чтобы скитаться по миру и совершать покаяние за свою жестокость. Он не видел Иерусалима вновь до истечения пятнадцати веков после того, как покинул его: Он не знал, что Бог хочет с ним сделать, удерживая его столь долго в этой жалкой жизни! Понятно, какое волнение и ужас оставляла в умах эта восхитительная леген-

да, которая олицетворяет в одном человеке весь народ Моисея и которая в форме внушительной аллегории воспроизводит его бродячую судьбу со времени распятия Иисуса. Не раз отмечали появление Вечного Жида во Франции, в Германии и в Нидерландах в XVI веке, и всегда это появление, давшее повод к массе брошюр и объявлений, рассматривалось как зловещее предвестие какой-либо великой общественной беды. Так, Вечный Жид только что показался в Страсбурге, Бове, Нуайоне и нескольких других городах Франции, когда Равальяк убил Генриха IV.

Суеверие, которое, возможно, имело то же происхождение, что и Суеверие о Вечном Жиде, и которое было не менее популярно в Средние века и до конца Возрождения, это существование в Индии или Абиссинии некоего Престотера Иоанна, царя и первосвященника, наполовину иудея и наполовину христианина, который уже века правил обширной империей, где рука Божья собрала больше чудес, чем в раю Магомета. Все хронисты, все путешественники XIII века, которых занимала традиция о Вечном Жиде, Матвей Парижский, Жак де Витри, Иоанн де Плано Карпини, Марко Поло, позаботились не забыть Престотера Иоанна. Рассказы, публиковавшиеся о неслыханных богатствах этого персонажа и страны, находившейся под его властью, казались весьма способными воспламенить воображение и алчность бедного народа. Это также один армянский епископ, который в 1145 году принес в Европу первые известия об этом бас-

нословном Престотере Иоанне. Впоследствии многие причудливые и фантастические подробности добавились со всех сторон к первоначальной легенде и увеличили её популярность. Не было путешественника, посетившего Африку или Азию, который осмелился бы оспорить это Верование, общепринятое в христианстве; самые лживые даже утверждали, что справлялись на местах, и не скупились на невероятные рассказы, которые принимались в Европе с таким же доверием, как и легковерием. Этот род бессмертного папы Востока не раз тревожил сон пап Запада, преемников святого Петра, как будто схизма должна была прийти издалека, чтобы напасть на папство. Быть может, это был тайный сторонник Реформации, который додумался написать в 1507 году императору Рима и королю Франции от имени Престотера Иоанна. В этом любопытном письме, составленном по-французски (напечатано без места и даты, in-4°, 12 листов, готическим шрифтом), Престотер Иоанн, который именует себя по милости Божьей всемогущим царем над всеми христианскими королями, делает достаточно ортодоксальное исповедание веры и приглашает папу Юлия II и Людовика XII без церемоний поселиться в его владениях, которые он представляет им как самые прекрасные и богатые в мире. Там, в самом деле, встречается множество вещей, которые видны только там и в сказках; там встречаются единорог, феникс, грифон, рок, дикие быки о семи рогах, львы красные, зеленые, черные и белые, сагиттарии или кентавры, люди с пе-

сьей головой, пигмеи, которые суть добрые христиане и воюют только с птицами, драконы о семи головах; там бьет источник воды Юности и было посажено Древо Жизни специально для того, чтобы производить святое миро, которое служит для употребления в таинствах Церкви. Не было поэтому основания удивляться, что этот благословенный край был ужасен для грешников, так что тот, кто совершал грех блуда, погибал от огня, а тот, кто осмеливался лгать, рисковал петлей. Что касается дворца владыки этой своеобразной страны, можно догадаться, что он должен был быть из хрусталя с крышей из драгоценных камней и колоннами из чистого золота. Но это было не самое необыкновенное: Ун отр гран мервей й а ан ностр пале (Есть еще одна великая диковина в нашем дворце), говорит Престотер Иоанн папе и королю Франции, се а савуар ке нюль манже н'й э аппарейё фор ке ан юн эскюель, ун гриль э ун тайуар ки сон панди а ун пилье (а именно, что никакая пища там не приготовляется, кроме как в одной чаше, одном жаровне и одном блюде, которые повешены на столбе). Э кан ну сом а табль э ну дезирон авуар вьян, эль ну сон аппарейё пар ла грас дю Сан-Эспри (И когда мы за столом и мы желаем иметь яства, они приготовляются нам по милости Святого Духа). Папа и король Франции не могли бы предложить столько своему счастливому корреспонденту, который должен был гордиться тем, что имеет Святого Духа поваром. Понятно, что короли Португалии, Жуан II и Мануэл, посылали несколько экспедиций

в Индию и Абиссинию, чтобы удостовериться в истинности этих чудес; но они не преуспели в том, чтобы обнаружить, правит ли Престотер Иоанн в Абиссинии или в Татарии. Однако в этой последней стране ученые, по природе своей мало суеверные, поместили резиденцию несторианского вождя по имени Иоанн Пресвитер, который основал там в середине XII века могущественную империю. Отсюда эта выдумка о Престотере Иоанне, распространенная в христианском мире в Средние века и часто используемая в изобретениях поэтов и путешественников.

Без особых усилий связали с Престотером Иоанном и Вечным Жидом личность Антихриста, которого все ждали с 1000 года и который не торопился явиться на земле, чтобы предварить конец света. Неоднократно объявляли, что Антихрист родился и что он скоро проявит себя чудесами; даже утверждали, что этот сын погибели начал свое апокалиптическое царство, проповедуя войну и вызывая чуму и голод; но если голод, чума и война вступали в сговор против людей, никто не осмеливался взять на себя серьезную ответственность роли Антихриста; к тому же мир не готовился к концу. Народ не меньше был убежден, что мир кончится и что Антихрист придет перед тем. Церковные люди и монахи ничего не делали, чтобы бороться с этим Суеверием, которое было им так выгодно всякий раз, как легковерность народная волновалась от скорого пришествия Антихриста и близости Страшного суда. Так, уже в четвертом ве-

ке христианской эры святой Августин давал человеческому роду лишь несколько лет отсрочки перед исполнением времен. Срок конца света, однако, откладывался от века к веку вплоть до тысячелетнего, который, по мнению самых ученых и благочестивых богословов, был предопределенным пределом этой великой катастрофы. По прошествии же тысячи лет, сказал святой Иоанн, сатана выйдет из темницы своей и будет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли. Это пророчество никогда не вызывало сомнений или возражений, и самый буквальный текст Евангелия, где написано, что Сын Божий придет судить живых и мертвых, служил ему грозным комментарием. Перед лицом этого всеобщего суда христиане думали только о том, чтобы предстать пред Богом в достойном состоянии; они отказывались от всех своих земных благ и отдавали их церквям и монастырям; они считали бесполезным возделывать землю и заниматься своими обычными трудами; они покидали свои поля, лавки и дома, чтобы устремиться к алтарям. В тот год были грозные знамения на небе и на земле: затмения, кометы, метеоры, разливы рек, бури, эпидемии, неурожаи. Один современник оставил нам страшное изображение опустошения, царившего во всем Западе при приближении рокового срока: Суеверие еще усугубляло действительные бедствия народной нищеты; говорили только о устрашающих чудесах: обращенных иудеях, воскресших мертвецах, живых, пораженных внезапной смертью, призраках и демонах, выходящих

из глубины бездны. Наконец, накануне дня, когда должно было исполниться 1000-летие, все население, в слезах и молитвах, заполнило церкви; с содроганием ожидали звука семи труб и появления Антихриста; но солнце не померкло, звезды не пали, и природа не увидела своих законов прерванными. Это была лишь отсрочка, говорили, и считали с тревогой дни, недели, месяцы: успокоились лишь по прошествии нескольких лет страха. С той памятной эпохи конец света, по-видимому, отложен по действию божественной благодати, однако в разные промежутки времени его вновь возвещали с большим или меньшим основанием, в частности Арнальдо де Вилланова, который назначал его на 1395 год. В начале XVI века лютеране имели странную мысль увидеть Антихриста в римском папе, которого они уже не называли иначе. Протестантская Германия, следовательно, не колебалась верить зловещим пророчествам знаменитого астролога Иоганна Штёффлера, который желал, чтобы мир кончился в 1521 году новым потопом. Один теолог из Тулузы по имени Ориоль построил из предосторожности ковчег. Всеобщий ужас, вызванный предсказаниями Штёффлера, возобновился в последние годы XVI века и продлился до 1610 года. Слух о конце света, говорит один бретонский историк, каноник Моро, ала си аван, киль фалю ке ле руа Анри IV, лор реньян, пар эди эспре, фи дефанс д'ан парле (зашел так далеко, что понадобилось, чтобы король Генрих IV, тогда царствующий, особым эдиктом запретил говорить об этом). Го-

ворили, что Антихрист родился в Вавилоне и что иудеи готовятся признать его своим мессией. Бесноватый, над которым совершили экзорцизм, объявил, что этот Антихрист увидел свет в окрестностях Парижа в 1600 году, что он был крещен на шабаше и что мать его, иудейка по происхождению, по имени Бланшфлёр, зачала его от дела сатаны. Одна колдунья утверждала, что держала на коленях этого дьявольского ребенка, у которого были когти вместо ног, он не носил обуви и говорил на всех языках. Это был не последний раз, когда видели волнение народных Верований относительно конца света, и таинственная личность Антихриста, которому художники Средневековья придавали черты, наиболее соответствующие роли, которую ему приписывает Апокалипсис, еще присутствует в воображении простых сельских жителей, которые, разумеется, не смешивают его, снабжая когтями, рогами и хвостом, с папой.

Некоторые католические и протестантские писатели, не менее суеверные, чем народ, хотя и не столь невежественные, как он, связали с Антихристом басню о папессе Иоанне, которую современная критика наконец сумела исключить из истории пап. Эта басня, тем не менее, благодаря своему сатирическому и романическому характеру, долго находила снисходительных защитников, и сам ученый Вилье даже в своем Théâtre de l'Ante-Christ не усомнился принять её как подлинную, несмотря на её бросающуюся в глаза невероятность и противоречия, которые ей создает хронология.

Но пройдут века, прежде чем предание о папессе изгладится в умах простонародья. Была ли эта папесса в связи с дьяволом, воплотившимся в тело капеллана, и не родила ли она плодом этого гнусного общения ребенка, который был бы не кто иной, как Антихрист? Из этого следовало бы, что Антихрист, родившийся около 857 года, был бы в возрасте ста сорока трех лет в эпоху 1000 года, когда он должен был явиться. Как бы то ни было, Сигеберт из Жамблу, писавший свою хронику в XI веке и, возможно, лишь скопировавший интерполированный отрывок в труде Анастасия Библиотекаря, рассказывает весьма серьезно, что один папа, по имени Иоанн, преемник Льва IV в 855 году, был женщиной и что её пол обнаружился при родах, которые положили конец её понтификату и жизни. Хронисты и инакомыслящие богословы наперебой украшали эту странную легенду, пытаясь согласовать её с датами истории. Жан Буше в своих Анналах Аквитании утверждает, что папесса, беременная от своего тайного камердинера, разрешилась от бремени посреди процессии между Колизеем и церковью Святого Климента, и добавляет: Он ди к'а л'окасьон де се, си э кан он фэ ун пап, ке депюи ледик тан он а акустуме с'анкерер пар ун кардиналь си ль а женитуар (Говорят, что по этому случаю, когда избирают папу, с тех пор вошло в обычай справляться через кардинала, имеет ли он детородные органы). Жан Креспен в своем État de l'Église рассматривает с кальвинистской точки зрения анекдот о папессе и дает более подроб-

ные сведения о её родах, не забывая прибавить, что, чтобы предотвратить возврат подобного скандала, кардиналы постановили, чтобы диакон маньерэ ле парти онет дю сель ки сере элю пап, пар дедан юн шез персе, афин к'он сё си ль э маль у нон (ощупал бы срамные части того, кто будет избран папой, через отверстие в кресле, дабы знать, мужчина он или нет). Утверждали, что это перфорированное кресло еще существует в Ватикане, и даже выдумали сделать его рисунок, который, по-видимому, изображает курульное кресло римского сенатора. Позволительно, однако, считать Антихристом этого сына папессы и монаха, или демона, если угодно допустить вместе с одним знаменитым голландским пастором, что в момент, когда ребенок вышел из материнского чрева, дьявол произнес в воздухе эти два сивиллиных стиха, которые возвещали рождение адского предтечи Христа:

Papa pater patrum, Papissse pandito partum

Et tibi tunc eadem de corpore quando recedam!

Роды папы в папском облачении были весьма способны возвестить конец света.

Пророчества и предзнаменования были, впрочем, обычными аксессуарами всех исторических событий некоторой важности; они были также во многих обстоятельствах прелюдией самых малых событий частной жизни. Оракулы умолкли на века в развалинах языческих храмов, но их заменяли письменные пророчества Сивилл и чародея Мер-

лина. Сивиллы, которых постоянно видят представленными в скульптурах и витражах церквей, были в почете у христиан за то, что предчувствовали рождение Иисуса, и особенно сивилла Эритрейская за то, что предсказала его. Что касается Мерлина, барда V века, столь же знаменитого своими чудесами, как и пророчествами, он был усыновлен рыцарством, которое защитило его от ударов отлучения, хотя он слыл сыном демона-инкуба и бретонской друидессы. Легенда взяла на себя труд исправить то, что было в его происхождении малопоучительного, и вскоре его пророчества, переведенные на все языки, стали вплоть до XVI века, вплоть до публикации пророчеств Нострадамуса, единственной открытой книгой судьбы, где находили откровение обо всех великих событиях, которые должны были совершиться в мире. Так, Мерлин не только проник в тайны самого близкого к нему будущего, но еще, на расстоянии семи веков, он провидел Деву Орлеанскую, убитую оленем о десяти отростках (Генрих VI, король Англии и Франции), который носил четыре короны на своем челе. Это были, однако, не единственные пророчества, имевшие хождение в Европе до пророчеств Нострадамуса. Сборник, известный под названием Mirabilis liber, не ждал, чтобы его стали советоваться, пока его не напечатали в конце XV века. Большое количество изданий, сделанных повсюду, достаточно свидетельствует о доверии, которое ему вообще оказывали. Это была не та разновидность книги, которую духовенство вносило в индекс. Са-

ма Церковь взяла под свою особую защиту пророчества, именуемые Откровениями, святой Бригитты Шведской, умершей в 1373 году, и Базельский собор одобрил их в надлежащей форме, так что их читали и комментировали на кафедрах богословия. Их переводили, печатали на всех языках и так часто открывали в них предсказания свершившихся фактов, что один анонимный переводчик, публикуя эти чудесные пророчества (Лион, 1536, in-16), объявил, что они были до сих пор находимы истинными.

Но успех пророчеств Мишеля де Нострадамуса превзошел успех всех предшествующих. Екатерина Медичи и её сын Карл IX, один и другой более суеверные, чем самый невежественный из их подданных, составили счастье этих пророчеств, тщательно разыскивая в них всё, что могло к ним относиться, и не гнушаясь навещать астролога, удалившегося в маленький городок Салон в Провансе. Придворные сочли долгом подражать королю и королеве-матери и захотели иметь свой гороскоп. Именно в звездах и планетах, в обращениях луны и солнца Нострадамус претендовал читать будущее. Он составил, согласно этим астрологическим наблюдениям, своего рода непонятный гримуар в четверостишиях, имеющих размер и рифму стиха, но утыканный гибридными словами и странными именами. Первое издание этих четверостиший, более галльских, чем французских, было опубликовано в Лионе в 1555 году; автор делал к ним последовательные дополнения вплоть до своей смер-

ти, наступившей в 1566 году. Этот сборник Пророчеств, разделенный на десять центурий и достаточно искусно составленный, чтобы в нем встречались более или менее удачные применения ко всем событиям, которые могут произойти в историческом и политическом порядке, всегда давал оракулы для каждого памятного факта, который хотели задним числом подкрепить предсказанием. Нострадамус занимался в своем труде только судьбой королей, принцев и государств; но существовало множество астрологов, которые составляли генетлиаки, или гороскопы, и вопрошали звезды для всякого, у кого были деньги. Знали, впрочем, что влияние планет, под которыми ребенок родился, определяло весь ход его жизни, и не нужно было быть гадателем по профессии, чтобы знать предзнаменования небесных знаков в час рождения. Церковь, однако, не терпела этот род Суеверия, который, возможно, так же стар, как мир, и который восходит, по крайней мере, к началу религий. Что касается закона, беспощадного к колдунам, он нисколько не стеснял промысел гадателей и астрологов.

Гадатели толковали сновидения, которые во все века и у всех народов считались отражениями будущего, божественными или дьявольскими предостережениями, независимо от того, представляли ли они без покрывала и без загадки вещи, которые должны были случиться, или скрывали под таинственной и мрачной оболочкой призрак судьбы. Это Суеверие сновидений освещает древнейшие страницы

Библии, и обычно во сне святые и патриархи находятся в общении с Богом и Его ангелами. Католическая Церковь, однако, не могла проявлять чрезмерную строгость в отношении Верования, которое основывается на истории Авраама и Иосифа и которое дает нам услышать божественный голос Провидения, постоянно связывая материальный мир с мирами невидимыми. Церковь почти воздержалась в столь деликатном вопросе и только различала сновидения, идущие с небес, от сновидений, идущих из ада. Во сне, сказал Тертуллиан, этот наполовину языческий Отец Церкви, указываются средства, раскрываются кражи, открываются сокровища. Но, с другой стороны, двенадцать веков спустя святой Фома не побоялся объявить, что сатана, который держится всю ночь у нашего изголовья, был отцом сверхъестественных сновидений. Часто Церковь объявляла, что это Бог являл себя во сне. История полна этих роковых сновидений, которые оставили поколениям долгую память восхищения и оцепенения. Нет важного события в Средние века, которое не связывалось бы со сном, видением, предзнаменованием, предсказанием. Возрождение было не менее легковерно в этом отношении, хотя и более просвещенно, чем Средневековье. Так, большинство трагических и неожиданных смертей обычно возвещались сновидениями.

Смерть Генриха II, короля Франции, раненного на турнире графом Монтгомери (1559), смерть Генриха III, убитого Жаком Клеманом (1589), смерть Генриха IV, убитого Рава-

льяком (1610), имели пророческие сны своими предвестниками. В ночь, предшествовавшую турниру, где обломок сломанного копья вошел в глаз Генриха II, королева Екатерина Медичи, лежавшая рядом со своим царственным супругом, видела во сне, что видит его лишенным одного глаза. В ту же ночь маршал де Монлюк, который был тогда в Гаскони, увидел во сне короля Генриха II сидящим на кресле, с лицом, покрытым каплями крови, и он весь был в слезах. За три дня до цареубийства, совершенного якобинцем Жаком Клеманом, Генрих III, который должен был стать жертвой, видел во сне царские регалии, такие как камзол, сандалии, туники, далматик, мантия из голубого атласа, большая и малая короны, скипетр и длань правосудия, меч и позолоченные шпоры, все в крови и попираемые ногами монахов и простого народа. На следующий день, испуганный этим сном, он вспомнил тот, что видел в январе 1584 года, сон-предвестник Лиги, в котором он видел себя растерзанным и разорванным на куски львами и хищными зверями зверинца Лувра. Он тогда велел убить всех этих зверей, которые должны были оказаться для него столь роковыми; на этот раз он велел позвать сакристана аббатства Сен-Дени и приказал ему удвоить бдительность для охраны регалий коронации; но эти предосторожности не вырвали нож из рук убийцы. За несколько дней до смерти Генриха IV королева Мария Медичи, которая спала возле него, увидела сначала во сне, что бриллианты и драгоценные камни короны Франции превращаются

в жемчуг, который толкователи снов принимают за слезы. Она проснулась в испуге, весьма встревоженная этим сновидением; но заснув снова, она испустила крик, который разбудил короля: Сны только обман! – пробормотала она, крестясь. – Что же вам приснилось? – спросил её муж. – Мне снилось, что вам нанесли удар ножом на маленькой лестнице Лувра! – ответила она. – Слава Богу, что это только сон! – возразил король. Генрих IV еще не успел забыть этот сон, когда был поражен ударом ножа Равальяком на улице де ла Ферронри.

Смерть Генриха IV, впрочем, одна из тех, которой предшествовали и которую сопровождали всевозможные предзнаменования, как некогда смерть Юлия Цезаря. Эти предзнаменования, тщательно собранные историками-современниками, суммируют, так сказать, различные Суеверия, имевшие хождение в ту эпоху. Это были не только сновидения, но и видения, явления, гороскопы, предсказания, оракулы, предчувствия. Королева во время церемонии своего миропомазания и коронации, состоявшейся в Сен-Дени накануне убийства, почувствовала, что корона на её голове пошатнулась, и подняла руку, чтобы помешать ей упасть. Во время той же церемонии она почувствовала, как её охватила глубокая печаль, и часто у неё на глазах выступали слезы. Вся природа, казалось, обрела голос, чтобы предупредить Генриха IV. В ночь, когда он ночевал в Сен-Дени для миропомазания королевы, орлан-белохвост прилетел и сел на окно его

комнаты и не переставал кричать до рассвета. В ту же ночь камень, закрывавший склеп королей из дома Валуа, приподнялся, и статуи, стоявшие на королевских гробницах, пролили слезы. В Париже майское дерево, установленное во дворе Лувра, внезапно упало, хотя его никто не трогал. С одного конца Франции до другого, с начала этого рокового 1610 года, были лишь предвестники великого события, так что народ боялся конца света: разливы рек и наводнения, нарушенный порядок времен года, крайний холод и жара, неурожаи, затмения, соединения планет – всё это объяснялось предсказаниями, которые сходились на том, чтобы возвестить смерть короля. Итак, Генрих IV, несмотря на силу духа, был озабочен этими признаками смерти. Когда врач Лаброcc, ученый математик, осмелился сказать герцогу Вандомскому: «Если бы король мог избегнуть угрожающей ему опасности, он прожил бы еще тридцать лет!» – Генрих IV пожал плечами, называя безумцем герцога Вандомского, который умолял его остерегаться опасности, которую ему предсказывали. – «Государь, – сказал герцог, – в этих вещах верить запрещено, но не бояться!» Король, преследуемый подобными советами, в конце концов подпал под их влияние и отдался тревогам предчувствия. – «Вы меня не знаете, – сказал он герцогу Гизу в самое утро события, – когда вы меня потеряете, вы меня узнаете, и это будет скоро!» Он часто повторял, что ему предсказали, что он умрет в карете, что он будет убит в пятидесятый год своей жизни и что его по-

хоронят через десять дней после короля Генриха III, чье тело оставалось, в самом деле, в Компьене вплоть до смерти его преемника. Во всей Европе отмечали видения, которые имели с этой смертью очевидную связь. В Дуэ священник, бывший в агонии, испытал три экстаза и воскликнул, испуская последний вздох: – «Убивают величайшего монарха земли!» В аббатстве Сен-Поль в Пикардии, в самый час, когда Равальяк совершал свое преступление, одна больная монахиня торжественно сказала: – «Мадам, велите молиться Богу за короля, ибо его убивают!»

Видение, которое часто смешивали со сновидением, занимает не меньше места в истории. Оно было столь частым в Средние века, что самые серьезные историки, приводящие памятные примеры их, никогда не решаются подвергать их сомнению. Множество этих видений смешаны с событиями древних времен и составляют неотъемлемую часть фактов, которые они окрашивают легендарным оттенком и накладывают на них печать чудесного. Среди видений самых знаменитых, если не самых странных, которые изобилуют в рассказах старых хронистов, следует упомянуть видение Хильдерика, отца Хлодвига, видение, которое добрый Фредегар любит рассказывать, как если бы был его свидетелем. В ночь его бракосочетания с Базиной, вдовой короля Тюрингии, эта принцесса упросила Хильдерика покинуть брачное ложе и пойти во двор дворца посмотреть, что там происходит: Хильдерик повиновался и видит леопардов, львов

и единорогов. Он возвращается, испуганный, к жене, которая приглашает его спуститься во двор во второй раз: на этот раз король видит лишь медведей и волков; в третий раз он видит собак и мелких животных, которые терзали друг друга. Так прошла эта брачная ночь. На следующий день Базина, бывшая немного колдуньей, объяснила видение своего мужа: львы, леопарды и единороги представляли царствование великого короля, который будет сыном Хильдерика; медведи и волки представляли детей этого короля; собаки – последних королей его рода. Что касается мелких животных, это был народ, непокорный ярму своих господ, восставший против своих королей и отданный во власть страстей знати. Другое видение, не менее знаменитое в анналах меровингской династии, это то, которое мы видим изображенным на известняке при входе в базилику Сен-Дени на гробнице Дагоберта, этого короля, чью память народ сохранил, быть может, из-за этого видения, которое Церковь провозгласила истинным и несомненным. В самый час, когда Дагоберт испускал дух, благочестивый отшельник, обитавший на одном из вулканических островов Липарских, увидел посреди взволнованного моря лодку, полную дьяволов, которые вели душу, закованную в цепи, к вулкану Стромболи, одному из отдушин ада. Душа, оскорбляемая и плохо обращаемая, сопротивлялась и громко взывала к святому Дионисию, святому Маврикию и святому Мартину. Тотчас же гремит гром, три юноши, одетые в белое, устремляются в погоню за демона-

ми, освобождают пленную душу и уносят её с собой на небо. Это была душа святого короля Дагоберта, которая таким образом получила пропуск в рай и чуть не была канонизирована как блаженная благодаря видению одного липарского отшельника. Видения не всегда были, как это, драмой с перипетиями, в которой видящий, бодрствующий или охваченный экстазом, играл роль зрителя или действующего лица через более или менее разнообразную череду необычайных обстоятельств. Часто видения состояли в быстро исчезающих явлениях, которые представлялись глазам одного человека или нескольких одновременно. Они были тогда связаны со столь всеобщей Верой в призраков, фантомов и привидений, Верой, которую Церковь отнюдь не стремилась искоренять, когда она была свободна от преступного аппарата оккультных наук. Эти Суеверия, рожденные этой неистребимой Верой в духе человека, менялись лишь по характеру и обличию в зависимости от времен и мест. В первые века христианства это были, главным образом, святые и святые жены, ангелы и херувимы, которых видели являющимися, чтобы давать добрые советы, чтобы предотвращать зло. Позже, когда страх перед адом обратил больше душ, чем надежда на рай, когда влияние Сатаны в делах этого преходящего мира возросло, так сказать, с согласия самых почтенных канонистов, явления охотно принимали инфернальную и дьявольскую окраску: обычно приписывали демону всё, что выходило из естественного порядка, всё, что казалось

странным или необъяснимым, всё, что имело, наконец, подобие чудесного. Видения, столь обычные для слабого и живого воображения, для больного или тревожного ума, стали с тех пор фантастическим достоянием высокой и низкой христианской чертовщины. Итак, народ не один был доступен этой эпидемии легковерия и страха; принцы и короли, ученые и мудрецы, сами священники становились, при случае, совершенными визионерами.

Наполнили тома историями видений и явлений, которые предоставляют самые серьезные церковные и светские писатели Средневековья, не прибегая к Золотой легенде и древним легендам о святых, где народное Суеверие набожно отложило свои первые семена. Среди бесчисленных историй, добросовестно приводимых старыми хронистами, в том числе Григорием Турским, Гибертом де Ножаном, Гийомом Бретонским, Матвеем Парижским, было бы весьма затруднительно сделать выбор, чтобы привести самые необычайные, самые страшные, самые абсурдные. Один воин, который хотел отнять у церкви Ножана право ловить рыбу в реке Эгль, был бит и избит пощечинами самой Святой Девой, так что он признал свою вину и попросил отпущения грехов; один архиепископ по имени Лаврентий, который был на грани изгнания из Англии в 616 году саксонским королем Эдбальдом, был ранен и избит ударами собственной рукой святого Петра, который таким образом научил его не оставлять свою паству; мать Гиберта де Ножан была сильно обеспо-

коена ночью демоном-инкубом, который возвращался вновь и вновь, несмотря на целомудренную бдительность Девы Марии; один бретонский крепостной встретил однажды вечером своего сеньора, умершего и недавно похороненного, который заставил его сесть позади себя на лошадь и так прокатил его, измученного усталостью, до рассвета по полям и т. д. Это были видения, следы которых оставались на теле страдальцев, и каждый, впрочем, принимая их и считая истинными, мог в свою очередь поведать свое, ибо дьявол тогда никогда не уставал показываться в самых разнообразных формах, самых невинных, как и самых ужасающих.

Послушайте, например, что Торквемада рассказывает в своем Гексамероне, собранном в Испании в XVI веке. Один испанский рыцарь влюбляется в монахиню и назначает ей свидание ночью в церкви монастыря; он велел сделать фальшивый ключ, который должен был открыть ему дверь этой церкви. Пробило полночь, когда он входит туда, нетерпеливый встретить свою красавицу. Но церковь освещена и затянута черным; там служат заупокойную службу перед катафалком, окруженным зажженными свечами. Вдруг процессия монахов в капюшонах проходит, распевая Dies irae. Он чувствует, как его леденит ужас, и всё же он приближается к одному монаху и спрашивает его, кто этот усопший, по ком он видит совершаемые похороны: это собственное имя рыцаря произносит монах, который тут же удаляется. Рыцарь обращается с тем же вопросом ко второму монаху,

затем к третьему, и не получает другого ответа: он сам присутствовал на своих похоронах! Охваченный головокружением, он выходит из церкви и садится на коня: появляются две большие черные собаки и бегут рядом с ним. Когда он прибывает в свой замок, две собаки проникают туда вместе с ним и душат его на глазах у его слуг, которые могут помочь ему лишь крестным знамением.

Ученый правовед Алессандро Алессандри, который составлял свой трактат Dierum genialium в Италии в конце XV века, приводит несколько видений, по свидетельству самих очевидцев. Здесь некий честный монах по имени Фома идет вместе с незнакомым стариком, отвратительным на вид, одетым в длинную одежду, и он принимает предложение, которое делает ему этот безобразный человек, перенести его через ручей; но, оказавшись на плечах своего попутчика, он замечает, что у того чудовищные ноги, вооруженные когтями: тогда он вверяет себя Богу, и внезапно, при громе, оказывается брошенным на землю полумертвым; что касается носильщика-монаха, он исчез. Там некий итальянский дворянин, возвращаясь с похорон друга, останавливается в гостинице и ложится, удрученный горем. Но когда он собирается заснуть, он видит, как в его комнату входит друг, которого он видел преданным земле тем же утром: он зовет его, расспрашивает; другой, не произнеся ни слова, раздевается и ложится рядом с живым, который содрогается и испускает крик при ледяном прикосновении мертвеца; тот смотрит

на него тогда с упреком и печалью, затем встает с кровати, одевается и покидает комнату, стеная. Алессандро Алессандри, занесший этот факт в свою книгу по юриспруденции, разве сам не имел видений? Великий реформатор Меланхтон, который философски боролся с Суевериями папизма, разве тоже не свидетельствовал о реальности явлений, когда рассказывает, что тетка его отца, овдовев, увидела однажды вечером своего покойного мужа в сопровождении призрака в одеянии францисканца, входящего в дом, садящегося рядом с ней, говорящего ей смутно о священниках и мессах и касающегося её руки, которая после этого долго оставалась черной.

Обычно видение рассматривалось как предзнаменование несчастья, если не смерти, ибо предполагали, что человек в момент ухода из мира живых находится в непосредственном общении с миром духов и должен тогда более чем когда-либо сопротивляться иллюзиям ада. Отсюда эта традиция, привязанная к нескольким знатным домам, в которых появление призрака всегда возвещало кончину главы или одного из членов семьи. Так, когда Лузиньяну надлежало умереть, фея Мелюзина, наполовину женщина, наполовину змея, появлялась в течение трех ночей подряд на донжоне замка Лузиньян в Пуату и издавала жалобные стоны, которые до сих пор имеют отголосок в поговорке крик мелюзины. Когда дому Тортелли в Парме предстояло потерять одного из своих детей, в больших залах замка появлялась малень-

кая столетняя старушка, сидящая на корточках под камином. Когда канонику капитула кафедральной церкви Мерзебурга в Саксонии приходило время умирать, за три недели до того, как он должен был быть призван к Богу, в хоре в полночь поднимался странный шум, и невидимая рука ударяла кулаком по скамье того, кому суждено было умереть: сторожа церкви делали мелом отметку на этой скамье, чтобы узнать её, и на следующий день они предупреждали капитул, который тут же готовил похороны и погребение, в то время как предназначенный каноник готовился к смерти.

Некоторые видения или явления, еще лучше засвидетельствованные, которые также рассматривались как яркие предзнаменования будущего, как небесные предупреждения или адские угрозы, иногда поражали оцепенением и смятением всех жителей города или королевства. Это было неизбежным преддверием какого-либо великого события, которое почти не заставляло себя ждать. Пьер Буастуо, Франсуа Бельфоре и другие наивные компиляторы XVI века собрали шесть томов этих Histoires prodigieuses (Париж, 1597—98, 6 томов in-16, с иллюстрациями), и тем не менее они далеко не исчерпали материал. Так, они ничего не сказали об ужасном шуме, который происходил в воздухе вокруг Лувра в течение семи ночей после ночи святого Варфоломея: слышали хор кричащих, стонущих и воющих голосов, смешанных с другими неистовыми, угрожающими и богохульными голосами, всё подобное тому, что слышали в ночь резни; но они

не преминули забыть чудеса, сопровождавшие главные периоды реформации Лютера. В 1500 году близ Саверна, города в Эльзасе, видели в воздухе гигантскую голову быка, между рогами которой сияла большая звезда; в том же году город Люцерн был угрожаем огненным драконом, ужасным на вид, длиной не менее двенадцати футов, который летел с востока на юг; в 1514 году всё герцогство Вюртембергское было зрителем трех солнц, каждое из которых имело отпечаток мечи, красной от крови; в 1517 году монахи одного саксонского аббатства заметили в рождественскую ночь большой рыжеватый крест, пересекавший небо; в 1520 году в Вене в Австрии в течение нескольких дней видели три солнца и три луны с множеством радуг (ничего не было более частым в ту эпоху, чем одновременное появление трех, четырех и даже семи солнц); в 1530 году, в момент, когда готовилась Шмалькальденская лига, видели в воздухе отряд вооруженных всадников и крестьян, фонтан, фигуру человека, черпающего воду, и дракона; в 1532 году по всей Германии видели в воздухе пролетающие стаи летающих драконов, которые не были журавлями, поскольку имели свиные морды и носили королевские короны; в том же году близ Инсбрука видели в воздухе орла, преследуемого верблюдом, волком и львом, которые извергали пламя; в 1534 году жители Швица в Швейцарии видели в облаках в полдень разворачивающуюся длинную вереницу картин и аллегорических образов; в 1538 году на горизонте в разных местах Баварии про-

исходило яростное сражение пылающих людей, в то время как на востоке поднималась большая кровавая звезда, с которой свисало знамя; в 1541 году Тургау весьма встревожилась, увидев луну, разделенную белым крестом; в 1545 году вся Силезия была свидетельницей блестящего зрелища, представленного небом, где сражались две армии под командованием льва и орла – эти сражения воздушных армий тогда повторялись столь часто, что небесные поля битв, казалось, пили больше крови, чем земные, и иногда даже эта кровь падала дождем на головы любопытных; в 1549 году бюргеры Брауншвейга были немало удивлены, увидев ночью три луны над своими головами, с бесконечным количеством других, более странных вещей: льва и орла из огня, портрет герцога Саксонского, создание Евы и т. д. Бывало и хуже, когда пророческое видение обретало плоть и становилось материальным фактом; не говоря уже о дождях из крови, камней, пшеницы, лягушек, которые еще не раскрыли тайну своего происхождения, часто можно было пальцем потрогать устрашающее диво, изменявшее течение законов природы и обвинявшее её причудливые фантазии во всемогуществе; видение было уже не на небе, а на земле. Вот, например, как были возвещены гибельные войны поляков против турок и русских: 8 сентября 1623 года, в праздник Рождества Богородицы, в Висле близ Варшавы поймали чудесную рыбу длиной 35 футов, шириной в четыре локтя, высотой и толщиной в десять, с человеческой головой, увенчанной диадемой

и тремя тройными крестами, с кровавым крестом, выходящим из её рта, но имевшую только две ноги, одну орлиную и одну львиную, несущую на спине артиллерийское орудие и запас ядер, всю утыканную копьями, прикрепленными к её бокам вместо плавников, всю увешанную девизами и эмблемами, такими как папские ключи накрест, череп, окруженный четками, мечи и пистолеты, изображенные на её брюхе и на её раздвоенном хвосте, который, казалось, был составлен из дротиков и горящих копий. Польские истории сохранили нам подробное описание этой знаменитой рыбы, которая была срисована с натуры и обещала более ужасных событий, чем будущее могло сдержать.

Если же какой-нибудь ученый осмеливался предложить, дрожа, естественное объяснение этим явлениям, приписывая их испарениям, отражениям, причинам чисто физическим и, особенно, невежеству, легковерию народа, тысяча голосов протестовала против объяснений, предоставленных наукой, еще нерешительной и робкой: «Что касается меня, – говорил добряк Симон Гулар в своих Histoires admirables et mémorables, – я полагаю, что большая часть подобных знамений создана и образована Самим Господом Богом или Его святыми Ангелами, которые, из любви к роду человеческому, представляют нам перед глазами посредством таких образов весьма ясное изображение и последовательность событий». Гулар был кальвинистом, и он не хотел придавать слишком большое значение роли демона в подобного рода

видениях; однако он добавляет: «Дьяволы иногда прилагают руку к таким делам». Народ охотно был этого мнения; что касается католической Церкви, которая не имела в этом вопросе никакого интереса, она избегала высказываться и предоставляла каждому толковать по своему усмотрению торжественные наставления, которые эти небесные или дьявольские чудеса предлагали людям.

Мы уже сказали, что Церковь поражала особенно своими порицаниями и анафемами те Суеверия, которые касались более существенно догмата, духа и формы одного из семи таинств алтаря; ибо Церковь, снисходительная или слепая к тем Суевериям, которые создавало или защищало наивное благочестие верующих, поняла, что таинства не могут допускать никакой суеверной и идолопоклоннической примеси, под угрозой скомпрометировать самый принцип католической религии. Вот почему богословы и казуисты старались выявлять и искоренять эти Суеверия, подрывающие религиозный закон и тем более опасные, что они стремились поставить себя под защиту таинства и действовать заодно с ним. Мы пройдемся в обзоре по большинству из тех, которые были отнесены церковной властью к числу посягательств и грехов против таинств.

I. Таинство крещения, первое и, согласно принятому выражению, вводящее в шесть других таинств, дало повод к некоторым Суевериям, которые считались еретическими с самого основания Церкви. Во времена святого Дионисия

Александрийского было довольно распространенной ересью заменять крещение евхаристией, которая не имеет действия против первородного греха без благодати крещения. Эта ересь естественным образом должна была иметь хождение в эпоху, когда крестили столько же обращенных в христианство взрослых, сколько и детей, рожденных в лоне новой религии; поэтому старались уклониться от трудной церемонии крещения, которое совершалось погружением в купель. По этой причине, без сомнения, новообращенные, которые достигали священства и даже епископства, не будучи крещеными, были склонны утверждать, что рукоположение заменяет крещение, хотя соборы и постановили, что ничто не может заменить это таинство. Изобретательная родительская нежность набожных родителей выдумала сделать ему своего рода компенсацию на случай, если ребенок умрет при рождении или в утробе матери: часто видели, как муж и жена, когда та была беременна, призывали так называемое крещение Святым Духом в пользу своего будущего потомства. Видели также, и еще чаще, как беременные женщины причащались с намерением за свой плод, веря, что он вместе с ними приобщается крови Иисуса Христа. Это Суеверие сохранилось у эфиопов, как рассказывал в XVI веке епископ Загазабо, посол короля Эфиопии в Португалии. Души детей, умерших без крещения, не спасались, по мнению докторов Западной Церкви, хотя мать во время беременности и получала отпущение грехов и даже таинство евхаристии.

Святая вода, которая служит для крещения, дала материал для множества Суеверий и многих суеверных опасений. Следовало ли употреблять холодную или теплую воду? Дозволялось ли пользоваться горькой, соленой, зловонной, мутной, грязной водой, окрашенной какой-либо естественной или случайной причиной? Соборы и декреталии были согласны в том, что качество воды безразлично, при условии, что эта вода действительно была водой. Добрый папа Стефан II даже постановил, что вино, за отсутствием воды, может быть употреблено для крещения, и это в силу неотразимого аргумента, что всякое вино более или менее смешано с водой, но Церковь отменила это бакхическое решение. Что касается крещений, совершаемых другими жидкостями, такими как ароматические воды, хлебные напитки, лимонный, апельсиновый или гранатовый сок, масло, молоко, моча, они были во все времена объявлены недействительными, или идолопоклонническими, или нечестивыми. Не допускалось также крещение, совершенное песком или землей в серьезных обстоятельствах, когда воды абсолютно не было. Нужно было иметь настоящую воду и не употреблять её для крещения иначе, как после надлежащего освящения.

Нельзя поверить, сколько интерполяций вкралось в таинственные слова крещения, каждый пытался сделать их более действенными или лучше применить к собственной ситуации; но Церковь отвергала эти неортодоксальные варианты в Суеверие излишнего культа. Дозволялось отцу и матери

крестить своих новорожденных детей в смертельной опасности, но не изменять и не искажать намеренно формулу таинства; это намерение не извиняло факта, и добавление имени Девы или какого-либо святого к именам трех лиц Троицы составляло случай Суеверия, если не недействительность крещения. Выбор дня для совершения этого таинства казался достаточно важным, чтобы его установить общим образом в каждой стране; сначала крестили только в определенные дни, особенно в главные праздники; но позже Западная Церковь провозгласила, что все дни хороши для совершения крещения. Тогда-то предпочтения родителей проявились суеверным образом: одни не хотели крестить ребенка раньше сорока дней после его рождения, если это был мальчик, и восьмидесяти дней, если это была девочка; другие требовали, чтобы мать была очищена; некоторые думали, что крещение не имеет действенности до восьмого дня и т. д. Суеверие было гораздо серьезнее в первые века Церкви, когда христиане, чтобы не утратить выгод этого возрождающего таинства, ждали как можно дольше и получали его иногда одновременно с елеосвящением. «Насмехаться над Богом», – говорил по этому поводу святой Августин, – отдавать ему последние годы своей жизни после того, как первые были отданы демонам».

Не довольствовались крещением живых детей, крестили также мертворожденных, выкидышей и нежизнеспособных уродов. Церковь тщетно запрещала и проклинала эти

бесполезные или недостойные крещения, которые доходили до произнесения таинственных слов и изливания освященной воды на куски бесформенной плоти и на остатки плаценты; всегда находились священники, готовые закрыть глаза и освятить это Суеверие, извиняемое материнской и отцовской любовью. Один архиепископ Лионский (д'Эспиньяк) в середине XVI века констатирует этот факт в собрании синодальных статутов своей епархии: «Есть некоторые простые женщины, которые приносят в церковь выкидыши, храня их там несколько дней, чтобы узнать, не явится ли им чудесным образом какой-либо знак или проявление чувства и жизни, желая каким-либо излиянием крови или иным способом склонить священника или викария к тому, чтобы их крестили». Этот запрет крестить мертвого ребенка мотивировал также и тот, что не позволял крестить на руку, ногу или какую-либо другую часть ребенка, когда он начинал выходить из чрева матери.

Крещение животных мертвых или живых составляло факт преступного Суеверия, и виновными в нем были почти исключительно колдуны. Они крестили таким образом для своих злых чар собак, кошек, свиней и жаб. Читаем в Rosier historial, что в 1460 году священник из Суассона по совету колдуньи крестил жабу под именем Иоанн и дал ей съесть гостию; после чего он составил из мяса этого странного неофита яд, с помощью которого умертвил своих врагов. Светская власть брала на себя наказание подобных Суеверий. Колду-

ны заставляли крестить также восковые, глиняные или металлические изображения, магические книги, филактерии и талисманы через посредство священника в епитрахили, с зажженной свечой в левой руке и в правой руке – кропилом из травы зверобоя. Немилосердно сжигали авторов и соучастников этих нечестий. Что касается церемонии, которую народ еще называет крещением колокола, это простое благословение, которое Церковь взяла под свой надзор, чтобы помешать народу примешивать к нему слишком суеверные практики. Это освящение колоколов, по-видимому, не восходит далее XIV века. Благословляли также дома, церкви, корабли, но не крестили их.

Суеверия, окружавшие рождение ребенка, предшествовавшие или следующие за крещением, были бесчисленны; Церковь терпела и одобряла некоторые из них, как молитвы и молебны святой Маргарите, хотя и не известно точно, кто эта блаженная покровительница рожениц; как пояс и свеча этой святой Маргариты; как заклинания над женщинами в родах; но она порицала тех, кто окунал в холодную воду ноги и руки новорожденного, чтобы сделать его нечувствительным к холоду; кто тер его губы золотой монетой, чтобы сделать их алыми; кто раскаленным железом накладывал на его тело знак креста; кто брал в крестные отцы и матери первых встречных бедняков, приведенных случаем на перекресток дороги или на порог дома; кто наряжал ребенка великолепно для представления к крещению; кто вел его к купели под

звуки музыкальных инструментов и колокольный звон; кто давал ему суеверное или мирское или смешное или дьявольское имя; кто давал ему несколько имен – папа Александр VII дал тринадцать имен одному из своих племянников, которого сам крестил; кто заставлял его принять сразу после крещения миропомазание и причастие; кто носил его на алтарь или в кабак, чтобы его крестные отец и мать выкупили его за деньги; кто предавался неумеренным пиршествам в день крещения; кто поил крещеного ребенка освященным вином и т. д. Однако, несмотря на запреты и угрозы Церкви, народ всё же упорствовал в этих суеверных практиках, которые, казалось, были связаны с самим актом таинства; он воображал, что, если не звонить в колокола, крещеный ребенок мог стать глухим или потерять голос, и что здоровье этого ребенка зависело особенно от возлияний, которыми будет облито его крещение.

Наконец, очищение матери после родов должно было происходить лишь через сорок дней после её разрешения от бремени; это очищение, заимствованное из иудаизма, иногда совершалось через посредство повитухи, заменявшей роженицу, когда та была больна или умерла. В последнем случае обычай некоторых приходов требовал, чтобы церемония очищения совершалась над гробом умершей, которая иначе не могла бы получить святой воды и не могла бы войти оскверненной и нечистой в рай. Впрочем, женщина, прежде чем быть очищенной, оставалась в бездействии в своем хо-

зяйстве и воздерживалась прикасаться к пище, которую её прикосновение сделало бы нечистой. Это было воспоминанием об иудейских обычаях.

II. Таинство миропомазания, которое Церковь называет совершенством крещения и которое Кальвин рассматривал как Суеверие, изобретенное дьяволом, не давало абсолютно столько же поводов к суеверным Верованиям, как крещение. Миро, которое есть сама материя миропомазания, состояло у греков и у латинян из разных ингредиентов: масло и бальзам составляли основу, но туда добавляли больше или меньше ароматических веществ и душистых трав: священник освящал эту смесь, дуя на нее, произнося слова благословения и простираясь ниц перед своим творением. Поэтому еретики говорили, что это миро есть не что иное, как заклинание и профанация. Колдуны использовали его для своих злых чар. Суеверие приписывало сверхъестественную силу этим святым елеям, в которых верили, что личность Святого Духа заключена, как личность Иисуса Христа в евхаристии. То смазывали миром преступника и заставляли его выпить несколько капель, чтобы заставить его признаться в преступлении; то помазывали миром губы женщины, чтобы внушить ей любовь. Иногда в магических заклинаниях это миро употреблялось для ужасных профанаций. Поэтому очень сурово наказывали священников, которые продавали или раздавали вне святилища малейшую частицу святого елея: Турский собор в 812 году постановил, что им от-

рубят кисть руки.

Другие Суеверия, относящиеся к миропомазанию, были менее серьезны: мало значило, в самом деле, получил ли новообращенный подарок от своих крестных отца и матери или нет; был ли он миропомазан натощак или после еды; носил ли он в течение трех дней повязку, покрывавшую его чело, отмеченное печатью миропомазания; умывал ли он лицо лишь на шестой или восьмой день и т.д.; но было святотатством повторять миропомазание; было Суеверием не подчиняться церемонии пощечины, которая едва ли восходит далее XIV века, предпочитать один день другому для совершения этого таинства и запасаться двумя крестными отцами и двумя крестными матерями для этого нового крещения, в котором можно было менять имя или по крайней мере брать второго покровителя. Малое число Суеверий, касающихся этого таинства, доказывает, что народ признавал за ним лишь посредственную важность на земле и на небе.

III. Таинство евхаристии, напротив, более, чем все другие, было предметом и причиной множества Суеверий, которые Церковь всегда преследовала и сурово осуждала; ибо евхаристия есть фундаментальный догмат христианства. В первые века религии Христа этот догмат постоянно был мишенью для атак схизматиков и еретиков, которые старались внести в него какое-нибудь новое Суеверие. Мы не будем пытаться перечислить и описать самые причудливые, самые преступные из этих примитивных Суеверий относительно веще-

ства евхаристического хлеба. Трудно поверить сегодня, что для составления этого хлеба ангелов артотириты замешивали муку с сыром; кафаристы – муку с человеческим семенем; монтанисты или катафригийцы – муку с кровью ребенка и т. д. Этим гнусным или смешным безумствам противодействовали, преподавая причастие под двумя видами. Соборы позже постановили, что тело Иисуса Христа находится столь же в квасном хлебе, как и в пресном, в маленькой облатке, как и в большой, в сухой облатке, как и в облатке, размоченной в вине, наконец, в частице облатки, как и в целой облатке. Несмотря на эти решения, народное легковерие всегда озабочивалось составом, формой и размером облаток. Можно приписать благочестию духовенства изобретение некоторых чудес, имевших целью исправить в этом отношении ошибочные Верования народа. Рассказывают, что в XIV веке один немецкий рыцарь по имени Освальд Мульзер, чтобы отличаться от простолюдинов, хотел причащаться только облаткой самого большого размера; но едва он положил её в свой рот, который тоже должен был быть весьма велик, как почувствовал, что почва уходит у него из-под ног, и он упал в яму, как будто его собирались похоронить заживо: ему пришлось выпустить облатку, которую подняли окрашенной кровью и которую еще сто лет назад показывали в ризнице Зефельда в Тироле. Набожные не без труда отказались от больших облаток и придумали заменять их несколькими, которые проглатывали подряд в надежде сразу

получить больше благодати: это утонченное суеверное благочестие весьма ценилось в женских монастырях, которые находили исповедников, полных снисхождения к этим благочестивым фантазиям.

Практики культа, впрочем, часто менялись в зависимости от мест и времен, так что Церковь в конце концов отвергла и стала бороться как с суеверными и предосудительными те, что она сначала допускала как ортодоксальные. В VII веке причащались безразлично молоком или даже водой вместо вина, виноградными ягодами вместо хлеба; погребали мертвых с облаткой на груди; брали неосвященные облатки в качестве лекарств, чтобы остановить рвоту, кровотечения, судороги, колики и прочее. Эти неосвященные облатки употреблялись вплоть до XVI века для излечения лихорадок и желтухи, для приготовления приворотных зелий и талисманов. Вино, служившее для жертвы мессы, также отвлекалось от своего святого употребления и применялось для мирских Суеверий: его пили как универсальную панацею; смешивали его с чернилами для написания и подписания политических актов и частных договоров. Верили, что тем самым делали их несмываемыми. Так была подписана мир, заключенный около 854 года между Карлом Лысым и Бернаром, графом Тулузским. – Pace cum sanguine eucharistico firmata et obsignata (Мир, утвержденный и скрепленный евхаристической кровью), говорит Имбер, историк-современник. – Так папа Теодор I подписал отлучение Пирра, главы

монофелитов, на соборе, собранном в Риме в 648 году.

Древние соборы решительно выступали против причастия, которое преподавали мертвым; ибо мертвые не могли ни взять, ни проглотить облатку. Законы поражали с ужасающей суровостью колдунов или неверующих, которые причащали животных. Те не охотно поддавались этому нечестию; ибо святой Антоний Падуанский, чтобы убедить одного еретика, предложил облатку мулу, который постился уже три дня, и мул, вместо того чтобы взять её, стал на колени, опустил голову и поклонился таинству. Мы видели, что жаба была менее почтительна, когда один отвратительный колдун заставлял её причащаться в магической мессе; это потому, что дьявол тогда вселялся в тело жабы. Джовиано Понтано в пятой книге Историй своего времени рассказывает о причастии еще более нечестивом по торжественности, которую ему придали. Жители Суэссы, осажденные королем Неаполя и испытывавшие недостаток воды, готовы были сдаться. Они привели осла к дверям своей церкви, пропели ему Requiem, сунули ему в пасть освященную облатку, дали благословение и закопали его живьем перед порталом. Едва эта ужасная церемония была завершена, как небо открылось потоками и наполнило водой колодцы и цистерны, отчего король Неаполя снял осаду с города. Легенда, однако, приводит несколько назидательных примеров животных, которые слушали мессу и становились на колени в момент возношения, не оскверняя таинства Евхаристии.

Сами христиане не были способны принимать причастие во всякое время: его отказывали женщинам во время месячных, некрещеным детям, безумным и бесноватым. Поза причастника не казалась безразличной декреталистам, которые запрещали причащаться сидя, лежа или стоя; но они не требовали, как думали, чтобы причастник закрывал глаза, или сжимал руки на груди, или спал несколько часов перед тем, как подойти к святой трапезе, или проглатывал прежде кусок освященного хлеба; они не препятствовали есть, пить, кашлять, плевать, ходить босиком, работать после причастия в течение всего дня. Что касается причащения себя самого, когда не имели права служить мессу, для этого нужно было быть уполномоченным епископом или папой. Мария Стюарт в своей тюрьме, где ей отказывали в помощи священника, имела шкатулки, полные освященных облаток, которые её сторонники тайно передавали ей; но она причащалась лишь раз в день и одной облаткой за каждое причастие. Едва ли только колдуны обладали облатками и злоупотребляли ими вне церквей. Отец Нидер в своем трактате под названием Formicarii рассказывает, что один гнусный священник развратил трех женщин, которых заставлял обнажаться, чтобы дать каждой из них причастие по пятьдесят раз в день. Известно, сколько ужасных святотатств совершалось прежде с освященными облатками, которые причастники тайно извлекали изо рта, чтобы употребить их в преступных целях. Все Средневековье откликалось чудесами, кото-

рыми Иисус Христос протестовал бы против этих оскорблений, нанесенных, так сказать, Его плоти и крови. Самое знаменитое из этих чудес – чудо Билетт. Один иудей, живший на улице Жарден в Париже в 1290 году, распял и замучил облатку, которую принесла ему одна католичка, выходившая от святой трапезы: облатка, вся окровавленная, взлетела и держалась в воздухе на глазах у её палача, который был разорван на куски возмущенным народом. – См. в этом сочинении главу об ИУДЕЯХ г-на Деппена. – Можно было бы привести множество других аналогичных фактов, которые не более достоверны. По свидетельству Цезария Гейстербахского, один бесстыдный священник, который хотел удержать облатку во рту, чтобы развратить женщину, которую любил, вдруг почувствовал, как эта облатка расширяется и растет так, что он был вынужден выплюнуть её, прежде чем покинуть церковь: он закопал её в уголке под кучей пыли; но угрызения совести заставили его объявить о своем преступлении, и на месте облатки нашли маленькую фигурку из плоти, прикрепленную к кресту и всю покрытую кровью. Эти профанации облаток не всегда имели чудесный исход. Томас Боссий сообщает, что в 1273 году одна женщина из Марки Анконы в надежде заставить полюбить себя своего мужа, который её не любил, унесла домой облатку, которую получила у алтаря; один крестьянин, огорченный бесплодием своих пчел, сделал вид, что причащается, и пошел спрятать облатку в один из своих ульев; другой, чтобы убить гу-

сениц, пожиравших его овощи, разделил облатку на маленькие кусочки и рассеял их в своем огороде. Это были Суеверия, которые внушал дьявол и от которых он, без сомнения, получал пользу.

Евхаристия служила предлогом для менее винных Суеверий, с которыми духовенство часто соединялось в мало просвещенных местностях по невежеству или слабости. Здесь во время ураганов открывали дарохранительницу и обносили Святые Дары вокруг церкви; там приносили Святые Дары, чтобы остановить пожар, наводнение или какое-либо другое стихийное бедствие; часто бросали облатки в воду или в пламя, чтобы овладеть ими; в других местах приносили клятву на святой дароносице. Это были практики тщетного соблюдения, которые не уменьшали уважения, должного таинству. Не то было с процессиями, сопровождаемыми мирскими, шутливыми или смешными зрелищами, которые странно контрастировали со святостью евхаристии, выставляемой таким образом посреди маскарадов и шутовства. Такова была знаменитая процессия на праздник Тела Христова в Экс-ан-Провансе, которую добрый король Рене позаботился урегулировать и организовать, введя в неё фигуры принца влюбленных, короля сутяг, аббата кабатчиков, аббата старьевщиков и множество других аллегорических персонажей, столь же мало ортодоксальных. Праздник Тела Христова и выставление Святых Даров в Средние века почти везде имели паразитическое окружение церемоний, которые

часто напоминали пышность языческих празднеств и не вызывали никакого скандала в народе, привыкшем участвовать в них с своего рода благочестивым энтузиазмом.

Эти зрелища, эти переодевания, эти пляски, которые терпели даже в церквях и которые, так сказать, смешивались там с культом, становились нечестивыми и святотатственными, как только они, казалось, вступали в противоречие с практиками религии. Так, Хроника Нюрнберга (Liber Chronicarum mundi, автор Гартман Шедель) рассказывает, что около 1025 года в одной деревне Магдебургского епископства восемнадцать мужчин и пятнадцать женщин, начав плясать и петь на кладбище во время служения полуночной мессы в праздник Рождества, были отлучены священником, служившим эту мессу; так что бедные отлученные продолжали петь и плясать без передышки в течение целого года; и за время этого странного покаяния они не получали ни дождя, ни росы; не испытывали ни голода, ни усталости; не изнашивали ни своей одежды, ни обуви. Когда епископ Магдебургский освободил их от отлучения, некоторые умерли, другие спали тридцать ночей подряд без пробуждения, и у некоторых сохранилось нервное дрожание во всех членах.

Жертва мессы, которая была урегулирована и установлена в мельчайших деталях столькими соборами, была во все времена как бы ареной, открытой для самых странных и самых преступных Суеверий. Так, колдуны заказывали так называ-

емую мессу Святого Духа на козлиной шкуре, окропленной святой водой, на испеченном или сыром тесте, на шпанских мушках, на костях мертвецов, на облатке, уколотой булавками, и т. д. В истории оккультных наук увидим, что представляла собой месса шабаша, где дьявол царил нераздельно. Церковь была снисходительнее к некоторым суеверным мессам, которые были последовательно изъяты из миссалов после того, как занимали место в католической литургии. Таковы были мессы святого Аматора и святого Винсента, Пятнадцати Помощников, Вечного Отца, Тридцатидневная святого Григория, Пяти Ран, Гвоздей, Копья и Образа Господа нашего; Зуба, Крайней плоти, Пуповины и Бесшовной Ризы Иисуса Христа; Святого Плаща и святой Вероники; Святой Слезы, Одиннадцати тысяч Дев, Розария и т. д. Каждая из этих месс, которым Лютер и Кальвин вели ожесточенную войну, имела свое происхождение в каком-либо Суеверии легенды и более или менее зависела от соблюдения излишнего культа. Мы отдельно рассмотрим подробно мессу Осла и мессы праздника Диаконов, Царей, Дураков и Невинных, собрав любопытные следы этих нравов и обычаев язычества. Церковь, которая терпела периодическое возвращение подобных сатурналий, абсолютно осуждала, под страхом отлучения, сухие мессы, то есть без освящения и без причастия, и мессы с несколькими ликами или главами, то есть те, в которых два, три и даже четыре раза возобновляли жертву вплоть до оффертория, так чтобы одно освящение

могло служить для нескольких месс и доставляло таким образом служащему экономию времени и увеличение платы: это наивно называлось enter des messes (вставлять мессы). Что касается сухой мессы, её называли также морской мессой (nautica) и охотничьей мессой (venatica), потому что её специально придумали для моряков и охотников. Пропуск какой-либо части литургии в чине мессы или введение какой-либо прозы, какой-либо литании, какого-либо чтения, не одобренных канонами Церкви, составляло случай Суеверия или излишнего культа.

Верующие, которые слушали мессу или покупали мессы для себя, часто грешили Суеверием; одни приводили своих больных собак и лошадей в церковь, особенно в капеллы Святого Петра, Святого Губерта и Святого Дионисия, чтобы приложить к их тела ключи от этих капелл или прочитать над их головами евангелия; другие заказывали чтение евангелий для себя самих, то держа потухшую свечу, то поднимая правую ногу в воздух, то пряча подбородок в правую руку, то в определенные часы вечера или утра, и это для избавления от парши или дизентерии, для исцеления ребенка или отсутствующего лица и т. д. В некоторых местностях клали на алтарь во время мессы лошадиные гвозди, которые должны были помешать подкованным лошадям оставаться хромыми; в других церквях в день Пасхи благословляли ягненка перед алтарем во время оффертория; в деревнях еще недавно приносили к мессе молоко, мед, сидр, варе-

нье, птицу, дичь, фрукты или овощи. Это было воспоминанием об иудейском приношении; братства подносили освященный хлеб, окруженный лентами и эмблемами, под звуки скрипок, флейт и музыкальных инструментов; стрелки из аркебуз производили в церкви залпы из мушкетов; что, будучи суеверным, не мешало быть общепринятым с согласия кюре и церковных старост.

Суеверия, относящиеся к определенным моментам мессы, были сформулированы казуистами. Вот некоторые из тех, что касаются Sanctus: 1) подбирать с земли во время Sanctus мессы веточки освященного самшита и настаивать их в воде для исцеления от колик или боли в желудке; 2) держать рот открытым во время Sanctus заупокойной мессы, чтобы уберечься от укуса бешеных собак; 3) носить на себе Sanctus, написанный на девственном пергаменте, для удачи в рыбной ловле; 4) класть два стебелька крест-накрест во время Sanctus, чтобы найти потерянные вещи. Вот теперь некоторые другие Суеверия, не менее странные, которые касаются возношения: 1) читать Отче наш наоборот во время возношения, против зубной боли; 2) повторять три Ave между возношением тела и крови Иисуса Христа, против дурных снов и ночных видений; 3) закапывать три булавки или иголки во время возношения, против боли в горле или кровотечения; 4) сразу после возношения вешать себе на шею кость мертвеца, против лихорадки; 5) оставаться сидящим во время возношения, чтобы выиграть в азартные игры, и т. д.

Полунощница, заупокойная месса и другие мессы, разрешенные ритуалом, имели каждая свои особые Суеверия. Те, что относятся к полунощнице, еще большей частью в ходу у сельских жителей. Поили лошадей и скот по возвращении с этой мессы, чтобы исцелить их или уберечь от болезней; носили на себе кусочек освященного хлеба от полунощницы, чтобы никогда не быть укушенным бешеным псом; пастух, который первым подходил к приношению во время этой мессы, должен был в тот год иметь самых красивых ягнят в округе, и т. д. Заупокойные мессы были особенно неиссякаемым источником суеверных практик не только со стороны верующих, но и со стороны священников и кюре. Некоторые из последних по благочестию или по какой-либо другой причине служили только заупокойные мессы, как будто гроб стоял за их спиной; некоторые добрые христиане заранее заказывали в свою пользу и в своем присутствии заупокойные мессы, как будто они уже были в гробу. Число месс, которые служили за истинно умерших прежде, также давало повод к Суеверию, но Церковь находила в этом слишком много выгод, чтобы проявлять здесь большую строгость. Разве святая Гертруда не советовала служить сто пятьдесят месс за мертвых и причащаться сто пятьдесят раз с намерением за одного усопшего? Поэтому мало значило, что согласно некоторым суеверным традициям, исходящим от язычества, заказывали семь заупокойных месс; что на этих мессах зажигали семь свечей; что раздавали семь милостынь после каждой

мессы; что читали семь Отче наш и семь Ave и т. д. Но если, чтобы умертвить кого-либо, служили или заказывали заупокойную мессу перед восковым изображением, то навлекали на себя наказание петлей или костром; что не помешало лигерцам в 1589 году помещать на алтарь в нескольких приходах Парижа подобные восковые изображения с подобием короля Генриха III и колоть эти изображения иголками во время заупокойной мессы, чтобы вымолить у неба или ада смерть этого короля. Мессы за мертвых не должны были иметь иной цели, кроме как извлечь душу из чистилища или сократить искупление её грехов. Было поэтому Суеверием заказывать эти мессы за осужденных, отлученных, еретиков, рецидивистов и некрещеных: весьма трудно было найти священника, который согласился бы служить мессы, даже оплаченные вдвойне, за человека, убитого на дуэли или умершего при совершении преступления. Однако церковные писатели приводят множество примеров осужденных, которые вышли из ада по заступничеству святых и по заслугам Иисуса Христа. Самая знаменитая из этих легенд – легенда об императоре Траяне, этом великом языческом философе, которого святой Григорий Великий сумел освободить от вечной пропасти, крестив его после смерти. Вот почему Церковь в своих заупокойных службах молится за мертвых вообще и предоставляет Богу заботиться о применении этих молитв к кому следует. Были, однако, привилегированные капеллы и алтари, где, в память о некоем чуде и в силу некоторых бреве,

заупокойная месса, отслуженная в такой-то день и в такой-то час, неизбежно выпускала душу из чистилища в момент возношения. Это привилегия, которую до сих пор сохраняет подземная капелла Санта-Кроче-ин-Джерусалемме в Риме. Рассказывают по этому поводу, что дьявол лично несколько раз являлся, чтобы купить мессы от имени какого-нибудь великого злодея или отвратительного атеиста, умершего в состоянии отлучения, и это с злобным намерением противодействовать привилегии алтаря и смутить совесть священника. Можно было, впрочем, получать мессы за всякого, кто был погребен на освященной земле с церковными обрядами: ибо Церковь считалась принявшей в своё лоно всех мертвых, которых она почтила своими молитвами. Именно чтобы избежать скандала подобной ошибки, тело злой колдуньи, которую осмелились представить перед алтарем, было вытащено из гроба и унесено дьяволом на фантастическом коне, который исчез в воздухе. Это случилось в Англии около 1034 года, согласно Хронике Нюрнберга, которая уверяет, что крики колдуньи еще слышали за четыре лье от места.

Священник часто сам был затронут и уличен в Суеверии, если служил более одной мессы в день, если брал плату за одну и ту же мессу с двух или трех разных лиц, если пользовался квасным хлебом и деревянной чашей, если засыпал во время жертвы, если надевал две епитрахили вместо одной, если носил облачения, сделанные из тканей, прежде употреблявшихся для мирских целей, если умышленно пре-

небрегал освящением облатки, если касался облатки нечистыми руками, если выпивал стакан вина или съедал засахаренный орех перед восхождением на алтарь, если восходил на него с мечом на боку, в сапогах со шпорами или же босой, и т. д. Но он не становился соучастником Суеверий, которым содействовал не ведая; ибо ему часто заказывали мессы, чтобы узнать, жив или мертв отсутствующий человек, чтобы добиться успеха предприятия или даже преступного деяния, чтобы найти потерянный или украденный предмет, чтобы открыть вора, чтобы иметь самые красивые стада и самые обильные урожаи, и т. д. Наконец, столько невероятных Суеверий смешивалось с жертвой мессы и таинством евхаристии, что некоторые еретики не колебались приписывать их изобретение дьяволу. Тот, как мы рассказывали выше, получал удовольствие от служения месс, но не утверждают, что он осмеливался присутствовать на них: он также требовал месс от живых, то под видом черного человека, то под видом призрака, то испуская жалобы и стоны, как душа в муках, то произнося ужасные угрозы. Никогда не было известно, какой интерес он мог иметь в этих мессах, вырванных легковерием или страхом.

IV. Таинство покаяния, помимо некоторых незаметных Суеверий, которые мог оценить лишь глаз опытного казуиста, породило более грубые, которые также были более распространены в народе. Верили в те чудеса, в силу которых мертвец исповедовался в смертном грехе, который препят-

ствовал ему войти в рай. Согласно Бонфинию, три года спустя после битвы при Никополе, где армия императора Сигизмунда была разбита турками, на поле битвы нашли отрубленную голову, которая открывала глаза и просила исповедника; согласно Фоме Кантипрэнскому, один нормандский вор, который постился по средам и субботам в честь Девы, был убит и обезглавлен своими врагами на вершине горы, так что его голова, скатываясь в долину, громко взывала к исповеднику; согласно Цезарию Гейстербахскому, один монах ордена цистерцианцев, умерший в отсутствие своего аббата, который обычно исповедовал его, специально вернулся следующей ночью искать исповеди, без которой он отправился бы прямо в ад; согласно нескольким французским хронистам XIV века, один каноник парижского собора Нотр-Дам, погребенный в хоре собора, в течение нескольких ночей подряд выбрасывался из своей могилы, пока не нашел исповедника, который избавил его от смертного греха, с которым он не мог покоиться в освященной земле. Иногда это был умерший исповедник, приходивший на помощь своему живому кающемуся; свидетель тому святой Василий, который, когда его несли в землю, стер исповедь одной великой грешницы, написанную в запечатанной бумажке и положенную на его тело; свидетель тому святой Иоанн Милостивый, который, приняв исповедь, дал по ней отпущение письменно после своей смерти и восстал из своей могилы, чтобы вручить записку, где это отпущение было подписано его рукой.

Пример самых великих святых не всегда был хорош для подражания: если святая Лидвина Голландская могла исповедовать грехи знаменитого злодея и получить отпущение за того, мать святого Петра Досточтимого была укорена и наказана за то, что исповедовала вместе со своими собственными грехами грехи своего покойного мужа; если святые исповедовались перед образами и реликвиями, Церковь допускала в случае абсолютной необходимости исповедь, сделанную мирянам, но не женщинам: так сеньор де Жуанвиль исповедовал коннетабля Кипрского, ожидавшего быть преданным смерти сарацинами: «Я дал ему такое отпущение, как Бог дал мне на то власть». Никогда нельзя было злоупотреблять таинством покаяния: Пьер Кантор приводит пример аббата Лонгпона, который каждый день возобновлял свою общую исповедь; блаженный Андрей Авеллинский исповедовался четыре и пять раз в день. Эти бессвязные исповеди были весьма в ходу в монастырях, особенно у монахинь, и иногда аббатиса присваивала себе право отпускать грехи.

Именно в индульгенциях Суеверие играло самую важную роль: индульгенции ложные и подложные; индульгенции неуместные и смешные; индульгенции тщетные и излишние. Однако все индульгенции были платными и часто весьма дорогими, и Церковь была заинтересована закрывать глаза на их злоупотребление; папа и епископы не всегда их одобряли, но зато и не часто их осуждали. Эти индульгенции были привязаны к молитвам, мессам, новеннам,

постам, процессиям, паломничествам, приношениям. Они иногда имели самое шутовское происхождение. Таковы были индульгенции Паука. Один кордельер из города Ле-Ман служил святую мессу: огромный паук упал в чашу; кордельер одним глотком проглотил паука и освященное вино. Он не умер от этого, и вскоре паук вышел весь живой из бедра монаха. Папа Урбан IV с тех пор разрешил братство и индульгенции Паука. Папа менее суеверный, Иннокентий XI, упразднил в 1678 году небольшую часть ложных и апокрифических индульгенций, имевших хождение в христианстве; среди этих индульгенций замечают те, что были дарованы Иоанном XXII тем, кто целует меру подошвы стопы Девы; те, что приписывались мере роста Иисуса Христа; те, что принадлежали братству святого Николая, посредством которых каждый день освобождали одну душу из чистилища, сказав пять Отче наш и пять Ave; так называемые индульгенции девяноста тысяч лет, скопированные со старой картины, находившейся в церкви Сан-Джованни-ин-Латерано, и т. д. Но было много других причудливых или неуместных индульгенций, о которых не говорилось в декрете Иннокентия XI, такие как индульгенции Приветствий всем членам Иисуса Христа, индульгенции Поклонения членам Пресвятой Девы, индульгенции Откровений святой Бригитты, индульгенции Молитвы святого Льва, индульгенции Пояса святого Франциска, и т. д. Эти индульгенции не ограничивались выкупом лет или веков чистилища: они предохраняли

от бурь, кораблекрушений, укусов змей или бешеных собак, внезапной смерти, чумы. Эти индульгенции были приложены к определенным четкам, определенным крестам, определенным медалям, определенным одеждам, которые следовало носить, – истинные Суеверия, заимствованные у язычества и сохранявшие еще явный характер идолопоклонства. Набожные, устрашенные продолжительностью мук чистилища, были не менее усердны в сокращении их с помощью индульгенций, которые обещали многое за малую цену. Церковь постановила поэтому, что кюре и аббаты будут давать только отпущение исповеданных грехов; что архиепископы и епископы будут давать индульгенции только на сорок дней; кардиналы – только на сто дней, и что папы ни в коем случае не смогут распространять свои индульгенции далее двух тысяч лет. Это было очень мало по сравнению с индульгенциями, которые нам известны из книги римских станций, напечатанной в 1475 году: когда показывали ключи святого Петра и святого Павла в базилике Сан-Джованни-ин-Латерано, римляне получали три тысячи лет индульгенций; итальянцы – шесть тысяч, иностранцы – двенадцать тысяч; когда выставляли Веронику в базилике Святого Петра, римляне, итальянцы и иностранцы получали индульгенции, подобные предыдущим; было двадцать восемь тысяч лет индульгенций для того, кто благочестиво поднимался по ступеням Святого Петра; семь тысяч лет – для того, кто посещал в Сан-Лоренцо камень, на котором этот святой был сожжен на решетке,

и т. д. В общем, один только праздник святого Матфея в Риме мог принести деятельному христианину сто пятьдесят девять тысяч двести девяносто два года и двадцать восемь дней индульгенций, точь-в-точь. Папство в Средние века и долго после Возрождения не имело лучших доходов, чем доходы от реликвий и индульгенций.

V. Таинство елеосвящения представляло меньше поводов для Суеверия из-за самых условий, в которых его совершали. Но так как для преподания этого таинства пользовались освященным елеем, то применяли этот елей для суеверных и мирских целей. Колдуны не преминули ввести его в свои заклинания и приворотные зелья. Что касается больных, получавших это таинство, обычного предвестника смерти, их страх еще увеличивался некоторыми тщетными Верованиями: они воображали, что помазания, сделанные на глазах, ушах, руках и ногах, будут иметь результатом в случае их выздоровления сделать их глухими, слепыми или парализованными; что эти помазания будут бесполезны перед Богом, если им предварительно не умыли лицо; что во время этой погребальной церемонии следует зажигать тринадцать свечей, ни больше, ни меньше, вокруг их постели; что после получения этого таинства они не смогут исполнять супружеский долг, есть мясо, ходить босиком. Есть основание удивляться, что это таинство, окруженное столь мрачным и торжественным обрядом, не вдохновило больше суеверных Верований; вот некоторые из них, которые Церковь тщетно старалась

искоренить. Почти повсюду верили, что елеосвящение неизбежно влечет за собой смерть и препятствует всякому исцелению; верили, что всякий, кто его получил, видит уменьшение своей природной теплоты, теряет волосы, становится более доступным греху, чем прежде, и не должен танцевать в течение года под страхом смерти; верили также, что пчелы погибают в лье вокруг дома, где совершается елеосвящение. Ужас, внушаемый последним моментом, не позволял, без сомнения, Суеверию извращать его печальные церемонии. Но как только напутствие выходило из церкви, предшествуемое крестоносцем и возвещаемое звоном колокольчика или трещотки, избегали попадаться на его пути, запирались внутри домов, чтобы не быть предназначенными к близкой смерти и даже чтобы не умереть вместо умирающего, который собирался получить последние таинства. Если нельзя было избегнуть роковой встречи с напутствием, обнажали голову, становились на колени с уважением и затем спешили войти в церковь, как бы для того, чтобы там испросить право убежища против смерти. Было поэтому неслыханным делом нечестие ватаги веселых товарищей, которые, плясавшие на деревянном мосту в Утрехте в 1277 году, пропустили Святые Дары, не прерывая своих плясок; но мост внезапно рухнул, и двести человек утонули в реке за то, что забыли, говорит Хроника Нюрнберга, воздать Богу подобающее ему поклонение.

VI. Суеверия, касающиеся таинства священства, скрыва-

лись, так сказать, в духовенстве и не доходили до народа. Миро, которое также служило для рукоположения, лишь иногда отвлекалось от своего назначения, как и все святые елеи, и применялось в магии, любви или медицине. Рассказывали разные легенды, которые питали скандальную хронику дурных христиан и еретиков, среди прочих забавная легенда о папессе Иоанне, легенды о некоторых проститутках, которые заставили себя посвятить в епископы и осмелились совершать таинства. Меньше скандализировались, видя в истории младенцев в пеленках, рукополагаемых в священники сразу после крещения и даже посвящаемых в кардиналы или епископы под гарантией папского бреве. Что касается мирян, выдававших себя за священников и исполнявших их функции без получения рукоположения, их беспощадно предавали светской власти и наказывали как идолопоклонников и святотатцев.

VII. Таинство брака естественным образом сохранило все языческие Суеверия, принадлежавшие брачным церемониям древности, и, кроме того, породило другие, которые более особенно были связаны с духом христианства. Одни предшествовали браку; любовь, любопытство и алчность, по словам одного казуиста, были их подстрекателями. Изобрели тысячу заклинаний, тысячу практик, тысячу суеверных уловок, чтобы внушить любовь: приворотные зелья всякого рода, волшебства и магические заклинания, воровские мессы, посты, всё смешанное с безумствами и глупостями, беско-

нечно видоизменявшимися в зависимости от страны и лиц. Хотели ли узнать, будет ли брак удачным в отношении богатства, любви, детей? прибегали ко всем видам гаданий, которые человек, жаждущий знать будущее, любил умножать и испытывать. Приметы внимательно наблюдали и вопрошали. Девушке стоило только поворотить рукой воду в ведре, вытащенном из колодца, или бросить туда яйца, разбитые о чью-то голову, чтобы увидеть в этой воде образ мужчины, за которого она выйдет. Союз не мог быть счастливым, если новобрачные, идя в церковь, встречали на своем пути беременную или простоволосую женщину, монаха, священника, зайца, собаку, кошку, одноглазого, хромого, слепого, ящерицу, змею и т.д.; если их задерживали за платье или плащ, если они слышали крик птицы или животного дурного предзнаменования. Напротив, брак был предназначен к счастью, если они встречали куртизанку, волка, паука, жабу и т.д.; если выходили из своего жилища при звуке грома, если у них звенело в правом ухе, если у них шла кровь из правой ноздри и т. д. Не закончить перечисления всех примет, которым придавали счастливый или несчастливый смысл в преддверии брака.

Злые чары и приворотные зелья, придуманные для внушения любви, были еще бесчисленнее и причудливее: в их состав употребляли вещества, которые казались способными изготовить талисманы или любовные напитки. Не довольствовались тем, что надевали на палец девушки кольцо

из тростника или соломы; или заставляли её выковать кольцо из старой подковы, или бросали порошок дикой мяты в её питье, или носили ленту, которую она носила, или обрезки её ногтей, или прядь её волос. Растирали в порошок кости мертвецов, реликвии, магические жемчужины, драгоценные минералы, освященные облатки, освященные свечи и ветви, и приписывали этим порошкам силу зажечь неодолимую любовь в сердце самом холодном и нежном. Не сомневались в успехе операции, если заставили выпить святой воды, святого мира или святого елея женщину, которую хотели принудить полюбить. Любовь и плотское вожделение разрешали самые предосудительные практики: это был лучший продукт опасного ремесла колдуна. Обручение давало повод к разным Суевериям более невинным: окропляли святой водой обрученных, когда они выходили из церкви, или же били их и не давали им выйти, пока они не заплатили выкуп; уносили их силой в кабак, встречали их улюлюканьем и кошачьими концертами. Вот почему кюре было запрещено совершать обручение после захода солнца. Жених предвещал себе дурное в своем браке, если ронял шляпу на землю; невеста – если ей касались правой руки левой рукой и, если кто-то наступал ей на правую ногу.

День празднования брака не был бесполезно выбирать, хотя Церковь и не признавала, как язычество, дней благоприятных и неблагоприятных. Не посмели бы жениться в праздник святого Иосифа, который был почитаем Церко-

вью, но страшен всем мужьям. Можно предположить, что этот праздник, приходящийся на самый разгар Великого поста, способствовал постановлению соборов и синодов о том, что Великий пост, равно как воскресенья и главные праздничные дни, будет временем неподходящим и запретным для брака. Были, однако, как и сегодня, случаи исключения, но тогда празднование совершалось без пышности и без веселья. Дни поста, четыре времени года и кануны праздников были также несовместимы с браком, потому что, говорит синод в Безансоне в 1573 году, новобрачные были бы вынуждены спать в одиночку: Debent a maritali thoro absistere tanquam uxorem non habentes (Они должны воздерживаться от брачного ложа как не имеющие жены). Церковь порицала новобрачных, которые женились ранним утром, одетые грязно или небрежно, и приберегали свои красивые свадебные наряды для бала или пира; она также не терпела обычая давать новогодние подарки или подарки невесте перед алтарем; она осуждала более строго другие Суеверия, которые имели единственной целью предотвратить узел на агульетте, эту забавную страшилку наших отцов. Мужья выдумали против столь неприятного случая класть соль в карман или су в обувь, идя жениться; или проходить под распятием, не поклонившись ему, в момент брачного благословения; или трижды помочиться в обручальное кольцо, говоря In nomine Patris; или даже совершить супружеский акт до празднования брака.

Церковь озаботилась больше, чем следовало, узлом на агульетте, который был довольно част в Средние века вследствие страха, который перед ним испытывали. Приписывали, в общем, этот дурной случай колдовству, чарам, злым ухищрениям демона. Все средства казались хорошими, чтобы избегнуть этого досадного супружеского положения. Для этого били палками по голове и подошвам ног новобрачных, пока они стояли на коленях под балдахином. Лекарство могло быть сильнее болезни. Другие мужья довольствовались тем, что благословляли два или три кольца и даже до пяти, предназначенных все вместе на безымянный палец невесты, или же советовали той уронить кольцо, когда его будут подавать, или же заставляли совершать бракосочетание тайно, ночью, в какой-нибудь низкой и закрытой капелле. Злые, со своей стороны, имели много способов завязать агульетту, и дьявол всегда был тайным или явным соучастником этого мерзкого дела. Ученый Боден в своей Демономании насчитывает более пятидесяти способов достигнуть такого результата, который весьма забавлял проказников ада. Не упоминая памятных примеров, которые дает нам история – Педро Жестокий, король Кастилии и Леона, удержанный чарами своей любовницы Марии Падильи от совершения своего брака с Бланкой, своей женой; Людовико Сфорца, удерживавший колдовством своего племянника, Лодовико Галеаццо, герцога Миланского, от супружеского сожительства с герцогиней Изабеллой; Ян, граф Богемский, по-

раженный импотенцией в ночь своей свадьбы, и т. д. – , мы занесем сюда одно весьма остроумное решение, приводимое Боденом и относящееся к узлу на агульетте: «Поскольку это было весьма обычно в Пуату, уголовный судья Ниора по заявлению новобрачной, которая обвиняла соседку в том, что она связала её мужа, велел посадить её в темницу в 1560 году, угрожая, что она никогда не выйдет, если не развяжет; два дня спустя заключенная послала сказать новобрачным, чтобы они ложились вместе. Тотчас же судья, будучи уведомлен, что они развязаны, выпустил заключенную».

Самый обычный и самый легкий способ завязать агульетту был сделать узел либо на веревке, либо на ленте, либо на ремне, либо даже на волосе во время церемонии брака, произнося наоборот один из стихов псалма Miserere mei, Deus. Были даже дети, обученные этому бесчестному ремеслу, и жившие им. Церковь, после того как исследовала и тщательно описала все аналогичные виды колдовства под заголовком декреталии De frigidis et maleficiatis, предавала анафеме, отлучала авторов, действующих лиц и подстрекателей этих отвратительных Суеверий, не только колдунов и магов, но еще и всякого, кто осмелился бы в порочном намерении: выворачивать руки наружу и сплетать пальцы друг с другом, когда жених подает кольцо невесте; завязывать хвост волка, называя имена новобрачных; привязывать определенные записки, определенные лоскуты материи к одежде новобрачных; касаться этих новобрачных определенными палками,

сделанными из определенного дерева; наносить им определенные удары в определенные части тела; произносить определенные слова, глядя на них; делать определенные знаки руками, пальцами, ртом, ногами и т. д. Что касается церковных средств, предлагаемых бедным околдованным, это были экзорцизмы, мессы, молитвы, посты, милостыни. Все соборы, все синоды, все ритуалы предавали отлучению колдунов и колдуний, заговорщиков и заговорщиц, всех тех и тех, которые чинят препятствия в браках, которые надлежит совершить или совершить полностью. Народ, с целью также бороться с узлом на агульетте, принял обычай, который господствует еще по всей Европе: это был шодо, или бульон, или суп, или пирог, или фрикасе невесты, который ей приносили процессией под звуки инструментов и шум песен во время первой брачной ночи. Эта похлебка была предназначена разжечь пыл новобрачных и помешать им заснуть, пока дьявол бодрствовал, чтобы сыграть с ними одну из своих обычных шуток.

Что касается Суеверий, имевших целью развязать агульетту, они были столь же многочисленны и столь же странны, как те, что служили для её завязывания. Церковь не одобряла их больше, потому что не имела в этом никакого интереса. Вот самые распространенные: 1) надевать две рубашки наизнанку в день свадьбы; 2) помещать перстень под ноги жениха во время церемонии; 3) сказать трижды, крестясь: Ribald, Nobal et Varnobi; 4) заказать чтение еван-

гелия от Иоанна In principio перед свадебной мессой; 5) натереть салом волка косяки двери брачного жилища; 6) пробить бочку белого вина и дать струе первой струи пройти в обручальное кольцо; 7) помочиться в замочную скважину церкви, где был совершен брак; 8) произнести трижды Vernon перед восходом солнца; 9) написать на новом пергаменте на заре: Avigazirtor и т. д. Понятно, что узел на агульетте, будь он затянут всеми дьяволами, не был способен устоять против столь могущественных средств. Понятно также, что злые шутники не уставали выдумывать рецепты, аналогичные этому: раздевали новобрачных догола и укладывали их совсем нагими на землю; муж целовал тогда большой палец левой ноги своей жены, а жена – большой палец левой ноги своего мужа; затем оба делали крестное знамение своими пятками, бормоча молитву. Были еще другие грязные, мерзкие и нечистые церемонии относительно кольца, перемешанные с особыми молитвами, из которых самая знаменитая начиналась так: Bénite aiguillette, je te délie (Благословенная агульетта, я тебя развязываю).

Этот грозный узел не имел ничего общего с другим Суеверием, довольно частым в монастырях обоих полов: здесь монах женился на Святой Деве или какой-нибудь предпочитаемой святой; там монахиня, без большего церемониала, выходила замуж за Иисуса Христа или какого-нибудь святого, с которым она вступала в мистическое сожительство. Узнали, что эти фанатики иногда доводили дело до контрак-

та, должным образом подписанного одной из сторон и представителем отсутствующей стороны. Нечестивцы и колдуны не захотели уступить в Суеверии на главе о браке: они женились поэтому между собой, рискуя быть сожженными, или же заключали отвратительный союз с дьяволом или его признанными подобиями, такими как козел, коза, собака и свинья. Шабаш был, говорят, лишь посвящением этих мерзких совокуплений. Это стало текстом многих уголовных процессов. Народ имел инстинктивное отвращение ко всем неравным бракам: он проявлял это отвращение кошачьими концертами при вторых браках, где свадебная процессия часто проводилась к алтарю посреди ужасного концерта колоколов, сковородок и котлов, если только эта насмешливая музыка, усиленная криками и улюлюканьем, не была прибережена для самой ночи брака. Церковь тщетно принимала защиту вдовцов и вдов, сочетавшихся вторым браком; но кошачий концерт пренебрегал отлучениями, «двигаясь в личинах и масках, бросая яды, мерзкие и опасные зелья перед дверями вторично сочетавшихся, возбуждая зловонные дымы, играя на тамбуринах, совершая все мерзости и грязи, какие только можно помыслить, до тех пор, пока не вытянут у новобрачных определенные суммы денег как бы силой». Таковы слова одного синодального постановления Лионского архиепископства в 1577 году.

Мы не привели все Суеверия, с которыми Церковь вела войну с большей или меньшей энергией и настойчивостью

в зависимости от времен и людей. Существовало еще бесчисленное множество местных Суеверий, которые имели, без сомнения, общее происхождение от язычества, но которые менее прямо затрагивали принципы католического догмата: эти Суеверия, которые можно отличить от других, назвав их мирскими, смешивались со всеми актами частной жизни и сохранялись просто традицией домашнего очага. Они имели больше корней и элементов в деревнях, чем в городах, и они образовывали род тайной религии, которую народ практиковал со слепым уважением. Как духовенство, часто столь же легковерное и невежественное, как его паства, могло бы выявлять и искоренять одно за другим тысячу Суеверий, которые окутывали христианское общество и которые развертывались вокруг человека от его колыбели до могилы? Вот почему большинство этих Суеверий, рожденных в древних религиях, прошли через Средневековье и Возрождение, не утратив своего первоначального характера: язычник или христианин, народ одинаково суеверен по инстинкту, по вкусу и по привычке.

Следовало бы, следовательно, открыть в религиозных нравах Античности зародыш народных Суеверий Средневековья, главным образом тех, которые не привлекали персонажа дьявола и которые сохраняли таким образом свой языческий или иудейский отпечаток; вот некоторые из них, которые можно с первого взгляда признать предшествовавшими христианству: Клали монету в правую руку мертвеца пе-

ред погребением, чтобы он был лучше принят в ином мире; не покупали пчел за деньги, а обменивали их, чтобы они процветали в улье; выводили телят из хлева задом, отделяя их от матерей; не хотели есть мяса животного, которое не было убито железом; бросали веревки, завязанные несколькими узлами, на могилу умершего; покрывали черным покрывалом ульи с медом после смерти их хозяина, чтобы пчелы тоже не умерли; не начинали пахать, пока трижды не обносили вокруг плуга хлеб и овес с зажженной свечой; выбирали сумасшедшего, ребенка или идиота для посева петрушки, которая иначе принесла бы несчастье сеятелю; закапывали лошадь, вола или другое павшее животное ногами вверх у входа в конюшню, чтобы предотвратить введение туда падежа; ставили кресты и столбы на полях, произнося определенные формулы, для защиты урожаев, и т. д. Другие Суеверия, напротив, не менее невинные, чем предыдущие, имели явно христианский отпечаток, свидетельствовавший об их происхождении: клали веточки освященного самшита на корм, чтобы предохранить его от насекомых; избегали бросать в огонь яичную скорлупу, чтобы не сжечь вторично святого Лаврентия; верили, что лекарства, принятые больным после исповеди и причастия, более не имеют действенности; не осмеливались шить, прясть или работать в комнате покойника; не оставляли никакого сосуда, полного воды, в доме, где был труп, чтобы душа не пошла там купаться; делали крест на камине, чтобы куры не разбегались,

и т. д. Опись религиозных Суеверий была бы длиннее описи истин науки и морали.

Именно чтобы исцелиться от болезней, чтобы предохранить себя от будущих зол и несчастий, чтобы приписать себе все разновидности желаемого счастья, бедный народ охотнее предавался ошибкам и практикам Суеверия. Физическое и моральное страдание, страх, алчность, эгоизм, наконец, выражались тысячью способов в верованиях и действиях более безумных, чем виновных; ибо не все прибегали к оккультным наукам, которые имели тогда более серьезные неудобства, чем отлучение. Талисманы, например, были, за некоторыми исключениями, терпимы или одобряемы Церковью: носили на себе стихи из Библии или Евангелия, молитвы, освященные зерна, четки, скапулярии, медали, реликвии. Были также астрологические и магические талисманы. Что касается трав, камней, волос животных, служивших для изготовления предохранительных средств, Церковь не признавала их силы и отказывалась санкционировать их употребление молитвами и церемониями. Она была снисходительнее, чем медицинский факультет, в отношении других Суеверий тщетного соблюдения, которые также имели целью исцелить разные болезни или предохранить от них. Вот образчик этих странных Суеверий, которые можно было бы еще найти в нравах деревень. I. Против лихорадки: не есть ни мяса, ни яиц на Пасху и в торжественные праздники; украсть кочан капусты в соседнем огороде и повесить

его сушиться на крюк над очагом; носить в качестве амулета кость мертвеца; запереть в мешочек зеленую лягушку и привязать её на шею больного; съесть первый попавшийся маргаритку; получить благословение в одно воскресенье в трех разных приходах; ища, читая четки, стебель коровяка и бросить его ветрам; пролезть через щель в дереве; пить из ведра с водой, после того как лошадь из него пила; пройти между крестом и хоругвью прихода во время процессии; пить святую воду в канун Пасхи или Пятидесятницы; обматывать руку или шею краями савана; трижды выпить из нового горшка воду, зачерпнутую из трех колодцев и смешанную вместе; и т. д. II. Против страха: воткнуть булавки в башмак мертвеца; носить на себе зуб или глаз волка; взобраться на медведя. III. Против ревматизма: заставить мельника или мельничиху ударить три раза молотом мельницы, говоря: In nomine Patris и т. д. IV. Против эпилепсии или падучей: привязать гвоздь распятия к руке эпилептика; заставить его носить серебряное кольцо или медаль с именами трех Волхвов: Каспар, Мельхиор, Бальтазар. V. Против бородавок: натирать их овечьей шерстью или дроком; завернуть нут или камешки в тряпку и бросить её за себя на дорогу. VI. Против зубной боли: касаться их зубом мертвеца; вбить гвоздь в стену; попросить три милостыни в честь святого Лаврентия. VII. Против кровотечения: пустить кровь из носа на соломинки, сложенные крестом; положить просверленный ключ на спину. VIII. Против родовых болей: заставить роженицу надеть

штаны своего мужа; привязать своей поясом колокол церкви, заставив его прозвонить три раза. IX. Против плеврита: бегать туда-сюда в церкви. X. Против ангины: привязать ветку сливы в камине; приложить лемех плуга к впадине желудка. XI. Против чесотки: кататься голым в поле овса; вырвать пучок овса в колосе и оставить его сохнуть на изгороди. XII. Против кашля: плюнуть в пасть живой лягушки. XIII. Против обморожений: погружать руки в навоз первого мая. XIV. Против раковых язв: дунуть натощак три раза подряд в течение девяти дней в рот больного. XV. Против ушной боли: касаться их рукой скелета. XVI. Против головной боли: перевязывать виски веревкой повешенного, и т. д. Врачи были более заинтересованы, чем священники, в борьбе с этими Суевериями, и они едва позволяли королям Франции посягать на права Медицинского факультета и исцелять золотуху, прикасаясь к ней, – древняя привилегия преемников Хлодвига, который первый воспользовался ею после того, как был миропомазан елеем Святой Ампулы, которую Сам Святой Дух под видом голубя соблаговолил принести с неба. По словам врача Дюлорана, написавшего историю этого чудесного привилегии наших королей, Генрих IV исцелял более 1500 больных в год. Короли Англии, которые не имели ничего общего со Святой Ампулой, исцеляли только падучую.

Церковь, которая находила хорошим, что король Англии исцеляет падучую, а король Франции – золотуху, предла-

гала всем болезням множество аналогичных средств, которые сила воображения могла сделать действенными в некоторых обстоятельствах. Она умножала с этой целью праздники святых и в то же время их реликвии, которые служили поводом к стольким процессиям, паломничествам, обетам и приношениям. Эти реликвии часто были весьма странны, весьма неприличны, как фаллос святого Иосифа в бутылке (в Куршиверни близ Блуа), рога Моисея (в Риме), молоко Девы и т.д., но, тем не менее, все имели достоинство исцелять добрых христиан. Вот как не смотрели на происхождение этих реликвий, которые, согласно потребностям обстоятельств, распространялись тревожащим образом: так, святой Георгий имел не менее тридцати тел, все одинаково почитаемых в христианстве; святая Юлиана насчитывала двадцать тел, двадцать шесть голов и бесконечное количество рук и ног; святой Леодегарий – пять тел, десять голов и двенадцать рук; святой Иоанн Креститель – десять голов и одиннадцать указательных пальцев; святой Иероним – всего два тела и четыре головы, но шестьдесят три пальца; святой Панкратий – тридцать тел и более шестисот различных костей, и т. д. Святой, который имел бы только одно тело, одну голову, две руки и две ноги в реликвариях католического мира, был бы весьма плохо принят и не позволил бы себе много чудесных исцелений.

Эти исцеления были, впрочем, распределены между святыми, которые присваивали себе их монополию; часто даже

святой был выдуман специально для болезни, и когда, например, в начале XVI века появилась венерическая болезнь, она нашла, неизвестно где, святого Футена, чтобы взять её под своё покровительство и оспаривать её верховное руководство у покровителя чумы, святого Иова. Было, следовательно, имя святого, присоединенное к имени каждой болезни. Призывали святого Аньяна и святого Сантена от парши; святого Андриё, святого Антония, святого Фирмина, святого Германа, святого Мессанта, святого Верана, святую Женевьеву от рожи или цинги; святую Аполлинию и святого Медарда от зубной боли; святого Авертина, святого Лё, святого Лупа, святого Иоанна, святого Матфея, святого Назария, святого Валентина и святого Виктора от эпилепсии; святого Христофора, святого Элигия и святого Юлиана от ангины; святую Клару от глазных болезней; святого Евтропия от водянки; святого Гену от подагры; святого Лазаря от проказы; святого Мена от чесотки; святого Матюрина от безумия; святую Петрониллу от лихорадки; святого Квентина от кашля; святого Роха и святого Себастьяна от чумы; святого Рене от болей в почках. Это была, надо признать, постоянная конкуренция врачам, которые не осмеливались жаловаться на это вслух и охотно ставили свою фармакопею под покровительство этих блаженных терапевтов. И то еще, если бы ограничивались просьбой о дожде у святой Женевьевы и о детях у святого Грелишона или святого Гиньоле!

Суеверие было повсюду, во дворцах, как и в хижинах,

в городах, как и в полях, во Франции и во всех странах Европы: оно участвовало во всех действиях и даже во всех чувствах религиозной и частной жизни. Оно обнимало, подобно змею, древо познания и пожирало его плоды, пока Истина не положила конец его царствованию, раздавив под своими ногами голову чудовища, которое укрывалось столько веков в глубине мрака Средневековья.

Празднество дураков

Геродиан, Макробий, Дионисий Галикарнасский, описывавшие Сатурналии и Луперкалии древнего Рима, по-видимому, видели перед собой те необычные Празднества, которые язычество завещало как позорное клеймо христианской религии и которые последняя претерпевала, скорее чем допускала, на протяжении всего Средневековья под названиями Праздник Диаконов, Праздник Дураков (festum Fatuorum), Праздник Невинных, Праздник Ослов и т. д. Существовали традиции, нравы и обычаи, настолько укоренившиеся в сознании народа, что попытка искоренить их через учение и практику нового культа была бы равносильна стремлению к невозможному. Основатели христианства поняли, что самый верный способ завладеть миром – это сначала, закрыв глаза, принять языческое суеверие в лоно Церкви Иисуса Христа, это – дождаться, пока урожай не будет собран в житницы, чтобы отделить плевелы от доброго семени. Поэтому народу оставили его излюбленные празднества, освященные веками, и удовольствовались лишь изменением их предназначения: Иисус Христос унаследовал достояние Сатурна; его главные святые разделили между собой наследие Пана, Приапа и других сельских божеств.

Праздник Календ, или Сатурналии, у римлян начинался в середине декабря и длился до третьего или пятого дня ян-

варя; пока длился этот праздник, общественные и частные дела оставались приостановленными; думали лишь об удовольствиях; были лишь угощения, танцы, концерты, маскарады: люди посылали друг другу приглашения и подарки; почти не вставали из-за стола; на пирах избирали царей пира; усаживали рабов на место господ; позволялось говорить и делать все что угодно, как при царстве Сатурна, в доброе время золотого века. Христианство, вербовавшее своих первых апостолов среди низших классов общества, позаботилось не лишать их подобного празднества, которое при необходимости можно было защитить словами Евангелия о милосердии и равенстве. Оно лишь разделило этот длинный праздник на несколько особых празднеств, каждое из которых укрылось под покровительством праздничного дня католического календаря. Отсюда идолопоклонства и языческие реминисценции, порождаемые праздником Рождества, праздниками святого Стефана, святого Иоанна Евангелиста и Святых Невинных с 25 по 28 декабря, праздником Обрезания и праздником Богоявления, или Крещения, 1 и 6 января. Луперкалии, праздновавшиеся в феврале в честь бога Пана, также не были упразднены христианами; их разделили на две отдельные серии: праздники карнавала, которые начинались на следующий день после Богоявления и заканчивались лишь в Пепельную среду; праздники мая, которые иногда длились весь месяц и которые, чаще всего, ограничивались первым днем этого месяца и тремя днями Рогаций.

Были, так сказать, праздник сельский и праздник городской. Затем, как будто недостаточно было уступок старым обычаям язычества, верующим позволили веселиться, как язычникам, на праздниках некоторых святых, таких как святой Николай, святой Мартин, святой Элой, святая Екатерина, святой Урсин и т.д., которые присвоили себе культ богов и богинь Олимпа.

Все эти веселые празднества получили общее название Праздника Дураков, в свидетельство тех безумств, открытым предлогом для которых они служили. Именно чтобы снять с них пятно происхождения, пытались возложить ответственность за них даже на царя Соломона, который сказал, что число глупых бесконечно (Stultorum infinitus est numerus). Христианская Церковь поэтому не затруднилась объявить себя, в некотором роде, матерью Дураков, повторяя вслед за Иисусом Христом: Блаженны нищие духом! Церковь тех первых веков по сути и по намерению сопричастна всем деяниям своих детей, их радостям так же, как и их страданиям: она удерживала таким образом в своем лоне и под своим непосредственным авторитетом благочестивые сатурналии, которые стали колыбелью современного театра. Соборы и синоды не переставали протестовать против этих скандалов, ярких пережитков язычества; но епископы в своих епархиях, священники в своих приходах, аббаты в своих монастырях проявляли больше снисходительности и не решались противоречить народному чувству, запрещая Празд-

ник Дураков, который христианская Европа ввела в свою литургию. Франция же, вследствие веселого и галльского характера своих жителей, особенно высказалась за этот радостный Праздник, который она праздновала дольше и торжественнее, чем все другие страны: она предчувствовала, что из этого родится драматическое искусство.

Праздник Дураков был всеобщим в Греческой и Латинской Церквях. Соборы в Орлеане (533), Осерре (585), Шалоне-на-Соне (650) запрещают маскарадные переодевания, танцы и светские песни в церквях; собор в Толедо (633) предписывает молитвы, процессии и посты для упразднения Праздника Календ, или Сатурналий; собор в Константинополе (692) также осуждает непристойности этого Праздника, маски, танцы, песни, пиршества, которые увековечивали идолопоклонство. Эти соборы лишь следовали мнению, которое святой Августин неоднократно выражал в своих проповедях и беседах. Праздник Календ во Франции назывался Праздником Бородачей (Barbaloria), без сомнения, потому что актеры покрывали лица бородатыми масками, уродливыми и фантастическими, называвшимися barboires на языке XIII века. Григорий Турский (Hist. Franc., lib. X, cap. XVI) говорит о приговоре, вынесенном против монахинь Пуатье, обвиненных в праздновании Barbatoires. Этот праздник также назывался Праздником Диаконов, Субдиаконов и Пьяных Диаконов (Saturi Diaconi), потому что низшее духовенство предавалось в те дни излишествам в вине

и разврате. (ДЮКАНЖ, Глоссарий лат. яз., слова Barbaloria, Kalendae, festum Fatuorum). Не имеется точных подробностей об этом Празднике вплоть до XII века; известно, однако, что он был в обычае не только во всех церквях, соборных и приходских, но еще и во всех монастырях, мужских и женских. Он дозволял самые виновные и постыдные безумства; обычно он имел три или четыре отмеченных периода, каждый со своими актерами и своим особым зрелищем. В первый день, который был праздником Рождества, клирики и монашествующая плебейская брать кричала в унисон: Ноэль, Ноэль! и предавалась веселью; на следующий день, день святого Стефана, диаконы собирались на совет, чтобы избрать папу или патриарха Дураков, епископа или архиепископа Невинных, аббата Глупцов; в следующий день, праздник святого Иоанна, субдиаконы начинали в его честь танец; затем, на четвертый день, праздник Святых Невинных, служки и низшие клирики приветствовали избранного папу, или епископа, или аббата, который совершал свой торжественный вход в церковь в день Обрезания и который восседал понтификально до вечера Богоявления. Таким образом, именно радостное царствование этого папы, или этого епископа, или этого аббата Глупости составляло Праздник Дураков и определяло его причудливые фазы, гротескные и порой нечестивые маскарады, забавные и часто непристойные сцены, неистовые оргии, танцы, игры и светские песни, дерзкие пародии на католическую литургию.

Праздник Дураков предстает перед нами впервые, во всей своей странной и неприличной пышности, в 1182 году, в литургическом сочинении (БЕЛЕТ, Книга о богослужении, гл. LXXII и CXX, цитируется Дюканжем), которое называет его декабрьской вольностью, по образцу языческих Сатурналий. Эта вольность состояла в перемене ролей и рангов духовенства, которое во время праздников Рождества и Богоявления творило всякие безумства внутри церквей: клирики, диаконы и субдиаконы служили вместо священников; те танцевали и играли в кости, в лапту, в шары и в другие азартные игры перед алтарем; служки, в масках и в ризах, занимали места каноников; в канун Невинных они избирали среди себя епископа, облачали его в епископские одежды, посвящали и водили по городу под звон колоколов и звуки инструментов. Белет различает четыре танца, особо присущих Празднику Дураков: танцы левитов, или диаконов, танцы священников, танцы детей, или клириков, и танцы субдиаконов. То, что он говорит о епископах и архиепископах, смешивавшихся с этими профанациями, следует понимать, возможно, лишь о тех, кого выбирали среди актеров Праздника. Церкви, монастыри, епископские дома подчинялись декабрьской вольности. Такова была сила привычки, что епископ Парижа, Одон или Эд де Сюлли, имевший столь большое влияние на нравы своего времени, не смог полностью уничтожить злоупотребления, которые он оплакивает в своем послании 1198 года, злоупотребления, которые он сначала по-

велел поразить отлучением через кардинала Пьера де Капуа, легата папы во Франции. 1 января, в день Обрезания, собор заполнялся толпой людей в масках, которые оскверняли его непристойными танцами, запрещенными играми, гнусными песнями, святотатственными шутовствами и тысячами излишеств всякого рода, вплоть до кровопролития. Священники и клирики были зачинщиками и сообщниками этих скандальных маскарадов, которые распространялись по улицам и вносили беспорядок во весь Париж. Эд де Сюлли сам установил порядок церемоний праздника Обрезания и повелел каноникам держаться впредь на своих местах с важностью и скромностью. В следующем году он опубликовал второе послание против излишеств того же рода, происходивших в день святого Стефана по вине диаконов, которых этот праздник особенно касался, как праздник Обрезания относился скорее к вольностям субдиаконов. Чтобы придать этим двум праздникам подобающий им достойный характер, он назначил определенную сумму каноникам и клирикам, которые будут присутствовать на утрене и мессе и вести себя там прилично. Послания Эда де Сюлли недолго оставались в силе, и, несмотря на усилия его преемника, Пьера Камбия, несмотря на пастырское письмо 1208 года, несмотря на собор в Париже (1212), который прямо запретил епископам и архиепископам позволять праздновать Праздник Дураков, где имитировалось епископское посвящение (ubi baculus accipitur), этот Праздник возобладал в епархии Па-

рижа, как и во всех прочих, где епископская власть не добилась большего успеха в повиновении.

Королевская власть пришла ему на помощь в царствование Карла VII, который, по-видимому, был более своих предшественников озабочен желанием положить конец этим мерзостям. Впрочем, он лишь придал силу закона этому декрету Базельского собора (1435), включенному в Прагматическую санкцию: «Существует недостойное злоупотребление, практикуемое в некоторых церквях, состоящее в том, что в некоторые праздники года некоторые лица, облачась в понтификальные одеяния с митрой и посохом, преподают благословение, как поступают епископы; другие одеваются королями и герцогами, и это называют в некоторых провинциях Праздником Дураков, Невинных или Детей». (Гл. de Spect. in eccl. non faciend., сесс. 21.) У Карла VII было более одного случая применять в своих владениях декрет собора; в 1444 году он пригласил Парижский богословский факультет написать прелатам и церквям, увещевая их потрудиться над упразднением скандального суеверия, известного под именем Праздника Дураков, отвратительного пережитка языческого идолопоклонства и культа гнусного Януса. – См. письмо Богословского факультета в «Трактате против масок» Саварона. – Согласно этому письму, в день Обрезания церковнослужители присутствовали на богослужении, одни в одеждах женщин, шутов, гистрионов, другие в ризах и фелонях, надетых наизнанку, большинство – в масках чу-

довищного вида; они избирали епископа или архиепископа Дураков, облачали его в понтификальные одеяния и принимали его благословение, напевая псалмы из утрени, бесстыдно переиначенные; они танцевали в хоре, пели развратные песни, ели и пили на алтаре, играли в кости на церковном полу, кадили совершающему службу дымом от старых кож и зловонных веществ, которые они жгли в кадильнице, бегали и скакали самым неприличным образом, и после этой насмешливой мессы показывались на подмостках и разъезжали на колесницах, состязаясь в криках, гримасах, дерзостях и нечестии. Суровое порицание, которое Парижский богословский факультет адресовал французскому духовенству, не произвело большого эффекта за пределами столицы; ибо спустя несколько лет церковнослужители Труа праздновали Праздник Дураков «более чрезмерно, чем во времена прошлые обыкли». Карл VII счел нужным по этому случаю пожаловаться епископу этого города и напомнить ему, что, согласно Прагматической санкции и древним правам, «Дураки не должны делать никаких епископов ни архиепископов Дураков, которые носят в церкви митру, крест, посох и другие понтификальные украшения». Труанское духовенство, оправдываясь, утверждало, что его епископ, Жан Легюизе, повелел ему праздновать Праздник Дураков, который так же празднуется в Сансе. Оно могло бы добавить, что один проповедник, в ответ на декрет Парижского университета, осмелился утверждать с кафедры в Отене, что этот Празд-

ник так же угоден Богу, как и праздник Зачатия Девы. Это Жерсон рассказывает этот любопытный факт.

Праздник Дураков, который праздновался в Сансе с XI или XII века, по-видимому, имел, однако, иной характер. Можно даже утверждать, что он был вначале наивно установлен вполне музыкальным благочестием. Этот Праздник был знаменитым Праздником Осла, или Ослов – festum Asinorum, говорит Дюканж в своем Глоссарии – , который существовал также, но с заметными отличиями, в Руане, Отене, Бове и других местах. Мы имеем, чтобы судить о нем, сам ритуал Праздника, содержащий службу Осла с нотированной музыкой. Эта драгоценная рукопись, происходящая из старой библиотеки капитула собора Санса и хранящаяся ныне в публичной библиотеке этого города, состоит из сорока листов малого формата in-4° на ослепительно белом пергаменте; письмо рубрик и антифонов, помещенных под квадратной нотацией, с инициалами красного цвета, не старше начала XIV века; но переплет тома состоит из двух восхитительных диптихов из слоновой кости, прекраснейшей античной работы IV века, изображающих празднества Цереры и Вакха; эти две пластины из слоновой кости были, к несчастью, лишены своей оправы и серебряных застежек. Рубрики, вставленные в текст службы, дают нам знать всю постановку Праздника Осла, который праздновался не в память ослицы Валаама, как полагали, но в память ослицы, находившейся в хлеву, где родился Иисус, и той, на которой въез-

жал Иисус Христос в Иерусалим в день Вербного воскресенья. Возможно, что некоторые воспоминания о Празднествах Вакха и осле Силена смешались вначале с основанием этого христианского Праздника, который не вызывал большего скандала, чем праздник святого Губерта, где охотники приводили на мессу свои своры и соколов, чтобы благословить их, и наполняли церковь звуками рогов и охотничьими кликами, на которые птицы и собаки отвечали в унисон. Величественная и торжественная музыка, сопровождавшая слова песнопения и как бы скрывавшая их, должна была слушаться с большим благоговением присутствующими, которые, впрочем, почти не понимали латыни. Эти слова были составлены вполне серьезно, в стиле оды, каким-то поэтом, который полагал, что нельзя слишком восхвалять животное, которое Иисус Христос счел достойным служить ему ездовым животным. Впрочем, шесть леонинских стихов, начертанных рукой XV века во главе рукописи, сообщают нам, что этот праздник был триумфом прецентора (руководителя хора), и что певчие и клирики после службы утоляли жажду в предвидении огней чистилища:

Festum festorum de consuetudine morum, Omnibus urbs Senonis festiyat nobilis annis, Quo gaudet Præcentor; tamen omnis honor Sit Christo circumciso nunc, semper et almo. Tartara Bacchorum non pocula sunt Fatuorum, Tartara vincentes sic fiunt ut sapientes.

Осла, самого красивого Осла, какого только могли най-

ти, покрытого священнической ризой, торжественно приводили к собору среди ликующих песнопений его свиты; духовенство выходило ему навстречу, все еще распевая, до двери церкви, где эти четыре латинских гекзаметра возвещали о церемонии и весельях, предметом которых она была: —

Lux hodiè, lux laetitiae, me judice, tristis Quisquis erit, removendus erit solemnibus istis. Sint hodiè procul invidiae, procul omnia mæsta; Læta volunt, quicumque colunt Asinaria festa.

Господина Осла затем вводили в церковь, где он, казалось, принимал участие в жертвоприношении мессы: его вели то на сторону послания, то на сторону Евангелия; подносили к алтарю и пели ему в сопровождении органов и инструментов знаменитую секвенцию Об Осле, которая не является дерзкой насмешкой, как полагали философы XVIII века, но наивным и поэтическим выражением благочестия наших отцов:

Orientis partibus, Aurum deArabia, Adventavit Asinus Thus et myrrham de Saba, Pulcher et fortissimus, Tulit in eeelesia, Sarcinis aptissimus, Virtus asinaria.

Гей, сир Осел, гей! Гей, сир Осел, гей!

Hie ia collibus Sichen Dum trahit vehicula Enutritus sub Ruben, Multa cum sarcinuJa, Transiit per Jordanem, Illius mandibula Saliit in Bethleem. Dura terit pabula.

Гей, сир Осел, гей! Гей, сир Осел, гей!

Saltu vincit hirculos, Cum aristis hordeum Dagmas et

capreolos, Comedit et carduum, Super dromedarios Triticum a palea Velox madianæos. Segregat in area.

Гей, сир Осел, гей! Гей, сир Осел, гей!

Amen dicas, Asine, Jam satur ex gramine, Amen, amen itera Aspernare vetera.

Гей, сир Осел, гей!

Припев этой секвенции, в библейском стиле, музыка которой столь благородна и торжественна, несомненно, является созвучным подражанием Эвое Вакху, которое повторяли поклонники Вакха. Праздник Осла праздновался еще в других городах, помимо Санса, в день Рождества; но служба, возможно, была не одинаковой для всех. Та, что входила в литургию Санса в XIII веке, служила также в коллегиальной церкви Нотр-Дам де Сале в Бурже, и Жан Пасторис, каноник этой церкви, подарил ей хоровую книгу, в которой месса Осла была нотирована почти таким же образом, если верить анонимному корреспонденту аббата д'Артиньи. Эта месса с музыкой, предназначенная для демонстрации таланта певчих и инструменталистов, должна была быть сухой мессой, то есть без освящения; она могла, следовательно, завершаться той торжественной процессией (conductus ad poculum) главного певчего, которого вели к столу, повторяя забавное аллилуйя. Это аллилуйя, которое несколько раз возвращалось в службе Осла, прерывалось надвое длинной вставкой, где было бы весьма затруднительно обнаружить малейшую ересь:

ALLE резоннонт омнес экклезие Кум дульци мело симфоние, Филиум Марие генитрицис писе, Ут нос септиформис гратисе Реплеат донис эт глорисе: Унде Део дикамус ЛУИА.

Согласно некоторым авторам, основывавшимся на традиции, сохранившейся в Сансе, все собрание подхватывало хором: la, ia, или hian, h-ian. Затем, толстые певчие, за алтарем, запевали фальцетом (in falso) эти два леонинских стиха:

Haec est clara dies clararum clara dierum, Haec est festa dies festarum festa dierum.

Видно по регистрам собора Отена, что Праздник Дураков (Follorum), с 1411 по 1416 год, также приводил осла в фелони посреди службы, и что традиционное песнопение: «Гей, сир Осел, гей, гей!» запевали клирики, одетые в гротескные одеяния. Церемониал Праздника Осла в Бове, приведенный Пьером Луве (История и древности епархии Бове), имеет много сходства с тем, что передал нам ритуал Санса; мы сомневаемся, однако, чтобы певчие, певшие службу Осла, старались подражать реву этого животного, навстречу которому каноники выходили к дверям церкви с бутылкой и стаканом в руках – tenentes singuli urnas vini plenas cum scyphis vitreis – . В тот день каждение совершалось кровяной колбасой и сосисками, говорил не дошедший до нас Церемониал, восходивший к XIII веку. Ясно, что припев: «Гей, сир Осел, гей!», заменявший языческое эвое и католическое аминь, мог быть понят верующими как приглашение реветь на все

лады. Осел из Бове появлялся еще в процессии 14 января, неся на своей спине молодую девушку и ребенка, изображая Бегство в Египет. Что касается Праздника Осла, каким его праздновала церковь Руана, согласно Дюканжу (к слову: Festum Asinorum), то это было просто введение ослицы Валаама, остановленной ангелом, в зрелище персонажей, заимствованных из Ветхого и Нового Завета и составлявших нечто вроде мистерии, прерываемой диалогами на латыни, смешанной с народным языком, или макаронической.

Таким образом, этот Праздник Осла был лишь более или менее развитым эпизодом Праздника Дураков, эпизодом, который можно назвать музыкальным. Этот Праздник был естественно дополнен Праздником Вола в день святого Иоанна Евангелиста, чьим символическим животным с древнейших времен был вол; но иезуит Теофиль Рено, делая это любопытное сопоставление, не позаботился сообщить нам, в какой церкви пелась секвенция Вола. Ритуал Праздника Дураков нам также полностью отсутствует; что позволяет нам полагать, что он сильно утратил свой первоначальный характер после послания Эда де Сюлли и что его главные безумства лишились своей литургической маски. Церковь более не была тогда единственным театром оргий и безумств низшего духовенства в кутеже: под порталом, на кладбище и на паперти разворачивалась пышность веселых процессий и маскарадов. Папа или патриарх Дураков, епископ или архиепископ Невинных, аббат Глупцов или

Простаков по-прежнему председательствовал на этих сатурналиях; но, после его избрания, довольствовались представлением его церкви, облаченного in pontificalibus, с несколькими полумирскими гимнами и нелепыми церемониями, привилегией на которые имели певчие и служки. Купеческие корпорации подобным же образом представляли на мессе своего патрона короля или принца своих братств. Товарищи лука и аркебузы имели особую мессу в честь избрания своего короля; принцы молодежи, принцы любви, избранные таким же образом ассоциациями увеселения, также были желанны, когда совершали свой вход в церковь, нося костюм своего состояния и окруженные своими подданными и вассалами.

Праздник Дураков продержался меньше времени, чем праздник Невинных, потому что избрание папы Дураков было признано оскорбительным для папства раньше, чем избрание епископа Невинных показалось обидным для епископата. Эти шутовские выборы имели больше продолжительности и блеска на Севере, чем на Юге. В Амьене существовал не только папа, но еще и кардиналы Дураков вплоть до 1548 года. Папа, избранный субдиаконами в день Обрезания, с разрешения капитула собора, получал как знак своего достоинства золотое кольцо, серебряную тиару и печать. Его интронизация происходила на пиру, который оплачивали каноники, при условии, что слуги нового папы воздержатся от спускания колоколов с церкви и от совершения других

дерзостей. В 1438 году некий папа Дураков по имени Жан ле Карон, скончавшийся при исполнении своих годовых полномочий, завещал шестьдесят су на празднование папства своего преемника. В Санлисе в XV веке был папа Дураков, чье избрание и посвящение происходили в соборе, прежде чем епископ и капитул высказались в 1413 году за то, чтобы эта непристойная церемония была по крайней мере перенесена из церкви. В Лане избирали не папу, а патриарха Дураков в канун Богоявления, без ущерба для избрания епископа Невинных, и капитул нес расходы на пиршества, сопровождавшие этот двойной праздник, праздновавшийся, однако, вне церкви начиная с 1554 года. Патриарх Дураков в Лане имел не кардиналов, а сотоварищей, составлявших его двор и свиту. Нельзя сомневаться, что папы и патриархи Дураков имели, как и епископы и архиепископы Невинных, привилегию чеканить монету со своим изображением; но известны лишь две медали аналогичного типа, которые можно им приписать. Первая изображает, с одной стороны, двойную голову папы и дьявола, с легендой: ECCLESIA PERVERSA TENET FACIEM DIABOLI, и с другой стороны, двойную голову кардинала и дурака, с легендой: STVLTI ALIQVANDO SAPIENTES. Вторая медаль также представляет две двойные головы, одну папы и патриарха, со словами: IN VIRTVTE TVA LETABITVR IVSTVS; другую кардинала и епископа, со словами: SVPER OMNEM TERRAM CONSTITVES EOS PRINCIPES. Существует столь большое

число этих медалей из серебра, меди и свинца, что позволительно считать их ходячей монетой Дураков в XVI веке.

Епископы и архиепископы Невинных имели более долгое и широкое царствование, чем папы и патриархи Дураков. Их находят одновременно в Провансе и Нормандии, в Лотарингии и Фландрии; но Пикардия, кажется, была их родиной. Этих епископов или архиепископов избирали, посвящали и приветствовали церковнослужители и народ; они имели право носить митру, посох и перчатки на церемониях Дураков; они издавали в своей шутовской епархии приговоры и ордонансы, которые скрепляли своей епископской печатью; они чеканили монету из свинца и даже из меди со своим именем и девизом: эта монета имела хождение только среди их подданных или приверженцев, которые пользовались ею как знаком (enseigne) для сбора на процессиях и как жетоном присутствия на собраниях; это было почти тем же, что использование жетонов братств и корпораций. Примечательно, что монеты или медали, которые чеканились и пускались в обращение во время избрания нового епископа Невинных, имели разительное сходство с печатями (sigilla) Сатурналий, которые древние римляне посылали друг другу в подарок по случаю этих празднеств, также называвшихся Сигилляриями. Можно с видимым основанием предположить, что монеты Дураков предназначались вначале для азартных игр, в которые играли в церквях, даже на ступенях алтаря, пользуясь декабрьской вольностью.

Большое число этих игровых фишек, или жетонов, стало известно нам благодаря изысканиям ученого доктора Риголло; но некоторые из них все еще представляют загадки, ключ к которым тщетно искать. На большинстве этих монет виден веселый девиз, латинский или французский, с различными атрибутами глупости. Несколько представляют ребусы в пикардской моде или причудливые сюжеты, редко понятные для нас, кто лишь констатировал существование этих ассоциаций Дураков, Невинных и Глупцов в каждой провинции, каждом городе и даже каждом монастыре. Большинство этих монет, найденных на почве древней Пикардии, принадлежат XV и XVI векам: одна датирована 1499 годом, другая – 1508, эта – 1514, та – 1528, без названия города и без точного указания местности; легенда иногда содержит имя епископа; чаще эта легенда, латинская с одной стороны и французская с другой, различными способами сокращает и орфографически передает двойную формулу: Monnoie de l'évesque Innocent и Moneta episcopi Innocentium. Эти монеты часто копируют изображение и даже легенду – SIT NOMEN DOMINI BENEDICTVM – королевских и баронских монет того же времени. Вот два или три девиза разного рода, встречающиеся на монетах, опубликованных г-ном Риголло: Vous vees le temps tel qu'il est; – Guerre cause mainlz hélas; – La paix est sous la main de Dieu, – Sidera pace vigent, concrescunt terranea; – Bene vivere et lætari, и т. д. Рассматривая внимательно монеты Дураков, несколько ученых полагали, что

эти монеты раздавались взамен контрольной марки или билета на процессии, смотры, игры и театральные представления, которые епископ Невинных имел привилегию устраивать своими овцами, или приверженцами, или сотоварищами.

В Амьене, который, кажется, был центром обширной империи Невинных и который имел также, как мы сказали, папу Дураков, капитул собора нес расходы на Праздник Невинных, который старшие и младшие викарии праздновали по древнему обычаю (ut antiquitus facere solebant) до середины XVI века. В Лане каноники присутствовали на этом Празднике, о котором упоминается в регистрах собора под 1284 и 1397 годами: избрание епископа происходило в канун дня святого Николая; после ужина в будний день сотрапезники пели антифон и De profundis. В Нуайоне епископ Невинных был в 1416 году одним из каноников собора; кроме того, был король Дураков, называвшийся королем Викариев, который носил королевскую корону на службе Обрезания, more antiquo. В Перонне Праздник и епископство Невинных просуществовали вплоть до полного XVII века; но этот Праздник в последние времена ограничивался ужином каноников и служек. В Реймсе, Руа, Корби, Туле, Байё и т. д. находят подлинные следы Праздника Невинных, избрания епископа, пиршеств и маскарадов, происходивших в его честь. На юге Франции повсюду с таким же рвением избирали епископов Дураков скорее, чем Невинных. В Ви-

вье епископ-дурак (episcopus stultus), в митре и с посохом, торжественно проводился на епископскую кафедру, где он слушал службу в течение трех дней святого Стефана, святого Иоанна и Святых Невинных; он преподавал благословение присутствующим, и его эконом, в ризе, как и он, с подушкой на голове вместо шапки, возглашал шутовские индульгенции, менявшиеся на каждой службе.

В Вьенне в Дофине епископ Невинных, избранный в ризнице собора с 15 декабря молодыми клириками, служил понтификально, председательствовал на обеде низшего духовенства, раздавал благословения, назначал публичные процессии и получал от архиепископа Вьенна в знак повинности три золотых флорина, меру вина и две вязанки дров. Служки занимали места и сиденья каноников во время шутовских церемоний этого Праздника, который исчез лишь в 1670 году и который праздновался таким же образом в Шалоне-на-Соне. В этом последнем городе епископ Дураков, разъезжавший на осле и окруженный своим шутовским духовенством, обедал публично на подмостках, воздвигнутых перед собором, среди криков, песнопений и гримас веселой ватаги. В Эксе епископа-дурака (fatuus) выбирали каждый год 21 декабря среди служек самим капитулом, который предоставлял митры, ризы и украшения для Праздника Дураков; этот Праздник был упразднен лишь в 1543 году, propter insolentias et inhonestates quae fiebant. Он сохранялся в Антибе вплоть до 1644 года, когда Лоран Мем, бывший

его свидетелем в церкви Кордельеров этого города, написал своему другу Гассенди, чтобы пожаловаться на это невероятное суеверие. Актеры этого Праздника, подобные неистовым безумцам, облачались в священнические украшения, надетые наизнанку или разорванные, чтобы занять места в хоре; они держали молитвенники вверх ногами и делали вид, что читают в очках, стекла которых были заменены апельсиновыми корками; они кадили себе золой или мукой, бормотали бессвязные слова и издавали крики, подобные рычанию зверя и хрюканью свиньи. Праздник Дураков был всеобщим во всем христианском мире в Средние века; но нигде его не праздновали с таким пылом, как во Франции, где даже Реформация не имела силы уничтожить его, как в других местах. Поэтому он оставил меньше следов в церковных анналах иностранных стран; можно было бы привести мало документов, аналогичных этой описи украшений церкви Йорка, датированной 1530 годом, в которой упоминается маленькая митра и кольцо для епископа Дураков.

Монастыри мужские и женские также имели свой Праздник Невинных с избранием аббата-дурака и аббатисы-дуры. Это было главным образом в нормандских аббатствах, где этот Праздник пустил корни уже в XIII веке. Одон Риго, архиепископ Руана, во время посещения своей епархии в 1345 году, нашел, что Праздник Дураков и Невинных был поводом для разврата и непристойностей во всех общинах обоих полов. Монахини переодевались мужчинами, пели пе-

реиначенные уроки на службе Святых Невинных и назначали маленькую аббатису, которая в этот день узурпировала место и посох настоящей аббатисы. В монастырях монахов аббат Глупцов (abbas Stullorum) или аббат Простаков (abbas Conardorum) имел мало назидательные отношения с маленькими аббатисами и аббатисами-дурами, как свидетельствует эта легенда на старой монете Дураков: DE BONE NOAINS NON CURE DE VIELX A. B. Но, по крайней мере, излишества, которым давало повод избрание аббата-дурака и аббатисы-дуры, почти всегда заключались в пределах безмолвной ограды монастыря.

Однако, уже с начала XV века Французская Церковь взялась за войну со скандалами, которые этот Праздник внедрил вместе с собой в практику культа, если не в религиозный догмат; Прагматическая санкция давала епископам и капитулам большую силу против профанаций, совершавшихся тогда в святых местах. Нельзя было надеяться уничтожить сразу обычай увеселения, который церковнослужители считали одной из своих драгоценнейших привилегий. Поэтому начали с того, что оградили святые места от этих профанаций, этих маскарадов и этих театральных игр, которые сначала удалили под портал, в костницы, на паперть дома Божьего; с тех пор окончательно отделили культ и литургию от языческих наслоений, которые их бесчестили. Клирики, однако, не отказались от своих развлечений; и в то время как миряне наследовали, так сказать, Празднику Дураков и об-

разовывали веселые ассоциации для постановки мистерий, Церковь постепенно отзывала свое покровительство излишествам декабрьской вольности. Эта вольность распространилась по всему католическому календарю, и разные праздники святых дали ей приют, несмотря на епископские, синодальные и капитульные увещевания. В Лизье вечером святого Урсина, празднуемого 29 декабря, каноники совершали кавалькаду в гротескных одеяниях, с барабанами и гобоями. В Алансоне 6 декабря, в день святого Николая, братство этого святого водило по городу ребенка, одетого епископом. В других местах праздновали Мартиналии, или праздник святого Мартина, праздник святой Екатерины, праздник святого Лазаря, праздник святого Элоя и т. д. с шутовским церемониалом, который должен был быть подражанием Празднику Дураков. Вербное воскресенье, Рогации, Вознесение, Праздник Тела Господня также были более или менее посвящены этим шутовствам, которые, говорит ордонанс синода в Камбре в 1565 году, «пахнут скорее язычеством, чем христианской скромностью». Это всегда были маскарады, фарсы и игры, которые предваряли рождение драматического искусства.

Воспоминания о язычестве прилепились главным образом к праздникам мая, сохранившим оттенок Луперкалий и сельских празднеств. Обновление природы и время зелени во все времена и во всех странах пробуждали веселость и приглашали к удовольствиям. Отсюда этот праздник 1 мая,

который почти все религии праздновали процессиями, песнями и танцами; отсюда эта установка майского дерева, которую каждое братство было так ревниво устраивать с пышностью и торжеством. Братья Башни, то есть судебные писцы Дворца Парижа, составлявшие компанию Матери-Глупости, в конце концов присвоили себе исключительно честь установки майского дерева в городе, и их кавалькада в масках под звуки музыки была, несомненно, вырождением эпизодов Праздника Дураков. Власть пап, патриархов, епископов, архиепископов и аббатов Дураков и Невинных повсюду длилась целый год и проявлялась в некоторые праздники теми смотрами, которые были увеселением наших предков. Было вполне естественно, что Дураки свидетельствовали о своем присутствии в ту пору года, когда цветут бобы; ибо народное предрассудок устанавливало неизбежное совпадение между цветением бобов и нашествием глупости. Вот почему, без сомнения, зеленый был эмблематическим цветом, ливреей глупости и, следовательно, Башни. Понятно поэтому, что 1 мая, на празднике Зелени, Мать-Глупость созывала своих мирских приверженцев, как папы, епископы и аббаты Дураков и Невинных – своих церковных сотоварищей и слуг. Этот праздник 1 мая имел иногда причудливый церемониал, похожий на представление мистерии. В Вьенне в Дофине, согласно древней рукописной служебной мисале, четыре обнаженных и черных человека (nudi denigrati) выходили утром 1 мая из архиепископского дворца и бега-

ли по улицам, созывая мельников и булочников, которые являлись хорошо снаряженными и вооруженными перед архиепископством: там они приветствовали короля, назначенного архиепископом, и составляли ему свиту, предшествуемые четырьмя черными; шли таким образом к госпиталю святого Павла, дверь которого была заперта. Один из стражей короля стучал в эту дверь, спрашивая святого Павла. Ему отвечали сначала: он читает свои часы; затем: Он садится на коня; и наконец: Видите его здесь совсем готового. И святой Павел появлялся, верхом на коне, одетый отшельником, несущий бочонок вина, хлеб, окорок и мешок, наполненный золой, которую он бросал в лицо прохожим. Король праздника клялся на Евангелии и обещал нотариальным актом возвратить святого Павла невредимым в госпиталь. Кортеж переносился в монастырь Дам-де-Сен-Андре, где аббатиса предоставляла ему королеву, разодетую, как и король, самым гротескным образом: королеву и короля затем торжественно водили вокруг города с оглушительными криками и смехом.

Процессии и кавалькады должны были неизбежно стать последним выражением Праздника Дураков, который так трудно было удалить из церквей и изъять из литургии. Эти процессии были, без сомнения, компенсациями, предложенными актерам и зрителям этого Праздника, столь же дорогого одним, как и другим. Каждый город имел свою процессию, более или менее знаменитую в провинции. Процессия Эпинетты в Лилле, Матери-Глупости в Дижоне, Принца Люб-

ви в Турне, Принца Молодежи в Суассоне, Карита в Безье, Праздника Тела Господня в Эксе были замаскированными эпизодами Праздника Дураков и в то же время вызреванием зарождающегося театра. Праздник Тела Господня в Эксе имел особенно блеск и известность, не совсем утраченные и в наши дни. Король Рене, граф Прованский, не пренебрег сам составить регламент этого празднества. Следуя старым традициям, которые он восстановил в своей доброй городе Эксе, он не только установил костюмы, порядок и шествие играющих, но еще и сам сочинил музыку и танцы этого рыцарского, церковного и народного празднества, в котором фигурировали: лейтенант принца Любви, король и старшины Башни, аббат города, дьяволы, каскассело (прокаженные), апостолы, царица Савская, тирассоны лошадей фру и т. д. Это празднество происходило в канун, в день и в октаву Праздника Тела Господня, в понедельник Пятидесятницы и в воскресенье Троицы, и каждый день приносил новые церемонии, стоившие городу значительных сумм и всегда возбуждавшие энтузиазм зрителей. Эти кавалькады, эти процессии сопровождались сценическими представлениями, немыми или диалогическими, серьезными или комическими, которые стали мистериями и соти, когда нашелся поэт, чтобы сложить их в рифмы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.